Верхоломов С. А.
S. A. Verkholomov

ДИСКУССИИ О ПОНЯТИИ «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

DISCUSSIONS ABOUT THE CONCEPT "GLOBALIZATION" IN RUSSIAN AND ANGLO-AMERICAN HISTORIOGRAPHY OF THE SECOND HALF OF XX-TH CENTURY

Верхоломов Сергей Александрович – аспирант кафедры истории и юриспруденции Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 72, корп. 2, кв. 57; 89098896689. E-mail: verholomov_s@mail.ru.
Mr. Sergey A. Verkholomov – PhD Candidate, the Department of History and Law, the Amur Humanitarian and Pedagogical University. 72/2 Lenina St., ap. 57, tel.: + 89098896689. E-mail: verholomov_s@mail.ru

Аннотация. В статье освещена проблема противоречивого толкования понятия «глобализация» в отечественной и англо-американской историографии второй половины XX в.

Summary. The article deals with the problem of inconsistent interpretation of the concept "globalization" in Russian and Anglo-American historiography of the second half of XX-th century.

Ключевые слова: глобализация, неолиберализм, капиталистическая система, транснациональные корпорации, демократия, мир-системный анализ, фрагментарный образ, национальное государство, культурная глобализация.

Key words: globalization, neoliberalism, capitalist system, transnational corporations, democracy, world-system analysis, national state, cultural globalization, fragmentary image

УДК 951.06(093.5)

В научных кругах термин «глобализация» начал употребляться в 60-х гг. XX в. в работах французских и американских авторов (Д. Медоуз, Дж. Модельски, Р. Фолк). Наполнение смыслом этого термина произошло в конце XX в., что было связано с происходившими в мире событиями: развал СССР, крушение железного занавеса в Восточной Европе, интеграция Китая в мировую систему и т.д. На сегодняшний день существует большое количество определений понятия «глобализация». Российский экономист М. Делягин под глобализацией понимает «процесс лавинообразного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных, технологий» [6, 68]. Отечественный историк Ю. Комар определяет «глобализацию» как «реальный, объективный процесс, резко интенсифицирующий взаимодействие государств и народов и их экономик, различных культур и цивилизаций и ведущий к большому единству мира» [2, 164]. Данная ситуация стала возможной благодаря существованию большого количества концепций, объясняющих феномен «глобализация». Теории не только в полной мере не разрешают спор о сущности глобализации, но и создают ситуацию недопонимания феномена глобализации. Об этом пишет американский политолог Д. Хэлд: «Глобализации грозит опасность превратиться в расхожее клише нашего времени, стать расплывчатой идеей, которая охватывает все – от мировых финансовых рынков до Интернета, – но которая мало что дает для понимания современных условий человеческого существования» [11, 1]. В предлагаемой

статье сосредоточено внимание на выявлении причин противоречивого толкования понятия «глобализация».

Термин «глобализация» является молодым, но очень популярным не только среди ученых и политиков, но и среди обычных людей, что, в первую очередь, связано с надеждами, которые они возлагают на этот феномен, ассоциирующийся у людей с созданием идеального общества в третьем тысячелетии. Однако не все столь радужно оценивают глобализацию, подчеркивая, что этот процесс не разрешает накопленные проблемы, а скорее закрепляет старую систему отношений и противоречий. В связи с перечисленными обстоятельствами можно констатировать, что раскрытие феномена «глобализация» имеет под собой идеологический контекст. В связи с такой трактовкой этого явления следует выделить два направления: гиперглобалисты – это те, кто выступает за ускоренную глобализацию, и скептики, которые критично оценивают данный процесс.

Гиперглобалисты (К. Омаэ, Н. Стерн, Д. Стиглиц, С. Стрэндж) «… используют преимущественно экономическую логику, стоят на позициях неолиберализма, приветствуют возникновение единого рынка и законов глобальной конкуренции как свидетельство человеческого прогресса» [11, 3]. В книге «Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики», в написании которой участвовал коллектив авторов во главе с Н. Стерном, описана логика гиперглобалистов. По их мнению, экономическая глобализация создает новый тип мировой экономики, и те, кто участвует в ее построении, выходят победителями. Происходит повышение производительности труда, увеличение реальной заработной платы, снижение уровня бедности. А там, где это не происходит, вину перекладывают на национальное государство, которое создает барьеры для процесса глобализации, поэтому там только проигравшие [5, 1].

Среди сторонников этого направления можно выделить американского экономиста Д. Стиглица (хотя он не стоит на позициях неолиберализма). Д. Стиглиц оценивает глобализацию следующим образом: «Я продолжаю верить в то, что глобализация, то есть устранение барьеров на пути свободной торговли и более тесная интеграция национальных экономик, может быть доброй силой, и в то, что в ней заложен такой потенциал развития, который способен улучшить жизнь всех жителей Земли, в том числе тех, кто сейчас беден» [10, 7].

В свою очередь, как упоминалось выше, гиперглобалистам противостоят скептики, которые выступают с критикой при изучении этого процесса. Для скептиков (Р. Страйкер, Н. Флайстайн, А. Зиновьев и др.) глобализация – процесс не новый, мир уже сталкивался с происходящим явлением в начале XX в. Так, например, американский исследователь Н. Флайстайн полагает, что «рост объема мировой торговли в последние два десятилетия не был столь значительным, чтобы его можно было бы относить к числу важнейших факторов, способствовавших формированию глобальной экономики» [3, 85]. Американский социолог Р. Страйкер относит к одному из первых проявлений глобализации капитализм, о котором еще писали в XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс. Кроме того, глобализация на современном этапе не снижает уровень бедности, она еще больше ее усиливает в слаборазвитых государствах, в богатых же странах происходит маргинализация рабочего класса (обеднение среднего класса). Не происходит повышение производительности труда, а прибыли капиталисты получают, играя на финансовых рынках, зарабатывая от этого спекулятивный капитал, который еще больше усугубляет положение дел на внутренней и международной арене. Представители данного идеологического направления утверждают, что глобализация – это не способ преодоления противоречий и решения проблем, а затянувшийся кризис.

Американский политолог И. Валлерстайн, анализируя современную систему, указывает на то, что капиталистическая система вступила в фазу системного кризиса. Распространение капиталистической мир-экономики и превращение ее в капиталистическую мир-систему (это, по его мнению, и есть глобализация) не приводит к снижению бедности, а закрепляет структурное деление на ядро, полупериферию и периферию, тем самым происходит снижение доходов бедных стран. Он пишет: «За пятисотлетнюю историю КМЭ только 10–20 % мирового населения (жители ядра) значительно увеличили свои доходы и повысили уровень жизни. Уровень доходов «остальных» 80–90 % снизился, а качество жизни ухудшилось по сравнению с тем, что было в этих зонах до 1500 г.» [1, 32].

Российский социолог и философ А. Зиновьев в книге «Запад» приходит к выводам о перспективах глобализации. Идея создания глобального общества является продуктом западной идеологии. На первых порах реализации данной идеологии помогала программа модернизации, а на последних этапах – неолиберализм. В рамках западной идеологии глобализации дается следующее обоснование: во-первых, мир столкнулся с глобальными проблемами (бедность, перенаселение планеты, экология), решить которые можно только совместными усилиями; во-вторых, идет процесс складывания мировой экономики, которая ломает старые границы (национальное государство), поэтому необходимо создать орган (в мировом масштабе), ее регулирующий; в-третьих, мир уже «опутан сетью международных объединений, сплотивших человечество. Сложилась международная система производства, распределения и потребления информации» [7, 387]. Далее автор утверждает, что «все вроде бы верно», но есть одно допущение. Идея создания глобального общества есть идея западная, а не общемировая, и все выгоды от этого проекта будет иметь Запад, а интересы других народов будут ущемлены в лучшем случае, в худшем – они станут придатком этой системы, а для закрепления такого положения дел на их просторах будут навязаны псевдолиберальные ценности.

Помимо идеологического противостояния при описании этого явления немаловажную роль в создании размытого понятия «глобализация» играют междисциплинарные противоречия. В XX в. происходит развитие научной мысли, в результате чего формируются новые научные дисциплины, выбирающие собственный объект исследования и методологию. Вследствие этого создается фрагментарный образ феномена «глобализация», так как авторы раскрывают лишь одну сторону этого явления – культуру, экономику, политику и т.д. Продемонстрируем немногие из них.

В работе американского социолога П. Бергера «Культурная динамика глобализации» глобализация ассоциируется с распространением западной культуры и ценностей – Давосская культура, клубная культура интеллектуалов и религиозные движения. Давосская культура – это международная культура ведущих деловых и политических кругов мира, управляющая экономической и технологической глобализацией. И те государства, которые принимают участие в этом форуме, являются наиболее развитыми и вступили на новый уровень развития, который открывает перед ними новые возможности. Страны, не участвующие в заседаниях, не подвергаются глобализации, напротив, по мнению Бергера, такое деление усиливает глобализацию. Данное явление называется «упреждающей социализацией». Клубная культура интеллектуалов предполагает распространение не только ценностей запада (гражданские права, феминизм, демократия и т.д.), но и образа жизни рядового американского жителя. Немаловажную роль в процессе глобализации, полагает автор, играют религиозные движения, в частности он выделяет пятидесятничество. Это религиозное движение охватывает Азию, Океанию, Африку, Латинскую Америку. И «обращение в эту религию меняет отношение людей к семье, сексуальному поведению, воспитанию детей и, что самое главное,

к работе и к экономике вообще» [9, 15–16], в связи с чем происходит приобщение людей к протестантской этике, а вместе с этим – к западным ценностям. Однако, как мы видим, для П. Бергера определяющим при изучении этого феномена становится культура, которая объясняет не только культурную, но и технологическую, и экономическую глобализацию.

И. Валлерстайн объясняет глобализацию с экономических позиций. Его «научная программа» – мир-системный анализ – построена на экономических принципах и подстраивает под эту категорию политику и культуру. «В основе культуры и идеологии, – утверждает Валлерстайн, – лежит функциональная потребность мир-экономики в устранении всех социальных барьеров на пути всеобщей товаризациии и полного развития рынка и в то же время в обеспечении неравного распределения прибавочной стоимости – источника накопления капитала» [2, 37]. Поэтому, по мнению И. Валлерстайна, расизм, национализм, государство благоденствия являются такими же проявлениями мир-системы, что равенство и прогресс.

Помимо экономики и культуры нередко самостоятельным элементом в процессе глобализации выступает государство. Это связано с тем, что многие авторы (К. Омаэ, Э. Перро, Р. Кокс), изучающие глобализацию, говорят о том, что национальное государство как социальный институт вымирает. Международные организации (ВТО, ВМФ) и транснациональные корпорации сводят к минимуму функции национального государства. Производство и накопление не связаны с какой-либо территорией, эти элементы становятся космополитичными. Современные проблемы (терроризм, экология, бедность, преступность и т.д.), с которыми столкнулось человечество, не разрешимы национальным государством, поэтому происходит вымирание национального государства, а на его основе формируется новый регулирующий орган.

В процессе изучения глобализации авторы теорий (К. Шварцман, Д. Белл, В. Иноземцев) выделяют демократию как некую самостоятельную область исследования. В работе «Демократия и Модернизация» рассматриваются «перспективы классической либеральной демократии в XXI столетии» [8, 5]. По мнению авторов (Д. Белл, В. Иноземцев, Д. Данн, З. Бауман и др.), в условиях глобализации происходит переосмысление демократии не только в странах, которые переняли эту форму правления после крушения СССР, но в самих западных обществах, где усиливается скепсис в отношении демократических ценностей. Поэтому авторы решили, что целесообразно исследовать данную проблему. Для себя они ставят вопросы, раскрывающие не только особенности демократической формы правления, с которыми она столкнулась на пороге третьего тысячелетия, но и многообразие демократического опыта в современном мире, а также международное измерение демократии.

Немаловажную роль в развитии расплывчатого образа глобализации играет сопротивление этому процессу региональных и традиционных культур. Культура является важным компонентом формирования коллективной и индивидуальной идентичности, а глобализация их разрушает, предлагая на их место западные ценности, в первую очередь, потребления и поведения, которые в полной мере не объясняют место человека в этом мире (Р. Робертсон, С. Хантингтон). Английский политолог П. Престон считает, что «с изменением общей расстановки сил на глобальном уровне неизбежно трансформируются и сложившиеся структуры политико-культурной идентичности. При этом соответствующие изменения происходят на региональном, на национальном и на субнациональном уровнях, в результате чего идет переосмысление политической элитой своего места и роли, изменение повседневной деятельности и сложившихся представлений» [4, 57]. В результате сопротивления создаются самозамкнутые системы (политические режимы, национальные, интеллектуальные и религиозные

объединения), предлагающие альтернативный проект глобализации, который вносит вклад в создание расплывчатого образа глобализации.

Таким образом, большое количество концепций, возможно, связано с преобладанием цивилизационного подхода в исторической науке, однако они не раскрывают понятие «глобализация». Создаются условия для того, чтобы это понятие потеряло свою «аналитическую ценность». Как утверждает американский социолог Р. Робертсон, «произошла глобализация «глобализации»». Этому способствуют идеологическое противостояние, выраженное борьбой гиперглобалистов и скептиков, междисциплинарные противоречия, вызванные процессом накопления знаний, вследствие чего создается фрагментарный образ этого явления, сопротивление региональных и традиционных культур, в результате чего возникает альтернативный проект глобализации. Следует учитывать и влияние постмодернизма, методология которого предполагает смещение акцентов с макро- на микроуровень, «где политические, институциональные и социальные практики предстают «сценариями культуры», а точнее – дискурсивными наборами символических систем» [12, 306]. Таким образом, происходит смещение акцента с понятия «глобализация» на понятие «глобальный» (глобальная культура, глобальная экономика, глобальная политика и т.д.), а вместе с этим утрачивается смысл превращения этой теории в парадигму, объясняющую развитие общества в XXI столетии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валлерстайн, И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – 176 с.
2. Глобализация и афро-азиатский мир. Методология и теория: реф. сб. – М.: ИНИОН РАН, 2007. – 164 с.
3. Глобализация: контуры XXI в.: реф. сб. – М.: РАН ИНИОН, 2004. – Ч. II. – 252 с.
4. Глобализация: контуры XXI в.: реф. сб. – М.: РАН ИНИОН, 2004. – Ч. III. – 196 с.
5. Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики / под ред. М. Ю. Пахалова; пер. с англ. Е. Л. Длугач, Д. Д. Подъяпольского. – М.: Весь Мир, 2004. – 216 с.
6. Делягин, М. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / М. Делягин. – М.: Форум, 2000. – 183 с.
7. Зиновьев, А. А. Запад: избранные сочинения / А. А. Зиновьев. – М.: Астрель, 2008. – 512 с.
8. Иноземцев, В. Л. Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI в. / В. Л. Иноземцев. – М.: Европа, 2010. – 318 с.
9. Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. В. В. Сапова. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 379 с.
10. Стиглиц, Дж. Глобализация: тревожные тенденции / Дж. Стиглиц. – М.: Мысль, 2003. – 304 с.
11. Хелд, Д. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Д. Хелд [и др.]; пер. с англ. В. В. Сапова. – М.: Праксис, 2004. – 576 с.
12. Юдельсон, А. В. Хрестоматия постмодернистской истории / А. В. Юдельсон, К. Дженкинс // Образы историографии: сб. ст. – М.: РГГУ, 2000. – С. 305-324.

Гореликов А. И.
A. I. Gorelikov

ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ КАК НОВЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ

MODERNIZATION THEORY AS A NEW APPROACH TO THE STUDY OF THE HISTORY OF MANKIND

Гореликов Андрей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681003, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Первостроителей, 15-71; 8(4212)53-14-37. E-mail: Gorelikov-Andrei@ mail.ru.

Mr. Andrei I. Gorelikov – PhD in History, Lecturer of History and Archival Science, Associate Professor, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, (Russia, Komsomolsk-on-Amore); 681035 Russia, Khabarovsk region, Komsomolsk-on-Amur, 15-71 Pervostroiteley Pr. E-mail: Gorelikov-Andrei@ mail.ru.

Аннотация. В статье сделана попытка изложить авторскую позицию о потенциальных возможностях теории модернизации как нового подхода к исследованию истории человечества.

Summary. This paper is an attempt to state the author's view of the potentials of the modernization theory as new approach to study the history of mankind.

Ключевые слова: модернизация, методологический подход, историческое познание.

Key words: modernization, methodological approach, historical science.

УДК 94:39(571.6)

В последние годы все большее число исследователей из различных областей научного знания начинают работать в рамках модернизационной парадигмы. В мировом обществоведении создан значительный теоретико-методологический багаж изучения проблемы модернизации и развития. Разработаны критерии, определены фазы, этапы и типы модернизации, их влияние на темпы и характер самого процесса модернизационного перехода (Ш. Эйзенштадт, У. Ростоу, Д. Эптер, А. С. Ахиезер, А. Г. Вишневский, В. А. Красильщиков, С. Н. Гавров, В. В. Алексеев и др.).

Понятие «модернизация» как новая объяснительная модель общества, ставшее весьма популярным в академических кругах, получило объяснение в материалах «круглого стола» журнала «Вопросы философии» под общим названием «Российская модернизация: проблемы и перспективы» [11]. Как строго научный термин «модернизация» стал широко употребляться в качестве выражения прогрессивной культурно-цивилизационной парадигмы. Большинство авторов едины в том, что модернизация есть переход от традиционного общества к современному, от аграрного – к индустриальному. Это комплексный процесс, который охватывает все стороны общественной жизни: экономическую, социальную, правовую, политическую, культурную. В ходе модернизации менее развитые общества приобретают черты более развитых [1, 4].

Материал поступил 12.04.2011

При анализе структурных изменений, происходящих в состоянии перехода от традиционного к современному обществу, теория модернизации выявляет целостно-обобщающий характер, специфику политических, экономических, социальных и духовных изменений [9, 40].

Волна модернизации, прокатившаяся по России в течение трех столетий, в определенной степени привлекла внимание философов, историков, экономистов, социологов, политологов, многие наблюдения которых представляют несомненный интерес по ключевым вопросам: о характере российской модернизации, роли государства, механизмах воздействия государственных и институциональных структур на модернизацию и общество.

С. Н. Гавров рассматривает российский опыт модернизации в комплексной культурно-цивилизационной специфике, где имперская модель предполагает не структурную модернизацию, а преимущественно качественные изменения внутри тех или иных сфер [3, 52].

С изучением модернизации социокультурной сферы все чаще звучит предположение о первичном характере социокультурной модернизации по отношению к таким сферам жизни общества, как экономика и культура [12, 6]. С таким подходом нельзя не согласиться. Радикальное ускорение исторической и социокультурной динамики, отдельных культурно-цивилизационных ареалов охватывает значительные пласты общества, особенно в его «глубине» и на периферии. Данный вывод подтверждается многочисленными наблюдениями и теоретическими моделями.

Реформы Петра I, впервые оформившиеся в наиболее полном виде, являли собой модельный образец имперской модернизации. Технический рывок, совершенный в эпоху петровских реформ, не был подкреплен соответствующими изменениями в политическом устройстве и социальной жизни общества. Революция 1917 г. позволила обеспечить имперский мобилизационный прорыв, продолжая очередной этап имперской модернизации, реализуя идею справедливости, понимаемую в духе архаичного равенства.

Теория модернизации является вполне устоявшейся в истории и, кроме того, претендует на прочное место как весьма сложное концептуальное явление осовременения на более высоком уровне знания, позволяющего обнаружить особенности переходного этапа общества от одной цивилизации к другой.

Известно, что теория модернизации сложилась в 50–60-е гг. XX в. как одна из тенденций общественно-исторического развития. «История модернизационного процесса России, – пишет Л. В. Поляков, – его отдельных этапов, начиная с петровских реформ и по сегодняшний день, в значительной степени уже реконструирована и продолжает воссоздаваться» [10, 6–7].

Развернувшаяся дискуссия по проблемам модернизации, связанная с трансформационными проблемами посткоммунистического общества, после 1990 г. внесла свой вклад в разработку концепции модернизации и методологию ее изучения. Вольфган Цапф (Берлинский научный центр социальных исследований) рассматривает модернизацию в трехмерном временном плане: «во-первых, как секулярный процесс, начатый индустриальной революцией, в ходе которого развилась небольшая группа сегодня модернизированных обществ; во-вторых, как многообразный процесс, в ходе которого оставшиеся догоняют ушедших вперед; в-третьих, как попытки модернизировавших государств дать ответ на новые вызовы на пути инноваций и реформ» [14, 14].

Здесь мы подходим к вопросу, имеющему ключевое значение для рассмотрения масштабных радикальных преобразований, приобретших подвижный, динамичный характер, выводивший развитие на новый, более высокий уровень. Такой скачок в развитии более аде-

кватно может быть описан с помощью особой методологии, которую А. Дж. Тойнби охарактеризовал как «вызов» и «ответ» [13, 126].

Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное, с точки зрения усложнения структуры, состояние. Отсутствие вызова означает отсутствие стимулов к развитию. Такой подход объясняет смену цивилизаций в человеческом обществе и преодоление динамического порога в его историческом развитии как своеобразный «ответ» на возникший «вызов».

В общественно-экономическом плане эти представления подкрепляются на переломных этапах развития, ускоряют сдерживающиеся процессы, высвобождаются инновационные системы, позволяющие рассчитывать на быстрый экономический рост, что оправдывает жертвы болезненного, но краткого перехода.

Определяя место теории модернизации в исследовательском процессе, В. Цапф утверждает, что если бы теории модернизации совсем или больше не было, ее пришлось бы придумать [14, 25]. С такой оценкой теории модернизации немецкого профессора созвучна высказанная несколько раньше оценка российского ученого А. С. Ахиезера: «Модернизация – явление цивилизационного масштаба, то есть она по своей сути форма, сторона перехода от традиционной цивилизации к либеральной, от общества, нацеленного на воспроизводство на основе некоторого статичного идеала, к обществу, рассматривающему повышение эффективности форм деятельности» [11, 4].

Трактовка модернизации России как двух последовательных этапов утвердилась в трудах В. А. Красильщикова, А. Г. Вишневского, которые обосновали модернизацию как единый мировой процесс, охватывающий все земное пространство [7]. Концепцию советской модернизации, ее структуру и элементы В. А. Красильщиков и А. Г. Вишневский рассматривают как объективную необходимость, как продолжение имперской модернизации. По мнению А. Г. Вишневского, у любой российской власти не было иного пути, как продолжать линию модернизации и догоняющего развития, который определился еще в петровские времена. Революция могла лишь подтолкнуть это развитие [2, 14]. Этот тезис получил развитие в работе В. А. Красильщикова «Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX в. с точки зрения мировых модернизаций»: «Перемены ускорялись, складывалась почва для предстоящего скачка, на которой впоследствии укоренилась советская, а по существу советско-славянская мобилизационная модель модернизации-индустриализации. Эта модель требовала огромных жертв, огромного напряжения сил, но, в известном смысле, она была задана всем предшествующим развитием» [7, 263].

Следовательно, советская модель ускоренной консервативной модернизации отвечала историческим условиям, в которых оказались народы России, хотя для них эта модель была далеко не идеальной, внутренне противоречивой, способной приносить успех дорогой ценой и лишь на очень непродолжительное время.

Имперская модель осуществляется, прежде всего, во имя стабилизации и консервации базовых характеристик империи, чему служат как инокультурные заимствования, так и достижение конкурентноспособности отдельных элементов культурно-цивилизационной системы. В течение большой части прошлого века осуществлялся социалистический проект имперской модернизации, представляющий собой отчаянную попытку достигнуть количественных экономических показателей ведущих государств.

Проведенный нами анализ научных публикаций дает более или менее полную картину российских модернизационных трансформаций. С точки зрения изменений, происходя-

щих в рамках теоретико-методологического подхода, позволяющего не только упорядочить картину социокультурной эмпирики, через изменение которой и проявляются процессы модернизации, но и лучше понять причинно-следственные связи, приводящие к тому или иному повороту истории.

Л. С. Васильев считает, что модернизация – это своего рода великая революция, возможно, главная из тех, что пережило человечество. В любом случае, это глобальный феномен мировой истории [11, 7], из чего следует, что проблема модернизации – это проблема общества в целом. Эту оценку разделяет В. А. Красильщиков: «В широком смысле можно рассматривать модернизацию как социально-экономико-технологическую революцию, которая радикально меняет всю жизнь общества» [11, 9]. Опираясь на эти оценки, можно отметить, что модернизация есть результат творческого процесса, который на каждом конкретном историческом этапе несет в себе определенный этап новизны.

В современных условиях достаточно четко обозначились и реализуются несколько подходов к анализу и оценке модернизации. Согласно одному из них, с 60-х гг. XX в. теория модернизации самоутвердилась как наиболее передовое научное направление в последовательном решении крупнейших теоретических, методологических проблем исторической науки.

Поскольку общество постоянно находится в движении, в развитии, то соответственно изменяются, не могут стоять на месте и способы его познания [6, 97].

В этой связи важно ясно представить, что речь идет о переосмыслении задач и характера подходов к историческим процессам переходного периода. Главная мысль в оценке новых подходов с позиции теории модернизации лежит в формировании новой системы установок, где познание понимается не как описание того, что произошло, а как вмешательство в исторические процессы. Познание понимается в рамках проектно-конструктивного отношения к миру как научная теория.

Концепцию модернизации следует понимать, на наш взгляд, как моделирующий вариант познания исторического процесса, в ходе которого все общества проходят через одни и те же последовательные стадии развития, но со специфическими чертами, связанными с историческими условиями формирования конкретного общества.

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что теория модернизации стала объектом пристального изучения и острых дискуссий при разработке новых подходов, позволяющих понять и объяснить глубинные перемены в общественной жизни. В предлагаемой схеме исторического процесса модернизация есть неотъемлемая часть глобальной многосторонней трансформации мира, сердцевина всей трансформации.

В целом можно констатировать, что на уровне социокультурной организации российского общества основные усилия модернизации совершались ради сохранения, воспроизводства и упрочнения империи. Модернизация проявлялась в форме движения от аграрного к индустриальному обществу. Специфика выполненных задач имперского строительства позволяет рассматривать модернизацию как всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу. Ключевые проблемы модернизационного перехода демонстрируют роль государства как самой значимой, доминантной ценности, а общество лишь как средство для осуществления его величия и могущества.

В отечественной историографии процессы модернизации анализируются как на общероссийском, так и на региональном уровне. На конкретном историческом материале разных эпох прослеживается широкий спектр проблем имперской модернизации. Сложившаяся це-

лостная концепция позволяет по-новому увидеть удивительное своеобразие и неповторимость развития народов, входивших в состав Российской Империи.

Как всякая концепция, она нуждается в конкретной разработке, насыщении реально-историческим содержанием развития отдельно взятого региона, его геополитического положения, исторического наследия, уровня социально-экономического, политического и культурного развития, национального менталитета.

Поиск новых методологических подходов переосмысления отечественной истории при обращении к теории модернизации позволяет, по нашему мнению, в какой-то степени синтезировать достаточно противоречивые явления имперской модернизации России, рассматривать традиционные проблемы под нетрадиционным углом зрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, В. В. Россия в контексте модернизации / В. В. Алексеев // Российская модернизация XIX–XX вв.: институциональные, социальные, экономические перемены. – Уфа: Восточный университет, 1997. – С. 3–10.
2. Вишневский, А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР / А. Г. Вишневский. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с.
3. Гавров, С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России / С. Н. Гавров. – М.: Едиториал-УРСС, 2004. – 377 с.
4. Горюнов, В. П. Понятие «трансформация» как новая объяснительная модель общества / В. П. Горюнов // Фундаментальные исследования в технических университетах: материалы X Всероссийской конференции по проблемам науки и высшей школы. – СПб.: СПбПУ, 2006. – 577 с.
5. Гранин, Ю. Д. «Глобализация» или «вестернизация» / Ю. Д. Гранин // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 3–15.
6. Коломийцев, В. Ф. Законы истории или социологические закономерности? / В. Ф. Коломийцев // Отечественная история. – 1997. – № 6. – С. 91–98.
7. Красильщиков, В. А. Вдогонку за прошедшим веком: развитие России в XX в. с точки зрения мировых модернизаций / В. А. Красильщиков. – М.: РОССПЭН, 1998. – 263 с.
8. Мотрошилова, Н. В. Идеи единой Европы: философские традиции и современность / Н. В. Мотрошилова // Вопросы философии. – 2004. – № 11. – С. 3–18.
9. Пантин, В. И. Волна политической модернизации в истории России / В. И. Пантин, В. В. Лапкин // Полис. – 1998. – № 2. – С. 39–51.
10. Поляков, Л. В. Методология исследования российской модернизации / Л. В. Поляков // Полис. – 1997. – № 3. – С. 5–15.
11. Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 3–39.
12. Тихонова, Н. Е. Социокультурная модернизация в России (опыт эмпирического анализа) / Н. Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2008. – № 2. – С. 5–23.
13. Тойнби, А. Постижение истории / А. Тойнби. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.
14. Цапф, В. Теория модернизации и различие путей общественного развития / В. Цапф // Социс. – 1998. – № 8. – С. 14–26.

Учёные записки
Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета
№ III-2 (7)
2011

Кузина И. Л.
I. L. Kuzina

ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 30-е гг.

IDEOLOGICAL EDUCATION OF YOUNGER GENERATIONS IN THE SOVIET FAR EAST IN 1930-IES.

Кузина Ирина Львовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, Ленина, 27; 8-914-179-6393. E-mail: kuzina_irina@inbox.ru.
Ms. Irina L. Kuzina – PhD in History, Associate Professor at the Department of History and Archival Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin St.; 8-914-179-6393. E-mail: kuzina_irina@inbox.ru

Аннотация. В статье рассмотрена система идеологического воспитания молодежи, сложившаяся на Дальнем Востоке в 30-е гг. Выявляются средства идеологического воздействия на сознание молодых людей. Проанализировано состояние антирелигиозной пропаганды. Дана оценка эффективности идеологического воздействия на сознание и мировоззрение молодого поколения.

Summary. The article presents a review of the system of ideological education of youth that formed itself in the Soviet Far East in 1930-ies. Described are the instruments of ideological influence on young minds. The anti-religious propaganda is analyzed and the effectiveness of ideological influence on the minds and outlook of younger generations is evaluated.

Ключевые слова: идейное воспитание, антирелигиозная пропаганда, марксизм-ленинизм, советская пропаганда, советский Дальний Восток в 30-е гг., советская молодежь.

Key words: ideological education, anti-religious propaganda, Marxism-Leninism, Soviet propaganda, the Soviet Far East in 1930-ies, Soviet youth.

УДК 94(571.6):316.34

Идеологические факторы были призваны сыграть решающую роль в усвоении молодыми рабочими необходимых для советского государства социальных стереотипов и стандартов, образцов ролевого поведения, ценностей и норм.

Была развернута сеть школ и кружков по идейно-политическому воспитанию молодых людей. Организовывались кружки по изучению истории ВКП(б), политэкономии, ленинизма, текущей политики. Партийным и комсомольским организациям предписано было следить за проведением бесед, лекций, читок по идейно-политическим вопросам.

Особое значение отводилось изучению истории ВКП(б). С выходом «Краткого курса ВКП(б)» в 1938 г. эта задача значительно упрощалась. Ранее существовавшие учебники по истории партии было предписано изъять, чтобы избежать различия оценок и комментариев исторических фактов и утвердить единственную концепцию истории ВКП(б). Официально признанный учебник, в написании которого принял участие сам И. В. Сталин, был поставлен вне конкуренции с остальными учебными пособиями по общественным дисциплинам. Изучение истории ВКП(б) по «Краткому курсу» было положено в основу всей работы по идеологически-политическому вооружению коммунистов, комсомольцев, сочувствующих, всех трудящихся, воспитанию молодых кадров до конца преданными партии, способными организовывать массы на «борьбу за победу коммунизма». Освоение учебника объявлялось обязанностью и основным партийным долгом коммуниста и комсомольца.

Материал поступил 25.02.2011

И. В. Сталин подчеркнул особую значимость выхода «Краткого курса» в связи со слабой теоретической подготовкой пропагандистов, основной задачей которых было идеологическое воспитание [4, 7].

Далькрайком партии и комсомола направлял деятельность своих низовых организаций по идейному воспитанию молодежи. В принимавшихся многочисленных постановлениях для воспитания масс предлагались различные мероприятия: проведение читок газет, политбесед, политинформации. При работе с каждым кандидатом партии и сочувствующим основное внимание обращалось на повышение их идейно-политического уровня, вовлечение их в общественную работу, оказание в их работе повседневной помощи. Рекомендовалось устанавливать контроль за посещаемостью занятий, за подготовкой к ним и проработкой материала, следить за всемерным повышением бдительности каждого коммуниста и комсомольца, а также направлять массовую политическую работу среди рабочих на разворачивание социалистического соревнования и стахановского движения.

Однако, как свидетельствуют документы архивов, далеко не всегда пропагандистская и идейно-воспитательная работа носила тотальный и вездесущий характер. В политшколах и кружках существовали такие же проблемы, как в общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях Дальнего Востока: отсутствие преподавателей, учебных пособий, пригодных для занятий помещений. Среди пропагандистов, которые должны были нести «в массу живое слово большевизма» и «непосредственно работать над формированием коммунистического мировоззрения у молодежи» (см. прим. 1), был достаточно высок процент малообразованных людей. На Дальпромстрое в составе пропагандистов имели высшее образование 29 %, среднее – 29 %, семилетку – 8,6 % и низшее – 33,4 %. При этом 31,9 % имели стаж на пропагандистской работе меньше одного года, 25 % – два года и далее по убывающей (см. прим. 2). По Уссурийской и Приморской областям из 700 пропагандистов – 300 имели начальное образование. Преобладающее большинство пропагандистов не имели специального политического образования (см. прим. 3). В недоумение слушателей школ и кружков приводили высказывания и вопросы некоторых пропагандистов вроде: «Какое ваше мировоззрение на мировую революцию?» (см. прим. 4).

В Комсомольске-на-Амуре были организованы политшколы и кружки с охватом 1740 чел. на 1 декабря 1934 г. Летом 1935 г. сетью политобразования было охвачено уже 2866 чел. комсомольцев и 193 чел. несоюзной молодежи. Однако посещаемость комсомольцами занятий за июнь составила 73 %, в августе – снизилась до 51 %, а в отдельных кружках посещаемость доходила до 40–45 % (см. прим. 5).

Среди средств, применявшихся в целях образования и политического воспитания населения, первостепенная роль всегда принадлежала печатному слову. Это совершенно ясно осознавало советское руководство. «Печать – единственное орудие, при помощи которого партия ежедневно, ежечасно говорит с рабочим классом на своем, нужном ей языке. Других средств протянуть духовные нити между партией и классом, другого такого гибкого аппарата в природе не имеется», – учил И. В. Сталин [2; 3]. В связи с этим борьба за ликвидацию неграмотности приобретала для большевиков особую значимость. Дело образования проходило в неразрывном сочетании с пропагандой и агитацией. Для дальневосточной молодежи в первую очередь предназначалась «Комсомольская правда», а также краевые молодежные газеты «Тихоокеанский комсомолец», «Набат молодежи» и ряд местных газет. Для них был характерен язык лозунгов. Каждая статья, несущая какую-либо информацию, предварялась двумя или тремя заголовками с большим количеством восклицательных знаков. Отсутствовали полемические статьи и статьи-рассуждения. Все публикации носили бодро утверждающий характер, четко расставлялись акценты, объясняя, где белое, где черное и устанавливались правила поведения в условиях советской действительности. Однако на Дальнем Востоке возникали проблемы и с этим массовым видом воздействия на население. Многочисленные документы свидетельствуют, что на многие стройки и предприятия, не говоря уже о колхозах и деревнях, газеты не поступали или поступали в малом количестве.

Также обстояло дело и с литературой, которая должна была идеологически воспитывать молодое поколение в духе ценностей социализма. В письме из Ольско-Сеймчанского района жаловались: «О решениях IX съезда ВЛКСМ и V Дальневосточной краевой конференции мы абсолютно ничего не знали до сих пор, т.к. не было и почти нет в данный момент никаких материалов IX съезда и V краевой конференции. До сих пор не только краевыми организациями, но и центральными на наш район не обращалось должного внимания. Советизация в районе еще не закончена, есть такие места, где у власти находится «наместник его императорского величества»» (см. прим. 6). И таких глухих мест в крае было немало.

Особое значение в идейно-политическом воспитании молодежи, конечно, отводилось комсомольской организации. Комсомол обязан был следить за «чистотой» своих рядов и воспитывать подходящий резерв коммунистической партии. «Правилом поведения каждой комсомольской организации, каждого руководящего работника комсомола должна стать борьба за коммунистическое воспитание каждого молодого юноши и девушки и воспитания в них марксистко-ленинского мировоззрения» (см. прим. 7) – указывалось в документах ЦК ВЛКСМ. Однако уровень образования большинства комсомольских работников на протяжении 30-х гг. оставался достаточно низким.

В результате проверки областными комитетами ВЛКСМ (Амурским, Уссурийским, Приморским, Хабаровским, Еврейским, Зейским и Сахалинским) секретарей первичных комсомольских организаций выяснили крайне низкий уровень грамотности большинства из них и их крайне слабое культурное развитие. Большинство проверенных комсомольских низовых организаций не проводили никакой политической и культурно-просветительской работы. Практически отсутствовала политическая учеба, и даже комсомольские собрания проходили от случая к случаю, так что перерывы между ними достигали полугода. В ходе проведенной проверки было сменено большинство секретарей первичных комсомольских организаций по причинам бездеятельности, нежелания работать и развала организаций (см. прим. 8).

Проверки о деятельности комсомольской и партийной организаций на местах часто выявляли крайне низкий уровень проводимой работы. В процессе проверки работы на заводе № 126 г. Комсомольска было выяснено, что никакой партийной работы с рабочими и их семьями не велось. Политзанятия, доклады на политтемы и беседы не проводились. Рабочие не читали газет. Агитационно-массовая работа отсутствовала. Из 28 агитаторов работали только 8 (см. прим. 9).

В адрес Далькрайкома комсомола приходили жалобы от наиболее активных комсомольских работников, недовольных плохо организованной работой. Мобилизованный ЦК ВЛКСМ на пропагандистскую работу в край (Спасский район) докладывал секретарю ДКК ВЛКСМ: «Прибыл я в Спасский район 10 июля 1931 г. По приезде на место работы я встретил ряд препятствий в моей работе, во-первых, я столкнулся с безобразным явлением «чтобы я большие темпы работы не брал». Это, конечно, меня очень заинтересовало. Работа в ячейках ведется самотеком, лицо комсомола плохо видно в ячейках. Но кое-как я разузнал, как идут дела в ячейках по политминимуму. По прекрасным разговорам в райкоме мне рассказали дела на большой палец, но ячейки при проверке показали обратное, еще нигде не проводилась массовая разъяснительная работа и решения ЦК и ДКК конкретно не были поставлены перед каждым комсомольцем» (см. прим. 10).

Подтверждение слабой идеологической работы содержат партийные документы второй половины 30-х гг.: «Фронт идеологической, культурной, партийной, воспитательной работы остается у нас в Дальневосточной парторганизации самым заброшенным», – отмечалось в отчете Далькрайкома XII краевой партконфереции (май–июнь 1937 г.) (см. прим. 11).

Такое важное направление идеологического воспитания советской молодежи, как антирелигиозная пропаганда в 30-е гг. также отличалась слабой организованностью. Религия представлялась главным соперником коммунистической идеологии в деле влияния на умы и помыслы молодых людей. Целью советской системы была замена религиозных ценностей на большевистские. Учение марксизма-ленинизма должно было вытеснить из духовной жизни

религиозные представления и занять место религии как основного компонента культуры и мировоззрения. Первый нарком просвещения Советского государства А. В. Луначарский в статье «Об антирелигиозной пропаганде» (1919 г.) отмечал, что «пропаганда основ научного социализма приводит неминуемо к антирелигиозной пропаганде» [1, 100].

На протяжении 30-х гг. дальневосточные власти неоднократно обращались к проблеме антирелигиозной работы в крае. Секретариат Далькрайкома ВКП(б) в резолюции от 19 декабря 1930 г. «О состоянии безбожной работы» отмечал явно неудовлетворительную работу районных парторганизаций по антирелигиозной пропаганде. Материалы обследования состояния антирелигиозного движения в крае показывали, что на фоне оживления деятельности религиозных общин наблюдалось почти повсеместное ослабление работы безбожных организаций [3, 180]. В постановлении бюро Далькрайкома ВЛКСМ от 9 мая 1937 г. «Об антирелигиозной работе» отмечалась полная бездеятельность комсомольских организаций края в области антирелигиозной работы при значительном оживлении деятельности сектантов и церковников, особенно в Спасске, Ворошилове и Благовещенске. В ответ бюро ДКК обязало все обкомы, горкомы и райкомы ВЛКСМ обсудить на заседаниях бюро вопрос о состоянии антирелигиозной работы, провести широкие совещания актива по вопросам антирелигиозной и культурно-массовой работы среди молодежи, а также принять деятельное участие в возобновлении работы Союза воинствующих безбожников (СВБ), вовлечь в ряды союза широкие слои рабочей, крестьянской и учащейся молодежи. Кроме того, обязало лекторское бюро ДКК и обкомы ВЛКСМ организовать группы лекторов-антирелигиозников, а также провести цикл лекций на антирелигиозные и естественно-научные темы для молодежи и, отмечая совершенно малое количество антирелигиозной литературы на книжных полках магазинов и библиотек, отсутствие ее в ряде мест (например, в Ворошилове и на Сахалине), поставило вопрос перед крайоно об увеличении выписки антирелигиозной литературы для края (см. прим. 12).

Как отмечает Ю. Н. Бакаев в своем исследовании, посвященном проблеме взаимоотношений власти и религии и основанном на материалах Сибири и Дальнего Востока, для 30-х гг. была характерна слабость антирелигиозной работы в крае [1]. Планы, составляемые партийными властями по активизации антирелигиозного воспитания, оставались лишь на бумаге. Решением бюро крайкома ВКП(б) от 10 февраля 1934 г. краевой совет СВБ «за бездеятельность» был распущен. В марте 1934 г. бюро Далькрайкома партии утвердило новый состав крайсовета СВБ. Однако и этот состав бездействовал. В июне 1937 г. бюро Далькрайкома констатировало «полнейшую заброшенность антирелигиозной работы как в городе, так и в деревне» (см. прим. 13).

Ю. Н. Бакаев связывает спад антирелигиозного воспитания с изменением отношения многих практических работников к этой проблеме. Распространилось мнение, что с ликвидацией эксплуататорских классов, с устранением классовых корней религии отпадает необходимость активной и систематической научно-атеистической пропаганды. Требуется лишь закрывать культовые здания. Кроме того, с образованием на местах организаций СВБ некоторые партийные органы практически самоустранились от антирелигиозного просвещения, переложив его на плечи районных и городских отделов СВБ, значительная часть которых без должной партийной поддержки так и не приступила к работе. Сыграли роль аресты и репрессии работников СВБ, повлекшие постоянную смену его членов, что отражалось на эффективности антирелигиозной работы. Исследователь верно отмечает, что к началу 40-х гг. идейно-теоретический уровень пропаганды атеизма был чрезвычайно низок. «Типичным явлением стал подбор тех или иных цитат из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Отдельные их высказывания («религия – опиум народа») вырывались из контекста и использовались для того, чтобы декорировать чисто обличительные выпады против религии» [1, 134].

Сложившееся положение в антирелигиозном воспитании способствовало формированию у рабочей молодежи догматичного и схематизированного мировоззрения, опиравшегося

на некоторые лозунги марксизма-ленинизма и советской пропаганды, которое заменило религиозное мировоззрение.

Это также стало возможным благодаря маргинальному положению большинства молодых людей, попавших на предприятия и стройки Дальневосточного края. Молодые рабочие-переселенцы оказывались на Дальнем Востоке вне традиционного уклада жизни и патриархальности, свойственных деревне, и попадали в иной для них мир, требовавший отказа от традиционных представлений о мире. Так проходил этап десоциализации, молодые люди отказывались от религиозных представлений, однако привычные к религиозно-догматическому восприятию символов веры, они усваивали марксистско-ленинское учение как некую догму, не поднимаясь на уровень научного мировоззрения. Этому способствовал низкий уровень образования, обусловленный плохо отлаженной системой воспитания и образования.

Молодые люди были не в состоянии, да и не имели возможности приобщиться к принципам научного мировоззрения. Система марксистского мировоззрения воспринималась большинством на уровне отдельных лозунгов. Молодежи предлагались лишь схематичные и догматичные постулаты марксистско-ленинской идеологии. В условиях отдаленности и плохо организованной работы необходимая литература, содержащая даже схематизированное изложение марксистко-ленинской картины мира, поступала в край с большими перебоями.

Само положение идеологического воспитания не могло способствовать формированию богатого духовного мира и высокой культуры. Замена примитивной религиозности примитивным марксизмом не способствовала становлению научной картины мира у молодых людей и увеличению его духовного богатства. Десоциализация молодых людей в 30-е гг. зашла столь глубоко, что превратилась в разрушение ценностного мира, унаследованного от традиционной культуры, а в процессе ресоциализации полноценная компенсация утраченных ценностей, норм и ролей не обеспечивалась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакаев, Ю. Н. Власть и религия: история отношений (1917 – 1941) / Ю. Н. Бакаев. – Хабаровск: Изд-во ХГТУ, 2002. – 199 с.
2. Правда. – 1937. – 23 сентября.
3. Религия и власть на Дальнем Востоке России: сборник документов Государственного архива Хабаровского края. – Хабаровск, 2001. – 400 с. (частная коллекция).
4. Сталин, И. В. Выступление на совещании пропагандистов и руководящих кадров по пропаганде Москвы и Ленинграда «По вопросам об изучении истории ВКП (б)», 27 сентября 1938 г. / И. В. Сталин // Вопросы истории. – 2003. – № 4. – С. 7.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАХК. Ф.П. 2. Оп. 1. Д. 220. Л. 57.
2. ГАХК. Ф.П. 2. Оп. 1. Д. 220. Л. 68.
3. ГАХК. Ф.П. 618. Оп. 1. Д. 104. Л. 371.
4. ГАХК. Ф.П. 2. Оп. 1. Д. 220. Л. 69.
5. ГАХК. Ф.П. 618. Оп. 1. Д. 296. Л. 21.
6. ГАХК. Ф.П. 618. Оп. 1. Д. 269. Л. 56.
7. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 945. Л. 12.
8. ГАХК. Ф.П. 618. Оп. 1. Д. 317. Л. 19–20.
9. ГАХК. Ф.П. 2. Оп. 1. Д. 593. Л. 15.
10. ГАХК. Ф.П. 618. Оп. 1. Д. 269. Л. 6.
11. ГАХК. Ф.П. 2. Оп. 1. Д. 958. Л. 77.
12. ГАХК. Ф.П. 618. Оп. 1. Д. 312. Л. 127.
13. ГАХК. Ф.П. 2. Оп. 1. Д. 1140. Л. 8.

Родригес А. М.
A. M. Rodriges

АБУ ХАНИФА И ЕГО ВРЕМЯ: АРАБСКИЙ И ИРАНСКИЙ НАРОДЫ В НАЧАЛЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИСЛАМА И ХАЛИФАТА

ABU HANIFA AND HIS TIME: THE ARABIAN AND PERSIAN PEOPLES IN THE EARLY DAYS OF ISLAM AND THE KHALIFAT.

Родригес Александр Мануэльевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Московского государственного педагогического университета (Россия, Москва); 141700, Московская область, Долгопрудный, ул. Советская, д. 5, кв. 26; 8(495)4088040. E-mail: rodriges@mail.mipt.ru.
Mr. Alexander M. Rodriges – Doctor of History, Professor, Department of Modern and Contemporary History, Moscow State Pedagogical University, 141700 Moscow Region, town of Dolgoprudny, 5 Sovetskaya St., ap. 26, tel: 8 (495) 4088040, e-mail: rodriges@mail.mipt.ru

Аннотация. Статья посвящена итогам завершения жизненного пути и значимости теологического и юридического наследия выдающегося законоведа и теолога раннего ислама Абу Ханифа, жизнедеятельность которого совпала с эпохальными событиями – формированием новой мировой религии – ислама и арабской империи – халифата.

Summary. The paper focuses on the life, work and legacy of one of the early Islam lawyers, teachers and theologians – Abu Hanifa, whose public activity coincided with the two milestone events of that time: the development of a new great religion Islam, and the birth of a new Empire – the Arab Khalifat.

Ключевые слова: мусульманский мир, имам, шариат, культура, религия, арабы, персы, династия.

Key words: Muslim world, imam, Sharia law, culture, religion, Arabian, Persian, dynasty.

УДК 297

В столице Ирака Багдаде, названной ее основателем, аббасидским халифом Джафаром аль-Мансуром, Дар ас-Салам – город Мира, в районе, называемом Азамийа – Величие, находится могила имама Абу Ханифы. Именно в честь Ханифы ан-Нумана, основателя первого мазхаба (путь, по которому следует правовед – факих или ученый – алим), считающегося великим имамом мусульман, и получил свое название этот район.

Естественно, определяющее влияние на формирование мировоззрения первых мусульманских правоведов оказали сама в корне изменившаяся обстановка в регионе, особенности складывания мусульманского государства, взаимоотношений между народами, его составляющими.

В Коране и изречениях Мухаммада не содержалось никакого намека на идею завоевания мира. Пределы распространения ислама как единой монотеистической (включая «священную войну» с неверными) ограничивались лишь территорией населенного арабами Аравийского полуострова и поселений этнически близких к ним племен за его пределами. Коран содержит положения о том, что Мухаммаду поручено передать арабам ниспосланные ему религиозные откровения на их родном языке [8; 16, 103; 26, 195]. Осознание возможности распространения ислама появилось у первых мусульман лишь после смерти Пророка (632), в ходе завоевательных походов, предпринятых, в первую очередь, против Византийской империи и Сасанидского Ирана.

Длительные войны между Византией и Ираном (последняя из них продолжалась бо-

Материал поступил 23.05.2011

лее 25 лет, с 604 по 630 гг.) причинили этим странам тяжелый экономический военный и демографический урон. Что касается правящего клана Сасанидов, то он в последние десятилетия своего владычества был во многих отношениях стеснен в управлении из-за могущества зороастрийских жрецов-магов и непокорности представителей высшего сословия (васпухракан). В недрах династии возникли раздоры, зрели заговоры, ведшие к частым дворцовым переворотам. За пятилетний период (628-632) на престоле столицы государства Ктесифона сменилось, по крайней мере, девять властителей. В этих условиях крупные наместники при пограничных провинций (шахрдары) постепенно становились все более самостоятельными, ослабляя тем самым центральную власть.

Окружение последнего из шаханшахов династии Сасанидов Йездигерда III (632/33-651/52) не могло не видеть, что этот властитель не обладает и толикой авторитета и силы, которыми располагали его прославленные предки, такие как: Хосров I Ануширван (531-579) и Хосров II Парвиз (591-628). Но вряд ли кто-либо в Иране мог тогда предположить, что серьезная опасность над независимостью страны может нависнуть не со стороны извечного врага, Византии, или мятежных тюрков Средней Азии, а со стороны бедуинов Аравии (тайев, как их называли в Иране). Последних Сасаниды всегда презирали и не считали сильным противником. На население Аравии, «косматых верблюжатников», смотрели как на беспокойных соседей, вызывающих не более чем раздражение из-за нарушения спокойствия в приграничных областях. Однако именно арабы-мусульмане в течение десяти лет (633-642) нанесли войскам Древнего Ирана серию таких поражений, равных которым по силе в этой стране не испытывали со времен Александра Македонского.

Ранняя исламская догматика, как отмечалось, допускала ведение «священной войны». Однако теперь, когда боевые операции развернулись за пределами родины ислама, «заместители» посланника Аллаха, халифы, ограничили ее развязывание рядом условий: войну нельзя было вести ни ради обретения чужих земель, ни для достижения расового превосходства, ни в целях захвата власти. Она могла быть начата только с целью утверждения мусульманской веры, установления справедливых, с точки зрения ислама, общественных отношений, искоренения зла в тех его проявлениях, в которых они осуждались в поучениях Пророка [11, 121-124]. Все мусульмане помнили слова, ниспосланные Мухаммаду при Худайбийи (628) и вошедшие позже в Коран: «Сражайтесь во имя Аллаха с теми, кто сражается против вас, но не нападайте первыми. Воистину, не любит Господь нападающих первыми» [8; 2, 190].

Во всех захватнических войнах арабы обходились с вооруженным неприятелем достаточно жестко, однако при этом они не нарушали общепринятых в те времена норм ведения боевых действий и правил обращения с пленными. Насколько известно, ни один из первых арабских полководцев не запятнал своего щита невинной кровью. Арабам было чуждо стремление к систематическому и варварскому опустошению целых областей, к чему успели приучить население Западной Азии сасанидские и византийские воинства за все время растянувшегося на целые столетия противоборства. В итоге арабы нанесли по коренным народам Востока намного меньший урон, чем позднее им причинили тюрки, крестоносцы или монголы.

Вторгшиеся в пределы южных византийских и иранских провинций первые мусульмане и их союзники с удивлением обнаружили, что местное население подчас смотрит на них как на избавителей от тяжелого гнета центральных властей и местного чиновничества. В отличие от них арабы предлагали более сносные условия существования в случае непротивления с оружием в руках, заключения мирных договоров (акд аз-зимма) и добровольной выплаты налогов. Еще перед первым походом на Сирию (634) халиф Абу Бакр (632-634) дал войскам следующие наставления: никого не обманывайте и не крадите; не поступайте вероломно; не увечьте и не умерщвляйте детей, стариков и жен; не сдирайте коры с пальм и не жгите ее; не рубите плодовые деревья; не уничтожайте посевы; не забивайте овец, быков, верблюдов сверх того, что понадобится для поддержания жизни. Если встретитесь с отшельниками, напутствовал первый халиф, не трогайте их [1; 9; 17]. Нельзя не отметить, что для

того безжалостного времени подобные предписания были достаточно гуманны, и тем более удивительно, что они, как правило, соблюдались. Вследствие этого значительная часть местного населения не только не оказывала сопротивления мусульманам, но и часто выступала в качестве их союзников. В захваченных странах арабы познакомились с таким социальным обустройством, экономическими отношениями и формами собственности, которые еще не были известны в Аравии. Находясь на относительно более низком уровне общественного развития по сравнению с некоторыми из покоренных народов, арабы не могли сразу овладеть всеми развитыми у них механизмами сложного государственного управления. Да они пока и не видели особой надобности в этом, вполне удовлетворяясь добычей, захваченной в бою (ганима) или доставшейся без боя (фай), и довольствуясь сбором налогов с населения. Завоеватели до поры до времени оставили нетронутыми торгово-экономические связи и административно-фискальный аппарат в покоренных странах, а сами заняли место верхнего господствующего слоя. Остались в прежнем виде и органы местного самоуправления, в том числе судебные учреждения и службы правопорядка. Податное население само заботилось о благоустройстве городов и деревень, следило за исправным состоянием дорог, мостов, колодцев и т.п.

При Сасанидах земледельцы выплачивали в государственную казну поземельный налог (хараг, харака) и подушную подать (гезит). Арабы учли всю выгоду этой иранской налоговой системы и приспособили ее в своих интересах. В произношении арабов слово «хараг» стало звучать как харадж, «гезит» – как джизйа. «Если провинция или народ признают себя, – напутствовал своих наместников Абу Бакр, – то заключи с ними соглашение и держи свое обещание. Пусть они руководствуются своими законами и установленными обычаями, собирай с них налоги так, как договоришься с ними. Оставь им их религию и землю» [17, 171]. Практику осуществления сборов податей с иноверцев, позднее, в назидание Харуну ар-Рашиду, описал Абу Йусуф аль-Куфи (731-798) [17].

Поначалу делопроизводство в покоренных странах велось на привычных для чиновников и делового люда языках: персидском (пехлеви) на территории бывшей Сасанидской империи, греческом – в Сирии, коптском и греческом – в Египте. Составление списков податного населения и учет хараджа и джизйи были поручены прежним служащим местных налоговых ведомств. Они не только фиксировали податные поступления, но и зачастую распределяли их даже среди самих арабов.

Для населения покоренных арабами стран принятие ислама было делом привлекательным, так как помимо перспектив продвижения по службе приносило ощутимые материальные выгоды. Во-первых, все новообращенные, мавали (ед.ч. – маула или мавла), освобождались от уплаты джизйи (нанося тем самым весомый урон мусульманской казне); во-вторых, за каждым новым приверженцем «истинной веры» признавалось право на участие в дележе государственных доходов. Халиф Умар (634-644) настоятельно предписывал своим наместникам, чтобы каждый маула немедленно получал возможность пользоваться годовой «пенсией» (ата). Кроме того, все неофиты из числа рабов получали право на обретение свободы [13, 93].

Чтобы обеспечить на более или менее продолжительный срок господство арабского меньшинства над всё увеличивавшимся в ходе завоеваний большинством покоренных народов, рассеянным на обширной территории, завоевателям было необходимо выделиться из общей массы людей, сохранить в себе дух динамичности, воинственности и чувство превосходства. Этого можно было достичь лишь в том случае, если араб останется, в сущности, тем, кем он был всегда: бедуином, не привязанным к какому-то клочку земли, чувствующим себя как рыба в воде под открытым небом и как дома в открытом лагере. Вот почему халифом Умаром было строго предписано, чтобы ни один мусульманин вне Аравии не приобре-

тал недвижимое имущество и не занимался земледелием, что в период первых завоевательных походов неукоснительно соблюдалось. В этих условиях принятие веры победителей приносило материальную выгоду только тем мавали, которые были представителями городских низов и сельскими бедняками: они и так не имели земли, которой запрещалось владеть на обретенных территориях. Данное обстоятельство подчас приводило к массовому обращению в ислам необеспеченных слоев населения покоренных арабами стран. По этой же причине, дабы не терять основного источника своего материального благополучия, крупные потомственные иранские землевладельцы, дехкане, несмотря на высокую земельную подать - харадж, продолжали оставаться хранителями своей веры, находясь по отношению к исламу в более или менее скрытой оппозиции.

Влияние материальных факторов во многом определяло и враждебное отношение к исламу со стороны зороастрийского жречества. Переход в разряд мавали населения покоренного Сасанидского Ирана лишал верхний слой священнослужителей, мобедов, всех их привилегий и авторитета в обществе [14, 34-37]. Рядовые же служители культа огня, маги, помимо понесенного «морального ущерба», зачастую вообще оставались без средств к существованию.

Стремление воздвигнуть преграды между победителями и побежденными ярко проявилось в тех предписаниях, которые халиф Умар включил в условия сдачи Иерусалима (638). С этого момента иноверцам, включая «людей, находящихся под покровительством» мусульман (ал-ахл аз-зимма, зимми), запрещалось толковать смысл высказываний Пророка и насмехаться над исламскими обрядами. Нельзя было совращать мусульман с пути веры, покушаться на жизнь «правоверных» и их имущество. Возбранялось помогать врагам ислама и укрывать шпионов. Немусульмане обязывались отличаться от арабов и мавали одеждой, их жилища не должны были возводиться там, где поселились мусульмане, им запрещалось демонстративно пить вино, выставлять назло приверженцам ислама символы своей веры и публично ухаживать за свиньями. Они должны были также избегать шумного совершения традиционных обрядов похорон и не имели права носить оружие, а также ездить верхом, кроме как на ослах или лошаках. Подавляющее большинство подобных предписаний было объяснимо, и к тому же они не всегда соблюдались пунктуально. Перечисленные ограничения мало к чему обязывали немусульман, поскольку их образ жизни и внешний облик еще значительно отличались от того, что было принято у населения Аравии.

«Барское отношение» к лицам, сохранившим верность религии предков, не следует рассматривать как следствие проявления арабами-мусульманами высокомерия или осознания ими собственной исключительности. В годы первых завоевательных походов мусульмане придерживались обиходного взгляда: каждый, принявший ислам, становится как бы арабом. Суть состояла в другом: арабы-завоеватели подсознательно стремились оградить себя от смешения с покоренным населением, избегая любой возможности раствориться в его массе. Поэтому женитьба маулы-неараба или зимми на арабке считалось действием недозволенным и каралось, порой очень жестоко, вплоть до смертной казни [9, 84-85].

Исламское вероучение привлекало иранцев своей простотой, тем более что некоторые важнейшие представления об окружающем мире и религиозные обряды: вера в рай и ад, в конец мира и Судный день, совершение молитвы, обязанность давать подаяния, были им хорошо знакомы. Принимая ислам, зороастрийцы освобождались от многих жестко регламентированных церемоний, обрядов и обязательств, которые с самого рождения и до могилы определяли их жизнь и привязывали к магам. Ислам же к тому времени еще не успел разработать свою собственную строгую религиозную догматику и потому меньше сковывал неза-

висимое мышление.

Первоначально от желающих приобщиться к новой вере, помимо обязательного произнесения символа веры (шахада), требовалось исполнения только двух обязанностей: совершать молитву (салат) и вносить налог на имущество и доходы (закат) в пользу бедных и неимущих [2, 243].

Тем не менее, многое удерживало иранцев-зороастрийцев от принятия новой религии. Это были обычаи и привычки, верность многовековой религии предков, которая по сути своего учения и нравственному значению в их глазах нисколько не уступала величию веры завоевателей, а во многом и превосходила ее [4, 173-180]. Необходимо также учитывать, что зороастризму был свойственен еще больший, чем исламу, дух нетерпимости к проявлениям инакомыслия. Судьбы религиозных реформаторов Мани (ок. 216-276 гг.) и Маздака (? - 528/29 г.) были нелегкими, а их жизни закончились трагически. Вероучение Заратуштры считало подлинным человеком исключительно правоверного зороастрийца, а к народам, исповедующим другие религии, внушало относиться с неприкрытым пренебрежением. Они – неарийцы, «двуногие», «люди-насекомые». К ним не применимы слова, относящиеся к людям: они не рождаются, а «вываливаются», не умирают, а «околевают», не ходят, а «валятся» или «несутся», и их истребление угодно Ахура-Мазде [9, 193].

Ислам в первое время воспринимался иранцами как чуждое учение со Священным писанием на непонятном языке, навязанное в массе своей грубыми и малообразованными бедуинами. Он содержал обычаи и предписания, не привычные для зороастрийцев: положение о «чистой» и «нечистой» пище, воздержание от употребления опьяняющих напитков, обязанность преклоняться далекому и священному для мусульман Черному камню в мекканском храме Кааба и т.п. На бытовом уровне различия в вере часто проявлялись в, казалось бы, незначительных вещах. Так, в первоначальном исламе не было никаких следов враждебного отношения к собаке как нечистому животному. Подобно плевку в огонь, дурное обращение с этим древнейшим из одомашненных зверей являлось внешним проявлением некоторого пренебрежения, с которым мусульмане относились ко всем традиционным верованиям иранцев (включая манихейство и маздакизм). Все вышеизложенное привело к тому, что Иран, по большей части, оставался зороастрийским при первых четырех «праведных» халифах (632-661) [4, 41].

Однако во второй половине VII в. в Месопотамии и восточных провинциях Ирана широкую поддержку стали обретать сторонники халифата и имамата Али ибн Аби Талиба – шииты. У народов Ирана издревле укоренилось убеждение в том, что шаханшах – суть воплощения Божественного духа, который наследуется представителями царского двора и присущ всем поколениям властителей. Поэтому для них казалось полной бессмыслицей избрание главы государства, за что ратовали сунниты или хариджиты. Став мусульманином, каждый из иранцев и думать не мог о необходимости искать себе владыку вне потомков дома Пророка. Эти воззрения были созвучны представлениям тех арабов, которые по другим, конечно, мотивам поклонялись Али. В данных обстоятельствах присущее иранцам мировосприятие слилось с шиитским. Поэтому шиизм иногда ошибочно считают порождением иранцев, своего рода персидским осмыслением идеологии ислама, «реакцией иранского духа против арабизма». Первыми шиитами, несомненно, были арабы, и лишь в годы существования халифата Омейядов (Умаййадов, 660-750) со столицей в Дамаске к ним примкнула значительная часть мавали из числа лиц коренного населения Ирана [13, 41] Академик В.В. Бартольд отмечал по этому поводу: «Шиитство нашло благоприятную почву среди персидского народа, но элемент оппозиции имел в этом случае больше значения, чем элемент националь-

ности» [2, 175]. Другими словами, членами «партии Али» (аш-шиат Али) становились все те, кто вне зависимости от национальной принадлежности был недоволен властью дамасских халифов.

Годы правления омейядских халифов Абд аль-Малика и его сына и преемника на троне ал-Валида I (705-715) обычно связывают с внедрением арабского языка в государственное делопроизводство. Данное нововведение, осуществленное около 700 г. под патронатом грамматика и государственного деятеля аль-Хаджжаджа ибн Йусуфа, проявило стремление властей установить окончательный контроль над работой налоговых и податных учреждений. Оно послужило толчком к началу процесса превращения «языка Корана» в «латынь Востока», язык науки, изящной словесности, средства межнационального общения. Великий хорезмиец аль-Бируни, не будучи сам арабом, позднее писал, что исламский мир держится на духе арабского языка, и что он предпочитает быть обруганным по-арабски, чем услышать восхваление на персидском языке [16, 89]. С годами иранцы стали все последовательней претендовать на достойное место в структуре высших государственных органов и в истории ислама. Обрели силу представления о том, что это вероучение частично базируется и на иранской составляющей. Получили распространение хадисы о значительном влиянии на Пророка его ближайшего сподвижника Салмана аль-Фариси, отрекшегося от зороастризма в пользу христианства, а затем примкнувшего к Мухаммаду и ставшего фактически членом его семьи. При этом особо подчеркивалось, что именно Салман спас первых мусульман от поражения со стороны мекканцев, высказав идею окружить Медину рвом и земляным валом, хандак, перед «битвой у рва» (627). Другим важным элементом «иранизации» ислама явилась легенда о том, что второй сын халифа Али (656-661), шиитский имам аль-Хусайн (Хусейн, 625/26-680), женился на плененной дочери (шахрбану) шаханшаха Йездигерда III, по имени Джаханшах. Эта легендарная царевна, переименованная в Салафу, будто бы родила аль-Хусайну сына, Али Асгара (654/55 или 658-713/14 гг.). После гибели отца (680) он (под почетными прозвищами – лакабами ас-Саджжад и Зайн аль-Абидин) стал четвертым по счету имамом и был, как считает шиитским традиция, отравлен по наущению халифа аль-Валида I. Данное предание позволяло новообращенным иранцам считать потомков «династического брака» имама-великомученника и иранской царевны законными наследниками власти как пророка Мухаммада, так и шаханшахов-Сасанидов [17, 123]. Это было еще одной причиной, по которой многие из них примыкали к шиитам, что автоматически означало вовлечение в ряды оппозиции, противостоящей Омейядам-суннитам. В то же время в ряде восточных провинций Халифата (Фарс, Керман и др.) население продолжало открыто исповедовать огнепоклонство, а жители Шираза не носили даже отличительного знака на одежде и поэтому «ничем не отличались от жителей-мусульман».

В начале VIII в. в среде мавали восточных провинций Омейядского халифата возникло движение шуубийа (от использованного в Коране слова «шууб», т.е. «народы»). Оно вылилось в своеобразную форму идеологической борьбы неарабских народов, главным образом иранцев, против арабской гегемонии. Шуубиты, являлись ли они мусульманами, или нет, не были последовательными противниками ислама, они не участвовали в антиисламских движениях или борьбе за доминирование родного языка. Они выступали против узкоарабской трактовки положений вероучения Мухаммада и ратовали за своего рода «космополитический ислам» [7, 5]. Выдвинув тезис о культурно-историческом превосходстве иранской цивилизации над, собственно, арабской, участники движения шуубийа претендовали на ведущие роли в мусульманском сообществе. И когда благочестивый омейядский халиф Умар II (717-720) фактически уравнял в правах арабов и мавали, это снискало ему авторитет среди

иранцев, которые нарекли его «пятым праведным халифом».

Можно по-разному относиться к правлению династии Омейядов: были в нем и взлеты, и падения, были личности во всех отношениях достойные и недалекие. Ясно одно, что с уходом с политической арены потомков ее родоначальника, Умаййи ибн Абд Шамса, ушли не просто люди, ушло нечто большее. «Падение Омейядов, – писал В.В. Бартольд, – навсегда положило конец политическому единству мусульманского мира» [3, 25]. И действительно, иранцы и арабы, шииты и сунниты, зороастриицы и почитатели Библии – все и вся оказались вовлеченными в необузданные вихри государственной ломки.

Приход к власти потомков аль-Аббаса ибн Абд аль-Мутталиба и создание Аббасидского халифата (750-1258) оказали большое воздействие на дальнейшую судьбу ислама и на всю последующую историю Ирана. Одним из важных следствий этой победы стало окончательное размежевание противостоящих религиозно-политических течений в исламе. Ввиду того, что законность прихода к власти династии Аббасидов признало суннитское большинство Халифата, были предприняты шаги к постепенному превращению суннизма в официальное религиозное обрамление государства. При этом суннизм стал как бы олицетворением правящих кругов, шиизм – воплощением религиозной оппозиционности, а хариджизм – бунтарства и насилия.

Алидов, пока они держались пассивно, аббасидские халифы не трогали. В новых условиях притязания на власть прямых потомков Пророка Мухаммада от Али и Фатимы значительно ослабли: одно дело – вести борьбу против «нечестивых узурпаторов» Омейядов, другое – против потомков дяди Пророка, аль-Аббаса. Часть шиитов (давандиты) признали права Аббасидов на халифат и практически прекратили борьбу. Именно они повсеместно пропагандировали идею о том, что внук «праведного» халифа Али, Абдаллах ибн Мухаммад ибн аль-Ханафийа, перед своей смертью в 716/17 г. втайне передал все права на имамат аббасиду Мухаммаду ибн Али, вручив ему так называемый «желтый свиток», содержащий тайный завет Пророка. Другая часть шиитов так и осталась в неизменной оппозиции к Аббасидам, формируя протестные умонастроения у населения и возглавляя народные движения, направленные против центральной власти, чем бы персонально она ни возглавлялась [9, 127-129].

Еще одним следствием прихода Аббасидов к власти было создание благоприятных условий для так называемой «иранизации халифата» (истиджам), эпохи «сильнейшего иранского влияния в истории мусульманского Востока». Неудивительно поэтому, что в условиях таких политических и религиозных потрясений протекала жизнь (699-767) потомка иранского военнопленного периода покорения Ирана арабами и основателя первого мазхаба Абу Ханифы. Он был современником последних халифов из династии Омейядов и первых халифов из династии Аббасидов. Когда он родился, Омейяды еще прочно держались у власти, но позднее он видел их крах и падение; на глазах Абу Ханифы возник Аббасидский халифат.

Абу Ханифа конечно же не мог оставаться в стороне от новых реалий, событий и великих перемен. Более того, он просто не мог не принимать в них участия, так как он имел реальную возможность влиять на ход истории, подвергаясь, в свою очередь, влиянию того, что происходило вокруг.

Так, например, Абу Ханифа, не будучи шиитом, с большим воодушевлением приветствовал шиитские восстания против Омейядов. Или когда в 121 г. хиджры (737) Алид, он же Фатимид, внук имама Хусейна Зайд ибн Али, поднял в Куфе восстание против омейядского халифа Химама. Абу Ханифа не присоединился к восставшим, но поддержал всем своим авторитетом это опаснейшее предприятие. Своим ученикам он заявил: «Зайд ибн Али напоминает мне пророка, да благословит его Аллах и да приветствует, в день боя при Бадре!)» [17, 24].

Разумеется, власти не могли оставить без внимания деятельность Абу Ханифы, простить ему поддержку восставших так же, как и отказ стать хранителем печати наместника Куфы, что стоило ему тюремного заключения и бичеваний. По преданию великий факих заявил о наместнике ибн Хубайре следующее: «Да я не стал бы молиться с ним в одной мечети, а он хочет, чтобы я ставил печать на то, что он напишет своей рукой, испачканной в крови злодейски убитых людей. Никогда не бывать этому» [17, 24].

Последний, но не менее тяжелый период жизни Абу Ханифы происходил уже при Аббасидах. Опальный правовед, бежавший в Мекку за два года до свержения Омейядов (т.е. в 130/748 г.), возвращается на родину при втором аббасидском халифе аль Мансуре, взошедшим на престол в 136/754 г. Абу Ханифа сначала приветствовал приход Аббасидов, родственников пророка. Но, по традиционной версии, это отношение изменилось после нарушения новыми правителями обещаний роду Али. Через небольшой промежуток времени власти вновь стали преследовать Абу Ханифу. Только теперь он подвергался еще более жестоким гонениям, чем прежде. Новый отказ занять государственный пост кади (судьи) новой столицы и тем публично объявить о своей полной лояльности аль-Мансуру, последовали тюрьма и бичевания, ставшие причиной смерти ученого (150/767 г.) [13, 108]. По сохранившейся традиции после смерти имама халиф аль-Мансур, раскаиваясь в содеянном, не переставал повторять: «Кто же из живых и мертвых мог бы оправдать меня, кроме Абу Ханифы» [17, 134]. Можно сказать, что в эту переломную и неспокойную эпоху, будучи истинным подвижником, Абу Ханифа продолжал стремиться к истинному знанию, сохранял свои убеждения и оберегал свою веру. Его мазхаб распространился в Сирии, Ираке, Египте и Северной Африке, а также некоторых областях Аравийского полуострова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Армур, Р. Ислам и христианство: Непростая история / Р. Армур. – М., 2004.
2. Бартольд, В. В. Культура мусульманства / В. В. Бартольд // Сочинения. Т. VI. – М., 1966.
3. Бартольд, В. В. Халиф Омар II и противоречивые известия о его личности / В. В. Бартольд // Сочинения. Т. VI. – М., 1966.
4. Бойс, М. Зороастрийцы. Верования и обычаи / М. Бойс. – М., 1987.
5. Гойтейн, Ш. Д. Евреи и арабы (Их связи на протяжении веков) / Ш. Д. Гойтейн. – М., 2001.
6. Заборов, М. А. Крестоносцы на Востоке / М. А. Заборов. – М., 1980.
7. Иностранцев, К. А. Сасанидские этюды / К. А. Иностранцев. – СПб., 1909.
8. Коран / пер. с араб. и коммент. Н. О. Османова. – М., 1997.
9. Колесников, А. И. Завоевание Ирана арабами. (Иран при праведных халифах) / А. И. Колесников. – М., 1982.
10. Кривов, М. В. Византия и арабы в раннем Средневековье / М. В. Кривов. – СПб., 2002.
11. Мюллер, А. История ислама от основания до новейших времен. Т. III. / А. Мюллер. – СПб., 1895.
12. Основатели четырех мазхабов. – М.-СПб., 2005.
13. Батыр, Р. Абу Ханифа. Жизнь и наследие / Рустам Батыр. – Нижний Новгород – Ярославль, 2007.
14. Пигулевская, Н. В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы / Н. В. Пигулевская. – СПб., 2000.
15. Morony, M. Y. Irag after the Muslim Conguest / M. Y. Morony. – L., 1984.
16. Tritton, A. S. The Caliphs and their Non-Muslim Subjects: a Cristal Study of the Covenant of Umar / A. S. Tritton. – L., 1970.
17. Куфи абу Мухаммед Ахмад ибн Асам. Китаб аль-Футух (Книга завоеваний). Т. 2 / Куфи абу Мухаммед Ахмад ибн Асам. – Лондон, 1962. (на араб.).

Тимофеев О. А.
Oleg A. Timofeev

КОНЦЕПТЫ «ВЛАСТЬ» И «СИЛА» В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

THE CONCEPTS 'POWER' AND 'FORCE' IN MODERN THEORIES OF INTERNATIONAL RELATIONS

Тимофеев Олег Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра геополитических исследований Амурского государственного университета (Россия, Благовещенск); 675028, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21. E-mail: timooa@mail.ru.

Mr. Oleg A. Timofeev – PhD in History, Senior Researcher at the Center of Geopolitical Studies of the Amur State University (Blagoveschensk), 675028, city of Blagoveschensk, 21 Ignatyev Highway. E-mail: timooa@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена наиболее актуальным дефинициям власти-силы (power) в современной науке о международных отношениях. Автор исследует особенности подходов американских, английских и китайских исследователей к проблеме манифестации силы на международной арене.

Summary. The article considers the most popular definitions of the concepts of power and force in the modern international relations theory. The author studies the approach of US, UK and Chinese scholars to the problem of display of force and power on the international level.

Ключевые слова: власть, сила, мягкая власть, жесткая власть, умная власть, влияние.

Key words: power, force, soft power, hard power, smart power, influence.

УДК 32.001

До сих пор в политической науке нет общепринятой точки зрения на отношение понятий «власть» и «сила». Значительный вклад в разработку этой проблемы в англоязычной литературе внесла Х. Арендт. По ее мнению, термин «power» (власть, сила) недвусмысленно означает некую индивидуальную основу, свойство, присущее объекту или личности, характерное для них, не способное проявлять себя независимо от других и по отношению к другим. Власть даже очень сильного индивида может быть преодолена другими, которые часто объединяют свои усилия только ради разрушения силы из-за ее особенностей независимости. В этом состоит природа социальной группы и ее власти – обращаться против независимой индивидуальной силы.

Специфика термина «power» еще более явно проявляется в сопоставлении с близким по значению термином «сила» (force), под которым в обычной речи подразумевают насилие, особенно если она, сила, служит для обозначения принуждения, и должна относиться к объективным силам или для обозначения энергии, освобождаемой социальными движениями.

Власть традиционно является основополагающей категорией политической науки, обозначая важнейший инструмент осуществления политики, его основное организационное и регулятивное начало. По мере усложнения современных политических систем, ускорения процессов их «турбулентности», появления новых уровней взаимодействия детализируются и подходы ученых к концепции власти. Сказанное в полной мере относится к теории международных отношений, в рамках которой можно выделить два уровня дефиниций – функциональные и структурные.

Материал поступил 14.04.2011

Функциональные дефиниции власти

Так называемое «узкое» понимание управления как влияния системы ограничений основано на получившем наибольшее распространение волюнтаристском (ньютоновском) понимании власти-силы (power). В соответствии со ставшей уже классической формулой Р. Даля власть определяется как «множество связей между социальными субъектами, когда действия субъекта R (the response unit) зависят от поведения субъекта C (the controlling unit)» [9, 407]. Иными словами, субъект С располагает властью в отношении субъекта R в такой степени, в какой он может заставить последнего послушно совершать (voluntarily comply) действия, которые тот не совершил бы без воздействия со стороны субъекта С (см. рис. 1).

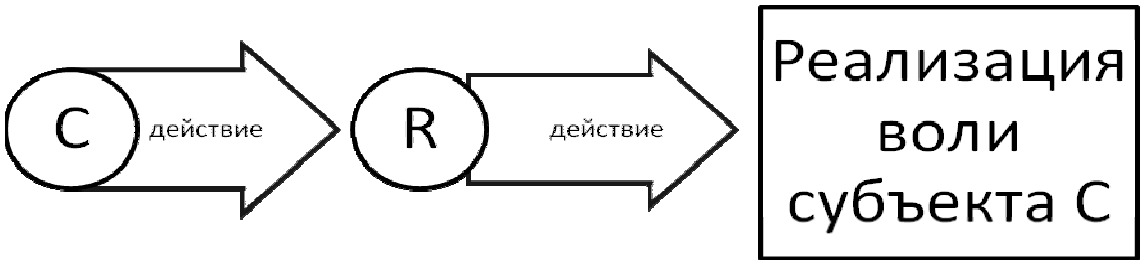


Рис. 1. Волюнтаристская интерпретация власти

В соответствии с весьма распространенным мнением, в современной системе международных отношений действуют мощные факторы, способствующие формированию глобального самоуправляющегося сообщества разнородных акторов, регулируемого общими законами и функционирующего по единым правилам. Вслед за Дж. Бертоном и М. Шоу подобный феномен принято называть «мировым» или «глобальным обществом» [6; 13].

С данными понятиями тесно связано так называемое коммуникативное (герменевтическое) понимание власти. По словам Х. Арендт, «власть соответствует человеческой способности не просто действовать, но действовать в согласии (to act in concert)» [4, 143]. Люди обладают естественным для себя уникальным уровнем коммуникации, которая проявляется во всех сферах человеческой (т.е. по определению социальной) деятельности. Власть, таким образом, не может быть индивидуальной, она существует до тех пор, пока существует социальная общность.

Показательным является то обстоятельство, что идеи о подобном со-конституировании общества и государства распространились среди представителей всех трех основных парадигм в западной теории международных отношений: реализма, институционализма и конструктивизма.

Во-первых, одна из наиболее влиятельных школ либерального спектра – государственно-общественный либерализм (state-society liberalism, по определению Дж. Розенау) – вводит в аналитический дискурс три фундаментальных положения:

1) Индивиды и частные группы являются фундаментальными акторами, по уровню своей активности на международной арене они часто оттесняют государства и постепенно выдвигаются на первое место в системе международных отношений. Э. Моравчик определяет такие акторы как «в целом рациональные и стремящиеся избегать рисков (risk-averse)» [11, 516], а Дж. Коулман уточняет, что такие акторы должны быть инкумбированы политическими идентичностями (т.е. государствами или общностями) и вовлечены в политические обмены [8].

2) Государство представляет в своей внешней политике институты гражданского общества, интересы которого артикулируются представителями государства; государство, таким образом, не обладает автономией по отношению к воздействию социетальных сил [11, 518].

3) Международная политика государств формируется под влиянием сложной конфигурации взаимозависимых внутригосударственных факторов и социальных интересов [11, 520].

С другой стороны, в краеугольном для реализма дискурсе о проблемах национальной безопасности появилось ее новое – «социетальное» измерение, что стало теоретическим вкладом так называемой Копенгагенской школы исследований проблем безопасности, предложившей новые подходы к проблемам нетрадиционной безопасности и по-новому их характеризующей [5, 6]. В качестве участников формирования системы стабильной безопасности представители Копенгагенской школы выделяют правительство, гражданское общество, этнические общности и международные структуры. В самих фундаментальных основах собственной концепции исследователи, примыкающие к Копенгагенской школе, рассматривают феномен «речевого акта» в мирополитической рефлексии негосударственных акторов, придавая ему огромное значение. Они детально исследуют политику идентификации угроз, что заставляет их пристально искать ответы на следующие вопросы: создает ли речевой акт угрозу или сама угроза формирует речевой акт; имеет ли место феномен «прививания», то есть попытки определить характер новой угрозы, связывая ее с предшествующей признанной угрозой.

Структурные дефиниции: жесткая, мягкая и умная сила

Как известно, традиционная жесткая (hard) сила, обеспечивающая способность к эффективному принуждению, основывается, главным образом, на военной и экономической мощи государства. Одним из ее наиболее детализированных индикаторов является так называемый «индекс CINC» (Composite Index of National Capability), рассчитываемый для государства «X» в соответствии с формулой

$$CINC_X = \frac{TPR_x + UPR_x + ISR_x + ECR_x + MPR_x + MER_x}{6}.$$

Формула «индекса CINC» рассчитывается по шести параметрам:

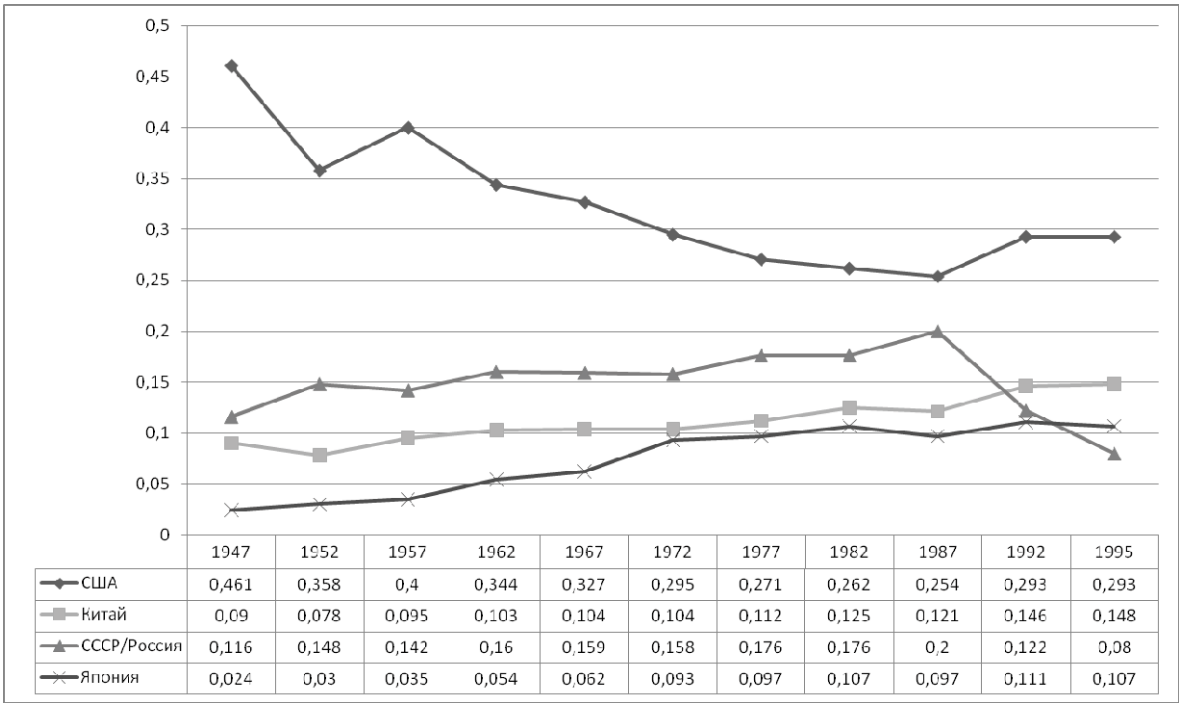
1) TPR = total population ratio (см. прим. 1) (численность населения государства);
2) UPR = urban population ratio (численность городского населения);
3) ISR = iron and steel production ratio (производство чугуна и стали);
4) ECR = energy consumption ratio (потребление энергоресурсов);
5) MPR = military personnel ratio (численность вооруженных сил);
6) MER = military expenditure ratio (объем военных расходов) [14].

В отличие от жесткой силы, мягкая (soft) сила возникает тогда, когда страна привлекает других своей культурой, идеями и целями. Жесткая сила по-прежнему не теряет своего ключевого значения в международных отношениях, более того, в процессе своего применения она тесно переплетается с теми или иными аспектами мягкого влияния, однако рост авторитета так называемых «новых», негосударственных акторов международных отношений, не располагающих собственными вооруженными силами, многие из которых, однако, также стремятся установить и закрепить свое международное влияние, чрезвычайно актуализирует процесс практического применения ресурсов мягкой силы.

Если жесткая сила находит свое воплощение в принуждении или подкупе, посредством которых одно государство добивается нужного ему поведения другого

государства, то мягкая сила реализуется через механизмы формирования у партнера нужных желаний и предпочтений. Иногда государство, являющееся источником мягкой силы, может получить желаемый результат даже без целенаправленных действий с собственной стороны, поскольку находящийся под его влиянием другой актор международных отношений самостоятельно действует по заранее сформированной программе, подчас проявляя даже бóльшую активность. По выражению автора концепции мягкой силы американского политолога Дж. Ная, она обеспечивает «понуждение других хотеть результатов, которые вы желаете получить» [2, 30].

Необходимость по-прежнему признавать значение жесткой силы заставляет западных ученых искать формулы, которые комбинировали ее с мягкой силой. Так, например, Кевин Суини (Kevin Sweeney) в 1995 г. предложил так называемый «композитный индекс жесткой и мягкой силы» (*Composite of Hard and Soft Power*), объединяющий «индекс CINC» с такими индикаторами мягкой силы государства, как численность обучающихся в нем зарубежных студентов, прибывающих туристов, число регистрируемых патентов на изобретения, число используемых теле- и радиоприемников, а также телефонов (см. рис. 2) [7, 694].



	1947	1952	1957	1962	1967	1972	1977	1982	1987	1992	1995
США	0,461	0,358	0,4	0,344	0,327	0,295	0,271	0,262	0,254	0,293	0,293
Китай	0,09	0,078	0,095	0,103	0,104	0,104	0,112	0,125	0,121	0,146	0,148
СССР/Россия	0,116	0,148	0,142	0,16	0,159	0,158	0,176	0,176	0,2	0,122	0,08
Япония	0,024	0,03	0,035	0,054	0,062	0,093	0,097	0,107	0,097	0,111	0,107

Рис. 2. Композитный индекс жесткой и мягкой силы

В своих последних работах Дж. Най также отказывается от противопоставления силового принуждения и опосредованного влияния, предлагая комбинировать мягкую и жесткую силу в так называемую «умную» силу (*smart power*) государства [12, 67].

Двойственная природа мягкой силы и ее тесная связь с традиционными аспектами воздействия на международную среду приводит к отсутствию единого варианта перевода термина soft power на русский язык. Так, например, Э.Я. Баталов предлагает переводить его в одних случаях как «сила» (в расширительном толковании), в других – как «власть», а иногда – использовать оба варианта одновременно [1, 137].

В.О. Печатнов интерпретирует данный термин в применении к особенностям внешней политики США как «мощь», отмечая: «США излучают мощное цивилизационное воздействие по всему миру, названное политологом Дж. Наем «мягкой мощью». Речь идет об экспансии американской массовой культуры (голливудских фильмов, телепрограмм, поп- и рок-музыки, стиля поведения и т.п.), глобализации СМИ и информационных систем по

образцам США (яркие примеры – «Си-Эн-Эн» и Интернет)». Мягкая сила США включает в себя и такие важные факторы влияния, как авторитет ценностей (личная свобода, социальная мобильность, открытость, плюрализм мнений), престиж экономической и политической моделей развития, науки и образования, притягательность США как наилучшего места для индивидуальной самореализации. США принимают большее число иммигрантов, чем все остальные страны Запада вместе взятые; именно сюда идет «утечка мозгов» со всего мира. В 2009 г. только на учебу в США прибыли 690 923 иностранных студентов (см. прим. 2); ежегодно они приносят местным вузам доход более чем в 11 млрд долл.). Все это имеет не только серьезное экономическое, но и стратегическое значение, ибо мир, который все больше говорит, развлекается и общается по-американски, становится все более близким и менее враждебным для США.

П.А. Цыганков предлагает переводить термин power как «структурная власть», которая направлена на удовлетворение четырех социальных потребностей: безопасности, знания, производства и финансов, называя ее «наиболее мощным средством достижения международными акторами своих целей» [3, 282-283].

Такая же разноголосица существует и среди китайских политологов. Термин power переводится и как *лилян* (сила), и как *цюаньли* (власть), и как *шили* (мощь), и как *голи* (государственная мощь). В последнем случае мягкая сила (мощь) интерпретируется как составная часть *цзунхэ голи* (совокупной государственной мощи).

Среди китайских исследователей дальше всего по пути структурной детализации власти идет декан факультета международных отношений Университета Цинхуа Янь Сюэтун. В основе его подхода лежит концепция совокупной государственной мощи (*цзунхэ голи*), объединяющая все измерения силы и авторитета государства на международной арене: военные, политические, экономические и т.д. Янь Сюэтун, например, предлагает следующую иерархию компонентов мягкой силы (власти) государства, исходящую из признания за государством двух разнонаправленных способностей: обращенной вовне мобилизации и обращенной вовнутрь гравитации (см. рис. 3) [15, 91-92].

И наконец, крайне мощным ресурсом китайской «мягкой силы» становятся знаковые мероприятия, вызывающие большое международное внимание. Наиболее авторитетные политологи КНР детально анализируют значение для повышения авторитета КНР таких событий, как Пекинская олимпиада 2008 г. (см. прим. 3) и Всемирная выставка в Шанхае 2010 г. (см. прим. 4).

В то же время, по мнению некоторых экспертов, именно в сочетании волюнтаристского и коммуникативного подходов следует искать объяснение специфики мягкой силы Китая (см. рис. 4). Решение задачи, как заставить другие государства реагировать на его растущую жесткую силу в таких формах, которые не угрожали бы интересам развития, является ключевым фактором, влияющим, как полагает Жак Делайл, на стратегию реализации мягкой силы [10, 493], а по мнению Кеннета Либертала, и на всю экономическую стратегию в целом (см. прим. 5).

Таким образом, детализация основополагающего концепта теории международных отношений – концепта власти-силы (power) – происходит одновременно по нескольким направлениям: по функциональным признакам, структуре и в соответствии с национально-государственной спецификой. Последнее дает надежду России выстроить, наконец, эффективную и современную парадигму международного влияния взамен бесплодного поиска национальной идеи, справедливо названного В. Путиным «старинной русской забавой» (см. прим. 6).

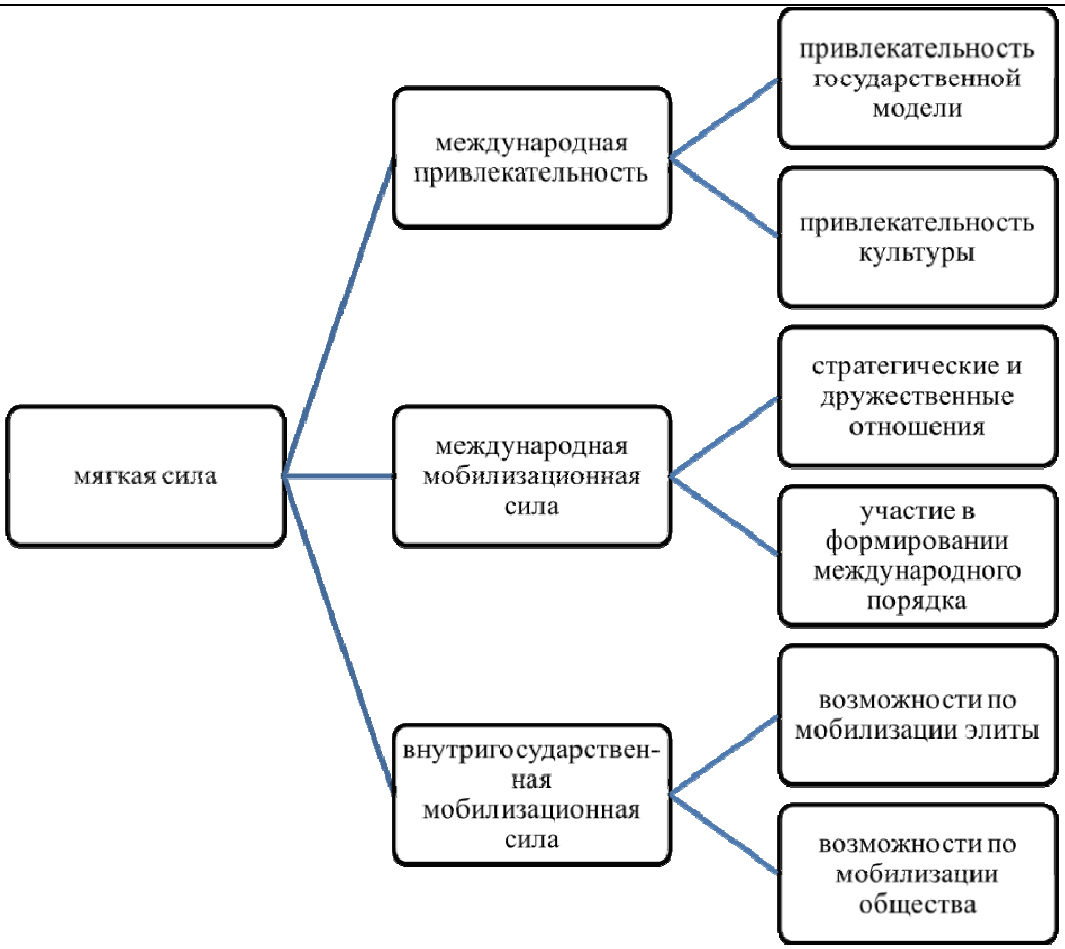


Рис. 3. Детализация распределения мягкой силы

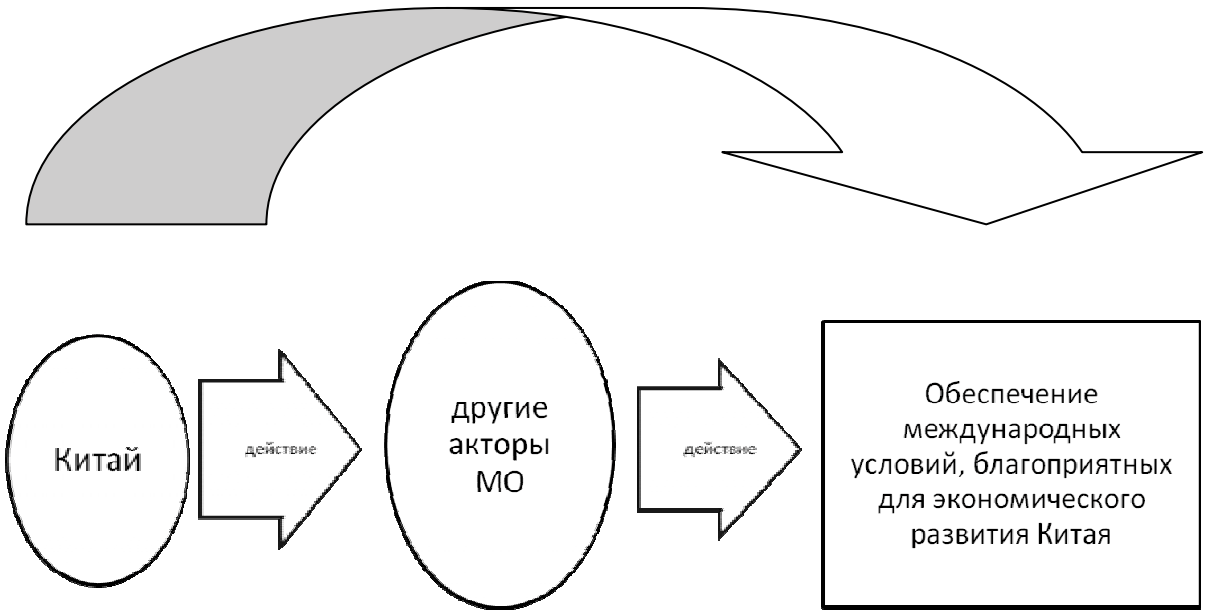


Рис. 4. Реализация мягкой силы Китая в соответствии с классическим пониманием

ЛИТЕРАТУРА

1. Баталов, Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций) / Э. Я. Баталов. – М., 2005. – 376 с.
2. Най, Дж. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / Дж. Най. – Новосибирск, 2006. – 221 с.
3. Цыганков, П. А. Теория международных отношений / П. А. Цыганков. – М., 2002. – 527 с.
4. Arendt, Hannah. Crises of the Republic. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1972. – 252 p.
5. Barnett, Jon etc. Global Environmental Change and Human Security: An Introduction // Global Environmental Change and Human Security / ed. by Richard A. Matthew, Jon Barnett, Bryan McDonald and Karen L. O'Brien. Cambridge: MIT Press, 2010. – P. 3-32.
6. Burton, John W. World Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. – 196 p.
7. Chan, Steve. Is There a Power Transition between the U.S. and China? The Different Faces of National Power // Asian Survey. Vol.45, No.5 (September-October, 2005). – P. 687-701.
8. Coleman, James. Foundations of Social Theory. Cambridge: Harvard University Press, 1990. – 1014 p.
9. Dahl, Robert. Power // International Encyclopedia of the Social Science. New York: Free Press, 1968. – P. 407.
10. deLisle, Jacques. Soft Power in a Hard Place: China, Taiwan, Cross-Strait Relations and U.S. Policy // Orbis. Vol.54, No.4 (Fall 2010). – P. 493-524.
11. Moravcsik, Andrew. Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics // International Organization. Vol.51, No.4 (Autumn 1997). – P. 513-553.
12. Nye, Joseph. Recovering American Leadership // Survival. Vol.50, No.1 (February-March 2008). – P. 55-68.
13. Shaw, Martin. Global Society and International Relations: Sociological Concepts and Political Perspectives. Cambridge: Polity Press, 1994. – 197 p.
14. Singer, J. David etc. Capability Distribution, Uncertainty, and Major Power War, 1820-1965 // Peace, War, and Numbers / ed. by Bruce M. Russett. Beverly Hills: Sage, 1972. – P. 19-48.
15. Янь Сюэтун, Янь Лян. Гоцзи гуаньси фэньси (Анализ международных отношений). – Пекин, 2008. – 251 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ratio – соотношение национального и глобального значений.
2. Institute of International Education. Open Doors Report 2010. November 15, 2010. – Режим доступа: http://www.iie.org/en/research-and-publications/open-doors.
3. Pang Zhongying. The Beijing Olympics and China’s Soft Power. The Brookings Institution Report. September 04, 2008. – Режим доступа: http://www.brookings.edu/opinions/2008/0904_olympics_pang.aspx?emc=lm&m=218221&l=6&v=235290.
4. Yang Jiemian. China’s Expo Diplomacy: Experience and Innovation. Shanghai Institutes for International Studies Report. February 12, 2011. – Режим доступа: http://www.siis.org.cn/en/ zhuanti_view_en.aspx?id=10062.
5. Lieberthal K. China as a Global Player // China and the World Economy Workshop. The Atlantic Council Conference Summary. December 7, 2005. – Режим доступа: www.acus.org/docs/051207-061206-China_World_Economy_Workshop.pdf.
6. Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 26.04.2007. – Режим доступа: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type63374type82634_125339.shtml.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.
T.E.Nalivayko, M.V.Shynkoruk

СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

EXTENDED EDUCATION: ITS NATURE AND PROPERTIES

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 8(4217)53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru.
Ms. Tatiana E. Nalivayko – Doctor in Education, Professor, Head of the Department Educational Studies and Professional Education Psychology, Provost for Educational Work, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 27 Lenin Avenue, Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013, tel. 8-4217-53-98-25, e-mail: tenal@knastu.ru

Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Вокзальная, д. 48/1, кв. 21; 8(4217)27-28-05. E-mail**:** mari-shinkoruk@yndex.ru.
Ms. Marina V. Shynkoruk – PhD in Education, Associate Professor at the Department Educational Studies and Professional Education Psychology at the Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 48/1 Vokzalnaya Street, flat 21, Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013, tel. 8-421-27-28-05, e-mail**:** mari-shinkoruk@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ системы дополнительного образования с точки зрения реализации компетентностного подхода; раскрыты различные аспекты категории «дополнительное образование»; выделены основные задачи и функции, выявлена специфика дополнительного образования через сопоставительный анализ с основным образованием; охарактеризованы условия, в которых раскрывается потенциал дополнительного образования.

Summary: The paper presents an view on a system of extended education as an implementation of the Competence Approach; various aspects of the concept 'extended education' are defined; the main goals and tasks of extended education are specified, links of extended education to the basic education are explained; conditions necessary for extended education to unlock its full potential are defined.

Ключевые слова: образование, дополнительное образование, система образования, свободное время, воспитательный потенциал

Key words: education, extended education, system of education, leisure time, educational potential.

УДК 159.5(07)

Система дополнительного образования является подсистемой общего образования, решающей задачу реализации прав человека на полноценное развитие и самореализацию, на отдых и досуг. В соответствии с Законом Российской Федерации «Об образовании» в основу её положена преобразованная система внешкольных учебно-воспитательных учреждений. Она связана с двумя проблемами: досугом детей и их свободным временем.

Под свободным временем как социально-педагогической категорией принято понимать внепроизвольную деятельность человека. Если рассматривать данную категорию по от-

ношению к детям, то это внеурочная деятельность, заполненная специфическими видами занятий. Характеризуется она добровольностью, самостоятельностью, интересом, творчеством. В теории социологии и педагогики принято классифицировать свободное время по видам деятельности с учетом индивидуальных и групповых увлечений, места проведения досуга. Свободное время включает два вида взаимоотношений: восстановительный, т.е. развлекательный, и активный, направленный на творческое развитие личности. Вот почему проблема занятости детей (подростков) в свободное время как один из элементов содержания воспитания так волнует и родителей, и педагогов, и самих детей, особенно в подростковом и юношеском возрасте [5, 281-282].

Несмотря на то, что дополнительное образование как педагогическая проблема всё чаще становится предметом обсуждения, его сущность раскрывается весьма неоднозначно. Многообразие в понимании феномена дополнительного образования объясняется многоаспектностью этого понятия. Определенное толкование дополнительного образования заложено в Законе РФ «Об образовании» (ст. 9, 17, 26). Содержание приведенных статей Закона позволяет выделить три аспекта дополнительного образования: 1) классификация образовательных программ (ст. 9); 2) типы образовательных учреждений; 3) место реализации дополнительных образовательных программ (ст. 26).

Позднее в исследованиях современных ученых и педагогов-практиков понятие дополнительного образования наполнялось содержанием и смыслом.

Так, Е.Б. Евладова рассматривает дополнительное образование «как процесс свободно избранного ребенком освоения знаний, способов деятельности, ценностных ориентаций, направленный на удовлетворение интересов личности, ее предпочтений, склонностей, способностей и содействующий ее самореализации и культурной (в том числе социальной) адаптации» [4, 9].

А.В. Скачков дает определение дополнительного образования как специфической органической части системы общего образования, представляющей собой процесс и результат становления личности ребенка в условиях развивающей среды, предоставляющей детям интеллектуальные, психолого-педагогические, образовательные, развивающие услуги на основе свободны выбора и самоопределения [6, 12].

В.А. Березина определила дополнительное образование как процесс добровольно избранного ребенком освоения видов деятельности и области знания, выходящих за рамки обязательного (общего, начального, профессионального) образования, направленный на удовлетворение его интересов, склонностей, способностей, содействующий саморазвитию, самообразованию, самореализации и самоопределению [1, 11].

А.И. Щетинская отмечает, что «дополнительное образование детей в современных условиях – неотъемлемая часть системы непрерывного образования; непрерывное, вариативное, разноуровневое, превышающее базовый компонент образования, реализуемое личностью в свободное время и призванное обеспечить ребенку дополнительные возможности для духовного, интеллектуального и физического развития, удовлетворения его творческих и образовательных потребностей» [8, 22].

В определении В.А. Горского: «Дополнительное образование – это особое образовательное пространство, где объективно задается множество отношений, где не только осуществляются специальные развивающие познавательные игры и освоение опыта исполнительского мастерства, творчества и эмоционально-ценностных отношений обучающихся, но и расширяются возможности для жизненного самоопределения детей и подростков» [2, 7].

Анализ представленных определений позволяет выделить основную доминанту дополнительного образования – создание условий для развития склонностей, способностей растущего человека, его самообразования, самореализации и самоопределения, освоения социального опыта и эмоционально-ценностных отношений, включения ребенка в творческий поиск.

Основными *задачами* системы дополнительного образования являются [5, 283-284]:

– выявление интересов, склонностей, способностей, возможностей детей (подростков) к различным видам деятельности;

– оказание помощи в выборе учреждения дополнительного образования: кружка, факультатива, лаборатории, центра, клуба, формы участия в нем;

– создание условий для развития ребенка (подростка) в избранной сфере внеурочной деятельности – материальных и духовных средств (атмосферы, психологического климата, квалифицированных специалистов);

– формирование системы знаний, умений и навыков в избранном направлении деятельности;

– создание опыта творческой деятельности, развитие творческих способностей;

– создание необходимых условий и обстоятельств для реализации приобретенных знаний, умений и навыков (обмен опытом; отчетные концерты; опубликование работ; участие в смотрах, конкурсах, научно-практических конференциях, вечерах, творческих отчетах; выставки и смотры произведений творчества; ярмарки-продажи произведенной продукции, подарки в благотворительных целях и т.д.).

Осмысление обозначенных задач позволяет увидеть, что основной направленностью системы дополнительного образования выступает формирование компетентности человека, т.е. основанной на знаниях способности решать разного рода проблемы в определенной(ых) области(ях), в первую очередь – социальной сфере. Это позволяет зафиксировать особое, приоритетное значение дополнительного образования в формировании социальной компетентности подрастающего поколения.

В каждом из представленных выше определений отмечается, что система дополнительного образования детей основана на принципе добровольного участия в деятельности детских объединений и мероприятиях, которые проводят учреждения дополнительного образования. В связи с этим создание возможностей для свободного выбора детьми привлекательных для них видов деятельности является необходимым условием самого существования дополнительного образования. С этой точки зрения система дополнительного образования обладает более благоприятными возможностями развития личности по сравнению с образовательным учреждением, в котором неизбежна достаточно жесткая регламентация целей, содержания и условий образовательной деятельности [3, 35].

Воспитательный потенциал системы дополнительного образования реализуется и в других специфических, в отличие от общеобразовательного учреждения, *условиях*. Эти условия следующие:

– творческий характер деятельности, поскольку в подобные объединения приходят, как правило, люди увлеченные, нацеленные на творчество;

– высокий уровень профессионализма, так как отдельные дела, секции, кружки, клубы ведут специально подготовленные люди, мастера дела;

– многопрофильность: в одном объединении кружки, клубы, секции, различные формы воспитательной работы; это позволяет пришедшему сюда подростку или юноше выбрать занятие по душе, найти себя, переходить от одного занятия к другому, общаться с разными людьми;

– отсутствие довлеющей обязательной оценки, официального (формального) статуса («ученик», «студент», «сын», «участник кружка»…);

– иное помещение, место, которое человек выбирает сам; порой это широкая природно-социальная среда: парки, леса, усадьбы, реки и море, исторические места, культурные центры, научные или производственные объекты…;

– опыт неформального общения, взаимодействия, сотрудничества с интересными людьми, творческими личностями, одухотворенными взрослыми и сверстниками; опыт содружества поколений; в «условиях учреждения дополнительного образования такой опыт всегда выступает как опыт «соприкосновения» духовных миров детей и педагогов, посколь-

ку педагоги в этой системе имеют возможность быть менее «функциональными» по сравнению со школьными учителями» [3, 36];

– опыт жизнедеятельности и общения в коллективах высокого уровня развития, где наиболее успешно происходит самоактуализация личности, ибо созданы условия для проявления и развития всех её признаков;

– возможность выхода в любое время, в любой момент (в отличие от невозможности уйти от школьного воспитания), т.е. существенен момент ненасилия;

– система дополнительного образования может существенно компенсировать недостатки и разрешить противоречия школьной системы воспитания (обязательной, регламентированной, авторитарной); например, нередко трудные дети, изгои школьного коллектива находят себя и успешно занимают позиции лидеров в учреждениях дополнительного образования [5, 284-285].

Для того чтобы подчеркнуть специфику дополнительного образования, воспользуемся сравнительной характеристикой общего и дополнительного образования, представленной в таблице [7, 62].

Отличительные черты общего и дополнительного образования

Компоненты учебного процесса	Общее образование	Дополнительное образование
Цель	Социальное и профессиональное самоопределение школьника через адаптацию к учебным программам, государственным образовательным стандартам	Социальное и профессиональное самоопределение школьника через создание условий для самообразования, самопознания, совершенствования и самореализации в интересной для личности деятельности
Принципы	Общепедагогические	Общепедагогические + принципы: добровольности, самореализации, комплементарности, эвристичности, педагогической поддержки
Задачи	- обучить на основе требований стандарта - развить интерес к самообразованию и саморазвитию - воспитать мотивацию к самосовершенствованию	Воспитать мотивацию к самореализации в активной деятельности в интересах человека, общества и государства; обучить современным технологиям самообразования, саморазвития и самосовершенствования
Содержание образования	ЗУН → Д З – знания, У – умения, Н – навыки, Д – деятельность	Д → Р → ЗУН + МЦС Д – деятельность, Р – рефлексия, З –знания, У – умения, Н – навыки, М – мастерство, Ц – морально-нравственные ценности, С – задатки и способности
Критерии оценки	Требования государственных образовательных стандартов	Когнитивные: участие в конференциях, олимпиадах, конкурсах, выставках всех уровней Мотивационно-личностные: участие в работе Деятельностно-практические: самоутверждение в выбранном виде деятельности, уровень личностного развития
Показатель оценки	Пятибалльная система Субъективная похвала, признание педагогов, одноклассников	Звания лауреатов, дипломантов, спортивные разряды, звания, мастерство, достижения и пр.
Результат образования	Уровень обученности, развития и воспитания, зафиксированные в государственном образовательном стандарте	Развитие личностного потенциала способствует повышению уровня обучения, развития и воспитания, необходимому для успешного продолжения образования

Сравнительный анализ целей, принципов, задач, содержания образования, критериев и показателей оценки, результатов основного и дополнительного образования дает возможность показать значительную роль системы дополнительного образования для расширения образовательного пространства учебного заведения с целью развития социальной и коммуникативной компетентностей обучающихся. В круг значимых для учащихся проблем вклю-

чаются проблемы самопознания и самореализации, в том числе в решении социально значимых задач (поскольку практическая деятельность детей в сфере дополнительного образования всегда имеет определенную социальную мотивацию). Это является важным источником развития социальной и коммуникативной компетентностей школьников, овладению которыми в значительной степени способствуют освоение новых источников информации, в том числе собственного опыта творческой деятельности, общение с компетентными людьми, межличностное общение, основанное на интересах в одном и том же виде деятельности. Туристические походы, экскурсии, проектная деятельность в кружках технического творчества, театральные постановки, концерты, организация выставок творческих работ и другие формы дополнительного образования представляют собой такие источники знаний о жизни, о самом себе и специальных областях культуры, которые не могут быть заменены ни уроками, ни другими источниками общеобразовательных знаний.

Дополнительное образование позволяет полнее использовать потенциал основного образования за счет углубления, расширения и применения школьных знаний. Оно компенсирует неизбежную ограниченность школьного образования путем реализации досуговых и индивидуальных образовательных программ, даёт возможность каждому ребёнку удовлетворить свои индивидуальные познавательные, эстетические, творческие запросы. Вместе с тем в условиях вариативной образовательной системы растет спрос на такие программы дополнительного образования, которые компенсировали бы известную односторонность профильного обучения в школе, способствовали бы «гармонизации» общего образования [3, 37].

Итак, дополнительное образование является необходимым компонентом современного общего образования. Спецификой дополнительного образования является предоставляемая им возможность выбора, отличающаяся не только более высокой степенью свободы выбора, но и объектами выбора. Дома творчества, экологические центры, клубы, студии, мастерские и другие формы дополнительного образования могут предложить учащимся различные виды основанной на когнитивном опыте детей практической деятельности, в рамках которой возможны различные уровни достижения. Социально-ориентированный характер деятельности, включение в разнообразные формы социального взаимодействия, разноуровневый, преимущественно неформальный способ общения, запрос к коммуникативным способностям личности позволяют говорить о высоком потенциале системы дополнительного образования в развитии социальной и коммуникативной компетентностей обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березина, В. А. Дополнительное образование детей как средство их творческого развития: автореф. дис. … канд. пед. наук / В. А. Березина. – М., 1998. – 22 с.
2. Система дополнительного образования детей: Концепция лаборатории проблем дополнительного образования детей института общего среднего образования РАО / В. А. Горский, А. Я. Журкина, Л. Ю. Ляшко, В. В. Усанов // Дополнительное образование. – 2000. – № 1.
3. Дополнительное образование детей: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. О. Е. Лебедева. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 256 с.
4. Евладова, Е. Б. Развитие дополнительного образования в общеобразовательных учреждениях / Е. Б. Евладова, Л. А. Николаева. – М., 1996. – 133 с.
5. Маленкова, Л. И. Теория и методика воспитания: учеб. пособие / Л. И. Маленкова. – М.: Педагогическое общество России, 2002. – 480 с.
6. Скачков, А. В. Дополнительное образование как социально-педагогическая проблема: автореф. дис. … канд. пед. наук / А. В. Скачков. – Ростов н/Д., 1996. – 24 с.
7. Черноусенко, Т. И. Моделирование системы дополнительного образования (на примере инновационного образовательного учреждения): дис. … канд. пед. наук / Т. И. Черноусенко. – Ставрополь, 2003. – 240 с.
8. Щетинская, А. И. Развитие творческого потенциала педагога в условиях совершенствования дополнительного образования детей: автореф. дис. … д-ра пед. наук / А. И. Щетинская. – Казань, 1999. – 38 с.

Анисимова Е. С.
E. S. Anisimova

ОСОБЕННОСТИ ИНОКУЛЬТУРНОЙ ОЦЕНКИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТИРОВАНИЯ РУССКИХ, АМЕРИКАНСКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ СОТРУДНИКОВ КОМСОМОЛЬСКОГО-НА-АМУРЕ ФИЛИАЛА ЗАО «ГРАЖДАНСКИЕ САМОЛЕТЫ СУХОГО»)

ASSESSMENT OF THE COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF REPRESENTATIVES OF ANOTHER CULTURE (ON THE BASIS OF A SURVEY OF RUSSIAN, AMERICAN AND ITALIAN PERSONNEL OF THE KOMSOMOLSK-ON-AMUR BRANCH OF OJSC “SUKHOI CIVIL AIRCRAFT”)

Анисимова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: elena-anisimova@mail.ru.
Ms. Elena S. Anisimova – PhD in Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Cross-cultural Communication,, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: elena-anisimova@mail.ru.

Аннотация. Под коммуникативным поведением народа понимается совокупность норм и традиций общения народа. Межкультурное общение является одной из коммуникативных сфер, определяющих особенности коммуникативного поведения. Статус Комсомольска-на-Амуре как города с ограниченным посещением иностранными гражданами отражается на коммуникативном поведении его жителей и их восприятии коммуникативного поведения иностранцев. Составленные в результате анкетирования коммуникативные портреты русских, американцев и итальянцев находятся также в зависимости от продолжительности общения коммуникантов друг с другом, особенностей менталитета и национального характера.

Summary. National communicative behavior is understood as set of norms and traditions of a people. Cross-cultural communication is one of communication spheres that define the features of specific communicative behavior. Komsomolsk-on-Amur has the status of a semi-closed industrial city with limited access by foreign nationals, which is reflected in the communicative behavior of its inhabitants and their perception of the communicative behavior of foreigners. A survey of Russians, Americans and Italians resulted in the communicative portraits of these people, which is dependent on the duration of their communication, their mentality and national character.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, межкультурное общение, коммуникативная сфера, анкетирование, коммуникативный портрет, инокультурный информатор, респондент.

Key words: communicative behavior, cross-cultural communication, communicative sphere, questioning, communicative portrait, informant belonging to another culture, respondent.

УДК 811(075.8)

Изучение живого языка, функционирующего в реальной коммуникации человека, в рамках антропоцентрической парадигмы в лингвистике, привело в последние годы к постановке новых исследовательских задач, связанных с анализом особенностей коммуникативного поведения различных народов.

Материал поступил 16.06.2011

Под коммуникативным поведением народа И. А. Стернин понимает совокупность норм и традиций общения народа. Коммуникативное поведение народа определяется его коммуникативным сознанием и представляет собой способ овнешнения коммуникативного сознания. Коммуникативное сознание, в свою очередь, представляет собой совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил коммуникации [3].

Несомненно, что коммуникативное поведение может варьироваться в зависимости от коммуникативной сферы и конкретной ситуации общения. Одной из таких коммуникативных сфер является межкультурное общение. В настоящее время интенсивного взаимодействия культур изучение этой сферы коммуникации приобретает особую важность. Особенности общения с иностранцами широко изучаются в рамках теории межкультурной коммуникации, психологии, культурологии, лингвистики [1; 2; 4]. Проводится огромное количество тренингов, нацеленных на повышение уровня межкультурной компетенции.

На наш взгляд, особенности коммуникативного поведения при общении с иностранцами во многом определяются опытом подобного общения. Жители столиц и крупных городов имеют больше возможностей межкультурного общения, чем люди, проживающие в небольших населенных пунктах. На территории бывшего СССР существовали так называемые закрытые для посещения иностранными гражданами города, к числу которых относился и Комсомольск-на-Амуре. К настоящему времени подобный статус города снят, но, тем не менее, Комсомольск-на-Амуре по-прежнему остается городом с ограниченным посещением иностранными гражданами.

Все это никак не могло не отразиться на коммуникативном поведении жителей Комсомольска-на Амуре и на их восприятии коммуникативного поведения иностранцев.

В данной статье мы попытаемся проанализировать оценку, данную иностранными гражданами, в частности американцами и итальянцами, коммуникативному поведению жителей нашего города, а также особенности восприятия комсомольчанами коммуникативного поведения иностранцев.

Источником материала исследования является анкетирование, проведенное среди работников ЗАО ГСС. Русские, американцы и итальянцы на данном предприятии находятся в отношениях делового сотрудничества уже на протяжении определенного времени, знакомы с культурой друг друга, способны высказать о ней суждение и, таким образом, выступают по отношению друг к другу в качестве инокультурных информаторов.

Используемая нами анкета была составлена О. Б. Горобец для изучения особенностей межкультурного общения русскоязычных и франкоязычных работников ЗАО ГСС. Вариант анкеты, представленный американцам и итальянцам, был переведен нами на английский язык. Данная анкета направлена на выявление коммуникативных черт, в наибольшей степени присущих русским, американцам и итальянцам, с точки зрения инокультурных информаторов. Кроме того, в анкете затрагивается проблема коммуникативных неудач и их причин, а также поднимается вопрос о соответствии межкультурных поведенческих стереотипов действительности.

Всего в анкетировании приняли участие 40 человек: 11 американцев, 10 итальянцев и 19 русских. Работающие на ЗАО ГСС американские респонденты контактируют с русскими в среднем около полугода, и данная ими оценка коммуникативного поведения жителей Комсомольска-на-Амуре выглядит следующим образом.

Проблемы общения во время контактов с русскими возникали у 70 % опрошенных, и причиной этих проблем все они безоговорочно считают недостаточное знание языка общения. Большинство респондентов (60 %) считают русских достаточно общительными, остальные ответы (общительные, очень общительные, очень закрытые) носят единичный характер. В качестве пяти наиболее характерных для русских коммуникативных черт, по мнению

большинства американцев, выступают их любознательность (60 %), неулыбчивость (40 %), раскованность (40 %), искренность (30 %). Другими респондентами также были названы равнодушие (20 %), мрачность (20 %), веселость (20 %), индивидуалистичность (20 %), забавность (20 %), зажатость (20 %), неискренность (10 %), галантность (10 %), отзывчивость (10 %), смешливость (10 %), грубость (10 %) и навязчивость (10 %).

Далее, из группы взаимоисключающих друг друга коммуникативных и личностных черт респондентам было предложено выбрать одну, характеризующую, на их взгляд, русских.

Первая группа черт касается проявления коммуникантами в общении открытости и откровенности. Мнения американцев по данному вопросу разделились: 60 % из них считают, что русские редко проявляют в общении открытость и откровенность, а 40 % уверены, что русские всегда открыты и откровенны при общении.

Вторая группа черт связана с выбором коммуникантами тем для разговора. Абсолютное большинство (90 %) считает, что русские готовы болтать о пустяках, но ни о чём серьезном, и лишь 10 % считают, что русские вносят в общение ненужную глубину и серьёзность.

Третья группа черт дает представление о широте кругозора и образованности, проявляемых коммуникантами в общении. Практически все респонденты (90%) признают, что русские, с которыми они имели возможность общаться, демонстрируют при общении широту кругозора и образованность. 10 % респондентов отрицают подобное качество своих русских коллег.

Четвертая группа черт выявляет умение коммуникантов держать дистанцию в общении. Относительно этого вопроса американские респонденты не пришли к единому мнению: 60 % из них ответили, что русские умеют держать дистанцию в общении, 40 % ответили, что русские не умеют держать дистанцию в общении.

Пятая группа черт связана с обладанием коммуникантами чувством юмора. Мнения респондентов опять разделились: 60 % считают, что русские обладают прекрасным чувством юмора, 40 % заявляют, что русские имеют своеобразное чувства юмора, которое им непонятно.

Шестая группа черт касается отношения коммуникантов к конфликтным ситуациям. Респонденты единогласно заявляют, что их русские коллеги избегают конфликтов (100 %).

Седьмая группа черт раскрывает общий психический настрой коммуникантов. Большая часть респондентов (70 %) считают, что русские всегда мыслят позитивно, 30 % американцев полагают, что русские склонны к пессимизму и апатии.

Восьмая группа черт связана с прагматизмом и рациональностью коммуникантов. Все респонденты без исключения (100 %) считают, что русские прагматичны и рациональны.

Следующий пункт анкеты предлагал респондентам выбрать не более трех коммуникативных черт, которые они больше всего ценят в русских. В полученном списке лидируют такие качества: забавные (60 %), любознательные (40 %) и открытые и откровенные в общении (40 %). Далее следуют такие характеристики, как: избегают конфликтов (20 %), демонстрируют при общении широкий кругозор и образованность (20 %), раскованные (20 %), обладают прекрасным чувством юмора (20 %), отзывчивые (20 %), смешливые и веселые (10 %).

Следующим этапом анкеты являлся выбор респондентами не более трех коммуникативных черт, которые им больше всего не нравятся в русских. Выяснилось, что американцам больше всего не нравятся в наших соотечественниках их неулыбчивость (70 %) и редкое проявление открытости и откровенности в общении (60 %). Кроме того, были названы такие качества, как равнодушие (20 %), двуличие (20 %), обидчивость (20 %), закрытость (20 %), самодовольство (10 %) и навязчивость (10 %).

В заключение респондентам предлагалось дать положительную или отрицательную оценку общению в целом, а также сделать вывод, изменил ли приобретённый ими опыт общения с русскими представление о них. Все американские респонденты оценили опыт обще-

ния с русскими как интересный и обогащающий, изменивший их представление о наших соотечественниках в лучшую сторону.

Наши итальянские респонденты находятся в контакте с жителями Комсомольска-на-Амуре дольше, чем американцы, а именно, более двух лет. Все итальянцы (100 %), как и американцы, говорят о возникающих при общении проблемах и в качестве причины называют недостаточное знание языка общения. Что касается общительности русских, то итальянцы называют те же определения, что и предыдущие респонденты: общительные (50 %) и достаточно общительные (50 %).

В качестве наиболее характерных для русских коммуникативных черт большинство итальянских респондентов выделяют их любознательность (100 %), искренность (100 %), забавность (70 %), отзывчивость (70 %). Также были названы такие черты, как обидчивость (50 %), грубость (50 %), индивидуалистичность (50 %), смешливость (40 %). Все эти черты были выделены и американцами, причем любознательность и искренность также занимают у них ведущие позиции в полученном рейтинге коммуникативных черт. Основным различием является тот факт, что в отличие от американцев итальянцы не считают русских неулыбчивыми и мрачными.

Выделяя из группы взаимоисключающих друг друга коммуникативных и личностных черт одну, характеризующую, на их взгляд, русских, итальянские респонденты в большинстве случаев не были единодушны, и поэтому представить четкую картину оказалось достаточно сложно. Половина респондентов (50 %) считают, что русские редко открыты и откровенны при общении; готовы болтать о пустяках, но ни о чём серьезном; избегают конфликтов; склонны к пессимизму и апатии. Вторая половина (50 %) уверена, что русские всегда открыты и откровенны при общении; вносят в общение ненужную глубину и серьёзность; провоцируют конфликты; всегда мыслят позитивно. Что касается других групп черт, то, в основном, мнение итальянцев схоже с мнением американцев. Все итальянцы (100 %) заявляют, что русские демонстрируют при общении широту кругозора и образованность, 70 % уверены, что русские умеют держать дистанцию в общении и являются прагматичными и рациональными. Единственным расхождением является оценка чувства юмора наших соотечественников: итальянцы считают, что русские имеют своеобразное чувства юмора, которое им непонятно.

Выбирая коммуникативные черты, которые они больше всего ценят в русских, итальянцы, как и американские респонденты, остановили свой выбор на забавности (100 %) и любознательности (70 %) русских. Также были отмечены прекрасное чувство юмора (40 %) и раскованность (40 %). Следует отметить, что итальянским респондентам чрезвычайно импонирует индивидуалистичность (70 %) русских, которая американцами названа не была.

В качестве наиболее неприятных черт русских итальянцами были выбраны двуличие (50 %), склонность к конфликтам (50 %), пессимизму и апатии (50 %). Кроме того, были отмечены своеобразное чувства юмора, которое респондентам непонятно (40 %) и неспособность держать дистанцию в общении (40 %). Неулыбчивость и редкая открытость и откровенность в общении, набравшие наибольшее количество голосов у американцев, названы не были.

Так же как и американцы, все итальянские респонденты оценивают опыт общения с русскими как интересный и обогащающий, изменивший их отношение к нашим соотечественникам в лучшую сторону.

Русские сотрудники ЗАО ГСС заполняли отдельные анкеты, отвечая на предложенные вопросы относительно своих американских, а затем итальянских коллег. На вопросы об

американцах отвечало 19 человек. Более половины из них (60 %) общаются с американцами более двух лет, 30 % – более года и 10 % – более полугода. Большая часть респондентов (70 %) отмечает возникшие при общении с американцами проблемы и причинами этих проблем считают в основном недостаточное знание языка общения (60 %) и разницу в культуре общения и поведения (40 %). Также в качестве причины были названы индивидуальные отрицательные черты собеседника.

Что касается общительности американцев, то большинство русских респондентов считают, что американцы довольно общительны (70 %). Остальные ответы (поверхностно общительные, общительные, очень общительные) имеют единичный характер.

Среди наиболее характерных для американцев коммуникативных черт нашими соотечественниками были выделены веселость (70 %), раскованность (70 %), отзывчивость (70 %) и индивидуалистичность (70 %). Некоторые респонденты также отметили любознательность (30 %), забавность (30 %), самодовольство (20 %), любопытство (20 %), неискренность (20 %), двуличие (20 %).

Выбор респондентами из группы взаимоисключающих друг друга коммуникативных и личностных характеристик черт, в наибольшей степени свойственных американцам, не дал четкой картины. Относительно некоторых групп мнения респондентов разделились. Большая половина респондентов (60 %) считает, что американцы редко открыты и откровенны в общении и имеют прекрасное чувство юмора, меньшая половина (40 %) уверена, что американцы всегда открыты и откровенны и имеют своеобразное чувства юмора, которое им непонятно. Далее, 70 % думают, что американцы готовы болтать о пустяках, но ни о чём серьезном и демонстрируют при общении широту кругозора и образованность; 30 % уверены, что американцы вносят в общение ненужную глубину и серьёзность и не демонстрируют при общении широту кругозора и образованность. Большинство респондентов (90 %) считают, что американцы умеют держать дистанцию в общении, избегают конфликтов, всегда мыслят позитивно, прагматичны и рациональны.

Больше всего русские ценят в американцах то, что они отзывчивы (60 %), открыты и откровенны в общении (40 %), раскованны (40 %) и избегают конфликтов (40 %). Кроме того, некоторым респондентам импонирует широкий кругозор и образованность американцев (30 %), их забавность (30 %), любознательность (30 %) и индивидуалистичность (30 %).

Что касается отрицательных качеств американцев, то респондентами были даны самые разнообразные ответы. Максимальное количество совпадающих ответов по данному пункту анкеты – 30 %; такой рейтинг получили такие характеристики: двуличие, равнодушие, индивидуалистичность. 20 % респондентов негативно оценили готовность американцев болтать о пустяках, но ни о чём серьезном, а также их обидчивость. Остальные ответы носят единичный характер.

Практически все русские респонденты (90 %) оценивают опыт общения со своими американскими коллегами как интересный и обогащающий, и лишь 10 % заявляют, что этот опыт ничего им не дал. 70 % респондентов считают, что опыт общения изменил их представление об американцах в лучшую сторону, 30 % уверяют, что никак не изменил.

Особенности коммуникативного поведения итальянцев оценивали 18 русских респондентов. Половина из них работает с итальянцами более двух лет, двое соответственно более года и более полугода и двое менее полугода. Большая часть респондентов (60 %) считает, что в их общении с итальянскими коллегами возникали проблемы, и причиной их являлись недостаточное знание языка общения (40 %), разница в культуре общения и поведения (40 %), индивидуальные отрицательные черты собеседника (30 %).

Общительность итальянцев оценивается русскими неоднозначно. 30 % респондентов уверены, что итальянцы очень общительные, 30 % – что поверхностно общительные, остальные респонденты дали абсолютно разные ответы: общительные (10 %), довольно общительные (10 %), закрытые (10 %), довольно закрытые (10 %).

В качестве наиболее характерных для итальянцев коммуникативных черт, по мнению большинства русских, выступают их веселость (90 %), отзывчивость (60 %), любознательность (60 %) и галантность (50 %). Далее следуют двуличие (40 %), самодовольство (30 %), смешливость (20 %), навязчивость (20 %), обидчивость (20 %), забавность (20 %), неискренность (20 %). 10 % назвали также индивидуалистичность, раскованность, любопытство и веселость.

При выборе свойственных итальянцам коммуникативных черт из группы взаимоисключающих характеристик русские респонденты не были единодушны. Половина респондентов (50 %) считает, что итальянцы всегда открыты и откровенны в общении, демонстрируют при общении широту кругозора и образованность, имеют прекрасное чувство юмора. Тем не менее, 30 % считают, что итальянцы редко открыты и откровенны в общении, 20 % думают, что они не демонстрируют при общении широту кругозора и образованность, а 50 % уверены, что чувство юмора итальянцев своеобразное и им непонятно. Относительно умения коммуникантов держать дистанцию при общении, их отношения к конфликтам и общего психического настроя картина более четкая. Большинство русских (80 %) ответили, что итальянцы умеют держать дистанцию в общении, избегают конфликтов, всегда мыслят позитивно. Оставшиеся респонденты (20 %) считают, что их коммуниканты не умеют держать дистанцию в общении, провоцируют конфликты и склонны к пессимизму и апатии. На вопросы о темах, обсуждаемых в разговоре, и прагматичности и рациональности коммуникантов ответили не все респонденты, и поэтому результаты выглядят следующим образом. 60 % полагают, что итальянцы готовы болтать о пустяках, но ни о чём серьезном, 20 % отмечают, что их коммуниканты вносят в общение ненужную глубину и серьёзность. 50 % респондентов полагают, что итальянцы прагматичные и рациональные, но 20 % называет итальянцев иррациональными и непрагматичными.

В качестве наиболее приятных коммуникативных характеристик итальянцев были названы самые разнообразные черты: смешливость и веселость (40 %), широкий кругозор и образованность (40 %), открытость и откровенность в общении (40 %), галантность (20 %), забавность (20 %), неконфликтность (20 %).

Говоря об отрицательных качествах итальянцев, русские респонденты также не были единодушны. Были названы готовность болтать о пустяках, но ни о чём серьезном (40 %), двуличие (20 %), самодовольство (10 %), индивидуалистичность (10 %), равнодушие (10 %), редкое проявление открытости и откровенности в общении (10 %), конфликтность (10 %), зажатость (10 %), неумение держать дистанцию в общении (10 %).

70 % респондентов оценивают опыт общения с итальянцами как интересный и обогащающий, изменивший их представление об итальянцах в лучшую сторону. 30 % наших соотечественников считают, что этот опыт ничего им не дал, причем мнение 20 % из них об итальянцах никак не изменилось, а мнение 10 % изменилось в худшую сторону.

Итак, обобщив полученную информацию, можно составить определенные коммуникативные портреты представителей трех наций: русских, американцев и итальянцев.

С точки зрения американцев, русские, в частности жители Комсомольска-на-Амуре, в первую очередь, любознательные, искренние, раскованные и неулыбчивые. Кроме того, они готовы болтать о пустяках, но ни о чём серьезном, демонстрируют при общении широту кру-

гозора и образованность, избегают конфликтов, всегда мыслят позитивно, они прагматичны и рациональны. Их наиболее привлекательными чертами являются забавность и любознательность, а наиболее неприятными – неулыбчивость и редкое проявление открытости и откровенности в общении.

С точки зрения итальянцев, русские, в первую очередь, любознательные, искренние, забавные и отзывчивые. Кроме того, они демонстрируют при общении широту кругозора и образованность, умеют держать дистанцию в общении, имеют своеобразное чувства юмора, которое им непонятно, являются прагматичными и рациональными. Их наиболее привлекательными чертами являются забавность, любознательность и индивидуалистичность, а наиболее неприятными – склонность к конфликтам, пессимизму и апатии.

Очевидно, что полученные коммуникативные портреты жителей Комсомольска-на-Амуре имеют много общих черт. Некоторые отличия, скорее всего, можно объяснить разной продолжительностью общения коммуникантов друг с другом, а также особенностями менталитета и национального характера.

С точки зрения русских, американцы, в первую очередь, веселые, раскованные, отзывчивые и индивидуалистичные. Кроме того, они готовы болтать о пустяках, но ни о чём серьезном, демонстрируют при общении широту кругозора и образованность, умеют держать дистанцию в общении, избегают конфликтов, всегда мыслят позитивно, прагматичны и рациональны. Их наиболее привлекательными чертами являются отзывчивость, открытость и откровенность в общении, раскованность и неконфликтность, а наиболее неприятными – двуличие, равнодушие и индивидуалистичность.

Что касается итальянцев, то, с точки зрения жителей нашего города, они, прежде всего, веселые, отзывчивые, любознательные и галантные. Кроме того, они всегда открыты и откровенны в общении, демонстрируют при общении широту кругозора и образованность, имеют прекрасное чувство юмора, умеют держать дистанцию в общении, избегают конфликтов, всегда мыслят позитивно, прагматичны и рациональны. Их наиболее привлекательными чертами являются смешливость и веселость, открытость и откровенность в общении и широкий кругозор и образованность, а наиболее неприятными – двуличие и готовность болтать о пустяках, но ни о чём серьезном.

Для выявления влияния особого статуса Комсомольска-на-Амуре на оценку коммуникативного поведения его жителей иностранными гражданами, а также на восприятие комсомольчанами коммуникативного поведения иностранцев необходимо, на наш взгляд, в дальнейшем провести подобное анкетирование в городе с высоким уровнем развития межкультурного общения и сопоставить результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вунд, В. Проблемы психологии народов / В. Вунд. – СПб.: Питер, 2001. – 160 с.
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
3. Стернин, И. А. Очерк английского коммуникативного поведения / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2003. – 185 с.
4. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

Учёные записки
Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета
№ III-2 (7)
2011

Кохан О. В.
O. V. Kokhan

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОЦЕССА В РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРАХ

SPEECH ETIQUETTE AS A REFLECTION OF CHARACTERISTIC FEATURES OF THE COMMUNICATIVE PROCESS IN RUSSIAN AND GERMAN CULTURE

Кохан Ольга Владимировна – аспирантка Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, старший преподаватель кафедры общего и профессионального английского языка (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Октябрьский д. 17/2, кв.42; 8(4217)53-14-58. E-mail: olga_kokhan@mail.ru.
Ms. Olga V. Kohan – PhD Candidate, Senior Lecturer, Department of General and Professional English Language, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, 17/2, Oktyabrskiy Pr., ap. 42, 8-4217-53-14-58. E-mail: olga_kokhan@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию формул речевого этикета – устойчивых стереотипных выражений в ситуациях установления и поддержания коммуникативного контакта собеседников в русской и немецкой культурах. Речевой этикет составляет существенную часть национальной культуры поведения и общения. Приводятся примеры использования этикетных формул в русской и немецкой культурах, которые показывают сходство и различия в употреблении этих формул.

Summary. The paper deals with the study of speech etiquette formulas i.e. stereotyped expressions used in the context of establishing and maintaining a language contact between interlocutors in Russian and German culture. Examples of language etiquette formulas in Russian and German are given, which shows the similarity between and differences in using these formulas by the two nations.

Ключевые слова: речевой этикет, коммуникативный процесс, русская культура, немецкая культура, общение.

Keywords: speech etiquette, process of communication, Russian and German culture, communication.

УДК 801

Культура поведения и общения занимает важное место в жизни общества, в бытовом и деловом обиходе людей во все времена. Без соблюдения «культурных правил» невозможно успешное деловое взаимодействие, разлаживается жизнь и трудовых, и семейных сообществ. Речевой этикет как раз и является важнейшей частью культуры речевого поведения.

Прежде чем приступить к речевому общению, необходимо включиться в него, в первую очередь, привлечь внимание собеседника, выбрать стиль общения, адекватный ситуации, уметь правильно реагировать на подачу информации, создать социальное равновесие и благоприятный климат общения, верно понимать и оценивать особенности культурного поведения собеседника. Следовательно, любой акт речевого общения осуществляется в соответствии с нормами речевого этикета. Проблема речевого этикета освещается в работах многих ученых, таких как: Н. И. Формановская, В. И. Карасик, Л. А. Введенская, В. Е. Гольдин, Р. А. Газизов, Р. Ратмайр, А. А. Леонтьев и др.

«Речевой этикет связан с понятием *этикета*, который определяется следующим образом: этикет (фр. *etiquette* – ярлык, этикетка) – совокупность правил поведения, касающихся отношений к людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, пове-

дение в общественных местах, манеры, одежда). Этикет свойствен всем народам и отражает национальную специфику общения каждой нации». [3, 18]

Под этикетом австрийский профессор Ренате Ратмайр, лингвист, специалист в области прагматики и межкультурной коммуникации, понимает, опираясь на определение В. И. Карасика, абстракцию намеренного целенаправленного, соответствующего обычаям и традициям поведения, целью которого является корректировка *соответствующего статусу* равновесия между участниками коммуникации в соответствии с действующими в обществе нормами и традициями. Общественные нормы поведения одновременно устойчивы и динамичны. Этикет – это одна из устойчивых форм повседневного общения, она позволяет общаться с лицами, стоящими на разных ступенях социальной лестницы, сохраняя свое лицо. [6, 19]

Речевой этикет – это правила поведения при общении людей друг с другом, воплощенные в речи.

Вроде бы и нет ничего особенного в наших таких обыденных «здравствуйте», «извините», «спасибо», и мы часто употребляем это мимоходом, даже почти не замечая. Однако мы сразу же обращаем внимание, притом болезненно реагируем, если по отношению к нам кто-то другой этого не употребил в подходящей ситуации: не поздоровались, не сказали спасибо, не извинились – нарушили правила речевого поведения. Нам всем знакомы подобные примеры: «Соседка прошла мимо, не поздоровалась, она меня не замечает». «Наталья Ивановна сегодня со мной не поздоровалась, обиделась наверно». «Даже спасибо не сказал!» «Хотя бы извинилась!».

Особый интерес у нас, прежде всего, вызывают те языковые нормы, которые представляются достаточно типичными в разговорных ситуациях между представителями немецкой и русской культур: приветствие, прощание. Эти тематические группы были выбраны для исследования, так как они являются, на наш взгляд, основными, самыми употребляемыми и необходимыми в межличностной коммуникации.

Общение, как правило, начинается с встречи, а встреча – с приветствия. Приветствие несет в себе важную эмоционально-коммуникационную нагрузку во всех культурах. Именно приветствующий посредством формы и характера приветствия своего партнера определяет ход дальнейшей коммуникации. Этикет дает определенный набор форм и правил приветствия каждого конкретного человека (см. прим. 1). Н. И. Формановская в своей книге «Речевой этикет в русском общении. Теория и практика» приводит до 40 способов приветствия в современном русском языке. В упомянутом ею Словаре русского речевого этикета А. Г. Балакая 383 приветствий.

В социолингвистическом исследовании формул русского речевого этикета А. А. Зубаревой в тематической группе *Приветствие* формула *Здравствуйте* использовалась информантами 69 раз, формула *Привет!* использовалась информантами 14 раз.

Перевод русского *Здравствуйте* в словарях и разговорниках обычно дается как *Guten Tag, Guten Abend,* или *Guten Morgen* (*Добрый день, Добрый вечер* и *Доброе утро*), в зависимости от времени суток [1, 200]. Однако «*Здравствуйте*» (буквально, пожелание здоровья приветствуемому) несет в себе более позитивную коннотацию, в то время как выражение «*Добрый день*» и другие подобные и в немецком, и в русском языках звучат более нейтрально.

Известный исследователь этикета Н. И. Формановская, предлагая считать благопожелание концептом в основе речевого этикета, утверждает следующее: «В самом деле, что такое первичное и частотное *Здравствуй!* (*Будь здоров!*) – это пожелание самого важного для

человека блага – здоровья, т.е. ритуализированное благопожелание при встрече; *Здравствуйте* этимологически значит пожелания здоровья» [3, 37].

Здороваться – значит подтвердить и подкрепить факт знакомства с человеком и, как правило, подчеркнуть хорошее отношение к нему. Фраза: *Он перестал со мной здороваться*, в сущности, и означает: *Он прервал со мной добрые отношения, знакомство*.

Сцена из современного телесериала «Маргоша»: Разговор Бориса Наумовича и его жены Каролины в его кабинете.

Борис Наумович – *Что ты тут делаешь?*

Каролина – *Мог бы и поздороваться!*

Борис Наумович – *Здороваться – значит желать здравствовать, а я тебе здоровья не хочу желать*.

Главный герой не хочет здороваться со своей женой, так как относится к ней негативно, не желает продолжения общения.

Здороваться – значит проявлять доброжелательство, уважение, вежливость по отношению к встретившемуся знакомому, а иногда и незнакомому человеку. Недаром в деревнях, где все знают друг друга, здороваются с незнакомыми приезжими. Особенно этого обычая придерживаются пожилые люди. *Первое время с непривычки удивляешься: идешь по селу, с тобой все здороваются. Я одного деда спросил для интереса, дескать, чего здороваешься, знаешь меня, что ли? А он мне: А зачем мне тебя знать? Я про тебя плохого не слыхал, ты про меня тоже, стало быть, ты добрый человек, и я добрый человек. Вот и будь здоров!* (А. Крон).

Еще одна ситуация в качестве примера: на улице я поздоровалась с женщиной, очень похожей на подругу моей мамы. Затем, поняв, что я ошиблась, я извинилась. Женщина в ответ: «Ну, и хорошо, что поздоровались, Вы же мне здоровья пожелали».

Здороваться – может также означать возможность установления контакта для последующего разговора. В некоторых случаях, прежде чем обратиться к человеку по какому-нибудь поводу, чтобы быть вежливым, нужно сначала поприветствовать его, например, при обращении к ведомственному лицу: *Здравствуйте. Вы секретарь директора? Моя фамилия Сергеев. Мне назначено собеседование на 10 часов.*

В Германии довольно часто приветствуют незнакомых людей, не имея намерения дальнейшего общения. Немцы здороваются с незнакомыми в лифте, с продавцами в магазине. Часто принято здороваться с вахтерами, соседями и т.д., тем самым включая себя и партнера в круг «своих», исполняющих соответствующую роль: пассажиры лифта, покупатель и продавец и т.д.

Такие приветствия в Германии, сопровождаемые обычно улыбкой, не обязывают участников к дальнейшему разговору, независимо от того, были ли они когда-либо знакомы или же никогда не встречались друг с другом. Эти приветствия не подразумевают прощания и, так же как и улыбка, служат только демонстрацией окружающим доброжелательности. Такое приветствие может иногда вылиться в *small talk*, хотя чаще всего этого не случается.

В подобных ситуациях, например, когда встречаются два незнакомых человека в лифте, русские, как правило, не здороваются, даже если предполагается минимальная коммуникация типа, «*Вам какой этаж?*». Для данного типа ситуаций нужно отметить также и почти обязательное отсутствие в русском речевом этикете прощания.

Однако различия здесь не так заметны и не могут вызвать существенных проблем в коммуникации. А вот случай с неформальным приветствием вызывает гораздо больше затруднений.

Русское *Привет*, которое близко немецкому *Hallo*, более нейтрально, стилистически сниженное выражение и распространено в основном в общении между партнерами, имеющими примерно равный социальный статус. Немецкое *Hallo* более демократично, очень распространено среди молодых людей и употребляется гораздо чаще, чем *Привет* в русском. Например, *Hallo* служит, чтобы окликнуть знакомого или приветствовать коллег по работе, знакомых: *Hallo, Leute! Sag deiner Tante noch schnell Hallo*, а также для привлечения к себе внимания и выражения радостного удивления:*Hallo, ist da jemand? Hallo, Sie haben etwas verloren! Hallo, da seid ihr ja! Hallo, wie haben wir´s denn? Hallo, einfach stark!* [4, 745]. Однако необходимо быть осторожным, так как приветствие *Hallo* может носить и несколько фамильярный характер, например, в ситуации первой встречи с немецкоязычным партнером.

Приветствие для русских, как правило, предполагает дальнейшее общение. Более того, оно обязывает к началу разговора обоих коммуникантов. Вероятно, поэтому у русских не принято приветствовать друг друга «просто так». Однако если это случается, то в конце разговора обязательным элементом коммуникации является прощание.

Прощание является важным и четко оформленным актом коммуникации в обеих культурах. Через форму и характер прощания стороны определяют перспективу дальнейшего взаимодействия.

Прекращение коммуникативного контакта в немецком коммуникативном поведении осуществляется более плавно, чем в русском, – нельзя сказать: «Ну, все. Пошли», – как в русском разговоре.

Однако в большинстве случаев сам процесс «русского» прощания заметно длиннее «немецкого» (см. прим. 2). После слов прощания у русских может состояться «послесловие», в которое вмещается в зависимости от социальной дистанции между собеседниками практически все – от приветов знакомым и пожелания здоровья до содержательных замечаний.

В ситуации проводов гостей при прощании русские любят использовать каузативные глаголы: – *Заходите! Звоните! Пишите!* Данный тип русского коммуникативного поведения в ситуации прощания вызывает зачастую неадекватную реакцию иностранцев: вместо предполагаемого русским речевым этикетом *Спасибо!* они говорят: *С большим удовольствием!* или спрашивают: *Когда? Зачем?* (см. прим. 3).

Немцы часто удивляются, когда русские говорят *спасибо*, уходя из гостей. «За что спасибо?» – недоумевают они.

Вербально нейтральное прощание сопровождается словами *До свидания*. В немецком это выражается *Auf Wiedersehen*. Более официальный стиль в немецком предполагает фразу: *Ich würde mich gerne verabschieden – Позвольте попрощаться, разрешите откланяться* [5, 433]. В основном, употребления этих устойчивых выражений прощания в немецком и русском соответствуют друг другу и применяются в аналогичных ситуациях.

Естественно, что кроме приведенных примеров приветствия и прощания в немецком и русском языках существуют и другие распространенные выражения, которые говорят друг другу при расставании, например, *Alles Gute – Всего доброго, Счастливо, Bis bald – До скорого*, а также другие обороты речи. Безусловно, выбор заключительных слов в конце общения будет определяться степенью близости, доверительности или официальности, которая существует между партнерами.

Финальные формулы прощания, завершающие общение, имеют сходство в немецкой и русской культуре. Как правило, прощанию предшествует некий знак окончания беседы и того, что пришла пора прощаться. Это может быть упоминание о позднем времени, извинение за отнятое время, благодарность за проведенное вместе время и т.д., например: *Ну, мне*

пора, уже поздно; Ну, я пойду. Извините, что отняла у вас столько времени; Спасибо за чудесный вечер и т.п.

Начало беседы как в русской, так и в немецкой культурах обычно начинается с вопроса *Как дела? – Wie geht's?* или более вежливого *Wie geht es Ihnen?* Однако ответ на него может существенно отличаться в немецком и русском вариантах. Например, немецкий вариант предполагает, в основном, позитивные ответы, типа *Danke, gut – Спасибо, хорошо*, или более нейтральное *Es geht, danke – Спасибо, нормально*.

Если в русской культуре человек на вопрос: *Как дела?* – ответит, что у него все хорошо, то тотчас возбудит подозрение: он что-то скрывает! Как правило, преувеличенное подчеркивание того, что все хорошо, в ответах типа: *Прекрасно; Великолепно; Замечательно* встречаются у русских сравнительно редко. По наблюдениям, русские на вопрос: *Как дела?* – предпочитают усредненный преуменьшающе скромный ответ: *Нормально*. *Ничего*. Такой типичный для русских ответ *Ничего* приводит в недоумение иностранцев, так как, по их мнению, «ничего» – это сильное отрицание типа: ничего не делаю, ничего нет и т.д.

Как правило, вопрос *Как дела?* в немецком общении не предусматривает подробного освещения своих дел, независимо от их фактического положения. Русский вариант предполагает более широкий спектр ответов, начиная от самых оптимистических и заканчивая предельно негативными. При этом обсуждение собственных дел может занять много времени. Такие вопросы, как *Как поживаете? Как дела? Как вы себя чувствуете?* воспринимаются в русской культуре в качестве настоящих вопросов, на которые необходимо дать ответ. В немецкой же культуре подобные вопросы перестали восприниматься как полнозначные, а *Wie geht's*! перешло в стандартную формулу приветствия.

Несмотря на всю стереотипность и актов, и жанров речевого этикета, они должны осуществляться в общении, потому что так принято, так необходимо себя вести в соответствующих ситуациях, и, если хочешь быть «своим», если не хочешь выпадать из нормы общественного поведения, необходимо совершать эти действия с помощью речи.

Этническая обусловленность общекультурных норм общения особенно ярко проявляется на уровне вербальной коммуникации представителей разных типов культур. Так, для представителей западных культур характерна точность, логичность, беглость высказывания. Основное внимание при этом уделяется тому, что сказано, а не как сказано. В русской – более важными являются экстралингвистические факторы: ситуация общения, статус коммуникантов и др. (см. прим. 2). От этого зависит форма общения, которой придается особая значимость; часто важнее не то, что сказано, а то, как сказано. Кроме того, коммуникативное поведение русских отличается искренностью и эмоциональностью, что отражается в их внешнем облике.

Если в западных странах, в частности в Германии, широко распространена идея индивидуализма, то в России, находящейся ближе к Востоку, сильно влияние традиций общинной жизни, а соборность выступает в качестве одной из основных черт национального характера русских.

В связи с этим в русском коммуникативном поведении чаще используются стратегии позитивной вежливости, то есть для русских очень важно сократить дистанцию в общении, выразить одобрение и симпатию по отношению к адресату, обозначить принадлежность к общему кругу. Такие ценности, как интимность и близость, человеческая теплота и сердечность, имеют большое значение (см. прим. 4).

В русской культуре употребление этикетных формул, как нам кажется, осуществляется не только и не столько для соблюдения приличий, чтобы окружающие воспринимали со-

беседника как человека культурного, вежливого, а в большей степени эти фразы адресованы конкретному лицу, то есть мы можем говорить в этом случае о категории личной ориентированности. Нам важно, как сложатся дальнейшие отношения с этим человеком, мы ищем его одобрения, признания, выбирая соответствующие формулы речевого этикета.

Сколько добра в речевом этикете и сколько национальной культуры! *Добрый день!* и *Добрый вечер!; Добро пожаловать!* и *Хлеб да соль!; Не поминайте лихом!; Милости прошу к нашему шалашу!; Будьте как дома! Заходите, гостем будете!; Прошу любить и жаловать!* – здесь всегда благопожелание, доброжелательство, в котором исходный глубокий народный смысл.

Речевой этикет входит в культуру двояко: он является элементом культуры речевого поведения, общения, а также элементом языка, язык же, в свою очередь, – порождение и продукт социальной культуры, ее инструмент и хранитель.

Речевой этикет – важный элемент всякой национальной культуры. В языке, речевом поведении, устойчивых формулах (стереотипах) общения отложился богатый народный опыт, неповторимость обычаев, образа жизни, условий быта каждого народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой русско-немецкий словарь / под ред. К. Лейна. – 15-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2001. – 736 с.
2. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации: учеб. для вузов / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин; под ред. А. П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
3. Формановская, Н. И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика / Н. И. Формановская. – М.: ВК, 2009. – 334 с.
4. Duden Deutsches Universalwörterbuch 6., überarbeitete und erweiterte Auflage Dudenverlag Mannheim 2007. – 2016 S.
5. Duden Der deutsche Knigge Sicher formulieren, sicher kommunizieren, sich auftreten Dudenverlag Mannheim 2008. – 479 S.
6. Rathmayr, Renate Pragmatik der Entschuldigungen: vergleichende Untersuchung am Beispiel der russischen Sprache und Kultur / R. Rathmayr. – Köln; Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 1996. – 243 S.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сафьянов, В. И. Этика общения. Электронный ресурс / В. И. Сафьянов. – Режим доступа: http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook123/01/index.html?part-002.htm.
2. Fortbildungskurs Interkulturelle Kommunikation Erstellt von Dr. Natalia Wassiljewa http://deu.1september.ru/article.php?ID=200701717.
3. Вахтель, Н. М. Модели чисто русских речевых актов. Электронный ресурс / Н. М. Вахтель. – Режим доступа: http://commbehavior.narod.ru/RusFin/RusFin2000/Wachtel.htm.
4. Газизов, Р. А. Русское коммуникативное поведение в сравнении с немецким в свете теории сохранения лица. (2009). Электронный ресурс / Р. А. Газизов. – Режим доступа: http://www.bashedu.ru/vestnic/2009-2/18.pdf.

Учёные записки
Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета
№ III-2 (7)
2011

Кузнецова Н. В.
N. V. Kuznetsova

ПЕРИФРАЗА КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

PERIPHRASIS AS THE WAY OF EXPRESSING POLITICAL CORRECTNESS IN THE PROFESSIONAL DOMAIN OF THE FRENCH LANGUAGE

Кузнецова Наталья Владимировна – ассистент кафедры французской филологии Хабаровского государственного гуманитарного университета (Россия, Хабаровск); 680028, г. Хабаровск, Амурский бульвар, д. 3, кв. 59; 89141549621. E-mail: kunavla@mail.ru.
Ms. Natalia V. Kuznetsova – Assistant Lecturer, Department of the French Language, Khabarovsk State University of Liberal Arts. 680028 City of Khabarovsk, 3 Amursky Boulevard, office 59. + 8 9141549621. E-mail: kunavla@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть категорию политкорректности в профессиональной сфере французского языка. Для реализации поставленной задачи анализируются названия некоторых профессий и их эвфемистические эквиваленты.

Summary. This paper is an endeavor to study political correctness as a phenomenon of the professional domain of the French language. The author analyses the names of a range of professions and their euphemistic equivalents.

Ключевые слова: политкорректность, перифраза, язык, мышление, эвфемизм, коннотация, общество.

Key words: political correctness, periphrasis, language, thinking, euphemism, connotation, society.

УДК 811

Политическая корректность – явление, возникшее в США в конце 70-х – начале 80-х гг. XX века, вызывает все больший интерес, как у зарубежных, так и у отечественных писателей, философов и культурологов. Г. Грайс (1985); Ж. Лебук (2007); С.Г. Тер-Минасова (2000); В.В. Панин (2004); Л.Н. Шапина (2008) и другие лингвисты освещали в своих научных работах разные аспекты политкорректности, а именно: языковой аспект, культурологический, политический, экономический, моральный и другие.

Политкорректность напрямую связана с употреблением языка и предполагает запрет оскорбительных выражений и замену их иными. Став инструментом языковой политики западных стран, политкорректность помогает избежать социальных обострений и достичь бесконфликтной атмосферы в обществе [5].

Под политкорректностью понимается целый комплекс явлений политического и мировоззренческого характера: это точка зрения, способ мышления и образ мыслей; это позиция, определенный настрой, по сути, стиль жизни. В качестве исходного определения политической корректности мы принимаем определение С.Г. Тер-Минасовой: «политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [4]. Например, в английском языке «общественно-приемлемыми» считаются слова African-American, financially challenged, hearing impared,

senior в отличие от неприемлемых Negro (black), poor, deaf, old. Языковые изменения призваны исправить реальную или предполагаемую дискриминацию [6].

Эвфемизация, в целом, позволяет придать словам положительную коннотацию, при этом эвфемизмы в большинстве случаев являются не просто стилистическим синонимом или субститутом некоторой языковой единицы. Они смещают эмоциональную доминанту и предлагают новую трактовку определенного явления, новый ракурс его рассмотрения, содержат новую морально-этическую оценку явления. Основная цель, которая преследуется говорящими при использовании эвфемизмов в социальных и межличностных отношениях, сводится к стремлению избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника «ощущения коммуникативного дискомфорта» [1].

Причины, которые заставляют прибегать к эвфемизмам, можно представить следующим образом: вуалирование, «камуфляж» существа дела, смягчение ситуаций, связанных с отрицательными эмоциями [5].

В нашем исследовании мы попытаемся показать проявление политкорректности на примере обозначения некоторых профессий. Материалом исследования послужили политически корректные единицы, полученные в результате сплошной выборки из электронных источников и других изданий справочного характера.

Как показывает наш анализ, среди языковых средств, наиболее часто употребляемых для выражения политкорректности в сфере обозначения профессий, можно выделить эвфемистическую перифразу.

При исследовании и сопоставлении определений понятия перифразы нескольких филологов, а именно определения Н.П. Потоцкой, К.А. Долинина, В.В. Синицина, за основу принято определение отечественных филологов М.К. Морен и Н.Н. Тетеревниковой: «Перифразой (франц. périphrase) называется употребление описательного оборота вместо слова или словосочетания, прямо называющего данный предмет или явление» [2, 152]. В перифразе слова могут выступать как в своем прямом значении: capitale de la France (вместо Paris), так и в переносном: dormir son dernier sommeil (être mort) – эвфемистическая перифраза [2, 153].

В основу нашего исследования положен способ разделения эвфемизмов на несколько групп, предложенный В.В. Паниным [3]:

1) эвфемизмы, созданные для исключения дискриминации по социальному статусу;

2) эвфемизмы, смягчающие дискриминацию по половой принадлежности, созданные с целью повышения статуса женщины и исключения проявлений сексизма в языке;

3) эвфемизмы, смягчающие возрастную дискриминацию;

4) эвфемизмы, отвлекающие от негативных экономических последствий.

Рассмотрим первую группу.

Возьмем, например слово «*balayeur – подметальщик*» и его эвфемистическую перифразу «*agent d'entretien – лицо, поддерживающее чистоту*» [8]. Согласно толковому словарю Le Petit Robert, «*agent – l'être qui agit, personne chargée des affaires et des intérêts d'un individu, d'un groupe ou d'un pays, pour le compte desquelles elle agit; personne employée par les services publics ou les entreprises privées, appelée à servir d'intermediaire entre la direction et les usagers*» *[10]*. То есть, в роли нейтрального «действующего лица – *l'être qui agit*», может выступать любой человек, «служащий интересам группы людей или предприятия – *personne chargée des affaires et des intérêts d'un individu, d'un groupe*». Таким образом, включение данной лексемы в определение тех или иных профессий обобщает их реальные значения. В данном случае в погоне за политкорректностью утрачивается конкретизация наименований определенных профессий, происходит «выхолащивание языковой индивидуальности» названий профессий. Подобная замена слова, прямо называющего профессию, описательным оборотом объясняется желанием «затемнить» смысл слова. Так, из прямо указывающего на вид деятельности подметальщика (*balayeur*) получается лицо, поддерживающее чистоту (*agent d'entretien*).

Следующий пример первой группы эвфемизмов слово «*caissière – кассирша*» и его эвфемистическая перифраза «*hôtesse de caisse – хозяйка кассы*» [8]. Данные слова, при одинаковом денотативном значении, приобрели различные коннотативные значения. Второе слово эмоционально окрашено, что, в первую очередь, достигается с помощью слова «*hôtesse*», которое означает – *celui qui donne ou reçoit l'hospitalité – maître de maison*» [7]. Сравним толкование слова, данное словарем Petit Robert, с толкованием его значения в словаре La Rousse: «*hôtesse – femme chargée d'accueillir et d'informer les visiteurs ou les clients dans des lieux publics ou privés…on dit aussi hôtesse d'accueil*» [10]. То есть, *«femme chargée d'accueillir… hôtesse d'accueil*» – «встречающее лицо», в функции которого входит принимать и осведомлять посетителей или клиентов. Объединяющим признаком двух определений является то, что «*hôtesse*» – это хозяйка дома, которая принимает гостей. Таким образом, с изменением объема значения слова достигается и изменение отношения к данному виду деятельности. С помощью эвфемистической перифразы представитель данной профессии уже не кассирша, а хозяйка кассы. Трансформации такого рода призваны повысить статусность и значимость малопрестижной профессии.

Здесь же можно привести пример политкорректной трансформации слова «*femme de ménage – уборщица*». Так, одна из предложенных эвфемистических перифраз выглядит как «*employée de maison – помощница по хозяйству*», что означает «*salarié qui est employé… mais sans rôle d'encadrement ou de direction*» [7]. Сравним данное определение, с его толкованием в словаре La Rousse: «*employée – salariée, qui travaille dans un bureau, une administration, un magasin, ou chez un particulier*» [10], а именно, наёмный работник, не входящий в руководящий состав, работающий в офисе, в магазине или у частного лица. Таким образом, рассмотрев оба определения, мы приходим к выводу, что профессия «уборщицы» становится профессией «помощницы по хозяйству» [9]. Слово «уборщица» имеет оттенок услужливости, тогда как его эвфемистическая перифраза указывает на добровольность труда, а не на подчиненность.

Следующий пример представляет особый интерес, благодаря целой цепочке эвфемистических замен. Название профессии «*secrétaire – секретарь*», в обязанности которого входят подчинительные обслуживающие функции, а именно работа на начальника (подготовка деловых встреч, официальных документов, запись на прием и т.д.), было вначале заменено на «*assistante de direction*», слово «*assistant* – означает – *personne qui assiste à qqch*», то есть в этом значении, прежде всего, подчеркивается участие в каких-либо делах (*assistance*). Затем возник термин «*collaboratrice personnelle*». Слово «*collaborateur – collaboratrice* означает – *personne qui travaille avec une ou plusieurs autres personnes à une oeuvre commune*» [7], т.е., по существу, это просто сотрудник, работающий в команде. Таким образом, профессия «секретаря» превращается в профессию «личного сотрудника» или даже «коллеги». Благодаря эвфемистической перифразе, профессия секретаря ставится практически на один уровень с профессией руководителя компании.

Вторая группа – эвфемизмы, смягчающие дискриминацию по половой принадлежности.

Говоря об эвфемизмах, смягчающих дискриминацию по половой принадлежности, мы должны отметить, что во французском языке есть нейтральные грамматико-морфологические средства для обозначения названий профессий мужского и женского рода. Например, суффиксальный способ: *policier – policière, conducteur – conductrice, balayeur – balayeuse, collaborateur – collaboratrice, infirmier – infirmire.* Суффиксальный способ образования можно отнести в данном случае к нейтральным способам обозначения профессий, так как он не меняет содержательную сторону названия и, помимо прямого указывания на половую принадлежность, не придает никаких дополнительных коннотаций обозначению той или иной профессии. Однако данный способ подходит не для всех случаев, например: *avocat – avocate, serviteur – servante.* Следующий нейтральный способ – прибавление определенного артикля «*le, la*» к названиям профессий. Например: *le professeur – la professeur le ministre – la ministre.* С помощью артиклей можно было бы успешно избежать образования эвфемисти-

ческих перифраз, например: *le surveillant – la surveillante.* Но данный способ также не всегда закрепляется в узусе, в связи с чем и появляются эвфемистические замены: *agent de surveillance*.

Так, например, название профессии «*concierge – консьержка*» исторически долгие годы употреблялось только в женском роде. Система французского языка позволяет для обозначения мужчин, занимающихся этой профессией, употребить оппозицию артикля: *la*/*le* concierge. Однако нами отмечен случай эвфемистической трансформации: «*gardien d'immeubles – привратник жилого дома*» [8], *где* слово «*gardien*» означает – «*personne qui a charge de garder qqn, un lieu, un batiment, etc, personne, institution qui garde, qui défend, protege*» [7]. То есть хранитель или привратник должен не только сторожить «*garder*», но и обеспечивать и поддерживать порядок вверенного ему здания «*défendre, protéger*». Так, стираются четкие границы между чисто мужскими и женскими профессиями, и, таким образом, устанавливается некое гендерное равноправие.

Теперь разберем название профессии «*hôtesse de l'air – стюардесса*». Представителями данной профессии изначально были девушки, и лишь сравнительно недавно данную профессию стали осваивать мужчины. Так появилось слово английского происхождения «*steward – стюард*». Позже, оба названия данной профессии были заменены нейтральным термином «*personnel navigant*» [8]. Слово же «*steward*» не вошло в широкое употребление. Для того чтобы избежать путаницы, оба слова («*hôtesse de l'air*» и «*steward*») были заменены на объединенное, не имеющее обозначений половой принадлежности слово «персонал» с некоторым уточнением (буквально «летающий персонал» – «*personnel navigant*») . Le Petit Robert дает следующее определение слова персонал: слово «*personnel*» означает – *ensemble des personnes employées dans une maison, une enterprise, un service; ensemble des personnes qui exercent la même profession*» [7]. То есть данное слово имеет предельно широкое толкование и действительно в данном случае нуждается в уточнении. Итак, как мы видим, два обозначения профессии «стюардессы» и «стюарда» становятся единым названием профессией «личного штата или персонала самолета». Помимо смягчения дискриминации по половой принадлежности, данная эвфемистическая перифраза также указывает на определенное единение команды, «*personnel*» – персонал; личный состав; штат; кадры [9], объединенные общей задачей, общей целью. Таким образом, подобное образное словоупотребление помогает, с одной стороны, избежать ощущения полового дискомфорта при обозначении данного вида деятельности, с другой стороны, данный эквивалент объединяет команду, ставя перед ней одну задачу, а именно обеспечение максимального комфорта при исполнении своих служебных обязанностей, независимо от пола или каких-либо других признаков.

Проследим трансформации в обозначении профессии «*policier*». Здесь имеется нейтральный эквивалент, образованный суффиксальным способом: «*policière*». Однако название данной профессии поменяло свое коннотативное значение благодаря содержанию эвфемистического эквивалента «*agent/ ou officier de police* ». На примере названия данной профессии можно упомянуть о традиционных гендерных стереотипах, которые призваны сломать названия данных профессий, стирая границы между традиционно мужскими и женскими профессиями. Слово «*officier*» означает «чиновник, служащий, должностное лицо» [9], то есть любой человек, наделенный определенными должностными полномочиями. Таким человеком может быть как мужчина, так и женщина.

Третья группа эвфемизмов, служащих для смягчения возрастной дискриминации.

Названия некоторых профессий в крайне редких случаях могут указывать на возраст, возьмем, например, профессию официанта. Слово «*garçon de café – мальчик, работающий в кафе*», которое прямо указывает на юный возраст, в свое время было заменено на «*serveur – официант*» [8], которое также почти ушло из употребления, поскольку оно несет оттенок сервильности. Данное слово было заменено уважительным «*monsieur*», подчеркивая, тем самым, добровольность и почетность труда, а не подчинение. Словарное значение «*monsieur – titre respectueux, donné a un homme par ceux qui lui parlent*» [7] – «господин, сударь, мужчина, милостивый государь» [9], является не только нейтральным термином для

обозначения представителей данной профессии, но еще и общепринятым уважительным обращением к мужчине. Данное слово не несет в себе отрицательной дополнительной окрашенности, помогает избежать неловких ситуаций. Употребление данного слова при обращении подчеркивает уважение или служит для обозначения нейтрального отношения.

Четвёртая группа – эвфемизмы, отвлекающие от негативных экономических последствий.

Во время затяжного экономического кризиса поиск работы превращается в своего рода занятость, имеющую отношение к профессии. Например, слово «*chômeur – безработный*». Толковый словарь Le Petit Robert дает следующее определение – «*chômeur обозначает – travailleur qui se trouve involontairement privé d'emploi – sans-emploi*» [7]. Сравним название данного вида деятельности с эвфемистической перифразой «*chercheur d'emploi/ demandeur d'emploi*» [8], таким образом, вид деятельности «безработного» становится видом деятельности «лица, ищущего работу». Эвфемистический эквивалент позволяет изменить акценты с пассивного ожидания на активные действия для поиска. Данный эквивалент, в свою очередь, является деривационным от «*chercher – искать*», «*demander – спрашивать*». Слово «*chercher* – означает – *s'efforcer de decouvrir, de trouver* (*qqn ou qqch*), *chercheur – personne qui cherche*» [7], т. е. «искать, силиться; добиваться; прилагать все усилия; стремиться к...» [9]. Все эти глаголы передают активность в проявлении каких-либо действий и подчеркивают желание добиться искомого результата. Значение эвфемистического эквивалента значительно повышает статус человека, находящегося в поисках работы, создает ощущение надежды.

Таким образом, в данной статье нами было показано, что с помощью эвфемистической перифразы некоторые виды деятельности могут приобретать положительные оттенки и, тем самым, менять содержательную сторону названий некоторых профессий. С другой стороны, появление такого рода эвфемистических перифраз иногда может затруднять общение, поскольку подобного рода трансформации убирают конкретику из обозначения профессии, вуалируют саму суть деятельности.

Вместе с тем мы не можем не согласиться с С.Г. Тер-Минасовой, которая пишет, что от идеи политкорректности отказываться не стоит. Однако эту идею следует модифицировать, представить ее более гибко, «не загоняя лексику в жесткие рамки «заповедника», соблюдая чувство меры и не ускоряя внедрение новых форм» [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Грайс, Г. Логика и речевое поведение / Г. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. Вып. 16
2. Морен, М. К. Стилистика современного французского язык: учеб. пособие / М. К. Морен, Н. Н. Тетеревникова. – М, 1960. – 298 с.
3. Панин, В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория [Электронный ресурс] / В. В. Панин // Формат pdf (Дата обращения: 6 января 2011).
4. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Часть II. Язык как орудие культуры [Электронный ресурс] / С. Г. Тер-Минасова. – Режим доступа: http://www.gumer.-info/bibliotek_Busk/-Linguist/Ter/Index.php (Дата обращения: 6 января 2011).
5. Шапина, Л. Н. Эвфемизмы в социальных сферах деятельности: политкорректность и «деревянный язык» (на примере французского языка) [Электронный ресурс] / Л. Н. Шапина. – Режим доступа: www.lib39.ru/.../cgiirbis_64.exe?... (Дата обращения: 26 декабря 2010).
6. Шляхтина, Е. В. Политкорректное наименование малопрестижных профессий [Электронный ресурс] / Е. В. Шляхтина. – Режим доступа: www.lib39.ru/.../cgiirbis_64.exe?... (Дата обращения: 12 декабря 2010).
7. ABBYY Lingvox3. [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 20 февраля 2011).
8. Georges Lebouc. Parlez vous le politiquement correct? Edition Racine. 2007. – 124 p.
9. La Rousse. Dictionnaire de la langue francaise [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.larousse.fr (Дата обращения: 20 февраля 2011).
10. Le petit Robert. Dictionnaire de la langue francaise. Dictionnaires de Robert. – Paris, 2003. – 2949 p.

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.
A. A. Shuneyko, I. A. Avdeenko

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ

MODELING AS ONE OF THE STAGES OF IMPLEMENTATION OF SCENARIOS OF INFORMATION/COMMUNICATION EVENS

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.
Alexander A. Shuneyko – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue, 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Авдеенко Иван Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru.
Ivan A. Avdeenko – PhD in Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language Studies, the Amur Humanitarian and Pedagogical State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 17, Kirov street. E-mail: iavdeenko@mail.ru

Аннотация. Общая природа моделирования у всех сценариев такова: карта информационного пространства, построенная на этапе ориентации, дополняется связями объектов реального или вымышленного характера, так или иначе способными повлиять на решение задачи.

Summary. All scenarios seem to be modelled in the following manner: the map of the information space built at the stage of orientation is supplemented by the relationships of real or fictional objects which can affect the solution of the task in some way.

Ключевые слова: сценарии информационно-коммуникативных событий, моделирование, участник, информационное пространство, коммуникативное пространство.

Key words: scenarios of information and communication events, modelling, participant, information space, communicative space.

УДК 804.0:801.1

Четвертым этапом реализации любого сценария [1; 2; 3; 4; 5; 6] является моделирование. Общая природа моделирования у всех сценариев такова: карта информационного пространства, построенная на этапе ориентации, дополняется связями объектов реального или вымышленного характера, так или иначе способными повлиять на решение задачи. Благодаря возникновению этих связей формируется модель реализации сценария, которая, по сути, представляет собой карту информационного пространства с наложенными на неё направлениями действий.

Материал поступил 12.06.2011

В каждом конкретном сценарии существуют три основных модели: модель самого информационного пространства, модель инициатора и модель реагента. Все они в силу собственной динамичности флуктуируют, создавая множество своих вариантов, накладываются друг на друга и продуцируют напряженность информационного пространства. Чем больше моделей, тем больше напряженность. Чем больше напряженность, тем активнее участники действуют в рамках сценария.

В типологических реализациях сказанное выше выглядит следующим образом.

Сценарий допроса

На этом этапе моделируется коммуникационная сеть, каналы которой, характеризуясь различными свойствами (однонаправленностью или двунаправленностью, интенсивностью шумов и искажений, включенностью или отключенностью, скоростью, силой и т.д.), призваны обеспечить равномерность распределения информации. Создаваемая модель накладывается на уже имеющиеся модели коммуникационных сетей и реальные сети, что приводит к возникновению информационных возмущений, различным формам верификации, адаптации, коррекции карты информационного пространства, модели коммуникационной сети, а также ориентированности относительно полюса информационной недостаточности. Характер основного внутреннего события этого этапа во многом может повлиять на актуализацию той или иной разновидности сценария (допроса с пристрастием, очной ставки и т.п.), поскольку отражает взаимовлияние объектов информационного пространства.

Инициатор собирает информацию об источнике и оценивает его на основе предыдущего опыта, субъективных установок и информации коммуникативного пространства как авторитетного или неавторитетного, достоверного или недостоверного, доступного или недоступного, готового или не готового дать ответ, сложного или легкого в общении, дружелюбного или враждебного, адекватного или неадекватного, понятного или непонятного (владеющего или не владеющего единым с инициатором кодом).

Реагент в зависимости от активности инициатора и установок по отношению к нему и информации («Он, конечно, человек хороший, но я всё равно ничего не скажу» или «Спросит – скажу, всё равно он глуп и ничего не поймет») создает в своем сознании модель конкретной ситуации, в которой объекты, способные запрашивать информацию, характеризуются как достойные или недостойные, желательные или нежелательные, надежные или ненадежные и т.д.

Сценарий отчета

На этом этапе моделируются коммуникативное пространство в целом и конкретная ситуация, в которой будет транслироваться информация: будут ли слушать (если да, то кто и зачем), будут ли мешать (если да, то кто и почему), будут ли посторонние (способствующие или препятствующие), уместно ли будет говорить в предполагаемый момент, кто, кому и зачем сможет транслировать эту информацию в дальнейшем. При этом модели коммуникативных пространств и ситуаций, сделанные инициатором и реагентом, сталкиваясь на разных уровнях взаимодействий (через посредников, знаки внимания, взгляды, жесты и их интерпретацию), вносят коррективы в результаты процессов на предыдущих этапах, а также, реализуя довербальное взаимодействие интенций, во многом предопределяют характер протекания ситуации отчета. В зависимости от остроты необходимости в выражении этот прогноз может не строиться.

Сценарий миротворчества

На этом этапе моделируются коммуникативное пространство в целом и конкретная ситуация, в которой будет осуществляться устранение противоречий, определяется, какую роль может сыграть миротворец, достаточно ли у него оснований и степени влияния для вмешательства, кто и что может управлять процессом примирения сторон (усиливать или ослаблять влияющие на конфликт факторы), какие события или условия могут способствовать этому, каков может быть результат вмешательства и соответствует ли он чьим-либо интересам. При этом создаются несколько моделей: как минимум две модели конфликтующих

сторон, не менее одной модели миротворца и множество моделей знающих о конфликте или предполагающих о нем людей. Включаясь в информационное и коммуникативное пространство, эти модели сложным образом взаимодействуют, видоизменяя (дополняя, редуцируя или рестуктурируя) друг друга. Следует отметить, что инициатор может в физическом плане не присутствовать при самом акте примирения.

Сценарий провокации

На этом этапе моделируются коммуникативное пространство в целом и конкретная ситуация, в которых будет осуществляться дестабилизация реагента. Создаваемая модель определяет, какую роль может сыграть инициатор, другие участники коммуникации, события, условия, темы. Специфика данного сценария состоит в том, что особое внимание в этой модели обращается на уязвимые места, связи, подверженные разрушению. В ходе этого этапа производится зондирование устойчивости, которое осуществляется в проверке различных характеристик объектов информационного и коммуникативного пространства на прочность, стабильность по отношению к теме. При этом определяется, какими способами можно раскачать объекты и связи, каких затрат потребуют эти способы, какой способ требует минимальных усилий и вместе с тем максимально эффективен. Инициатор должен думать, как пробить защиту, делая это так, чтобы его поведение воспринималось в качестве естественного и направленного на благо реагента. Модель, создаваемая инициатором в этом случае, стремится быть предельно похожей на модель, предположительно имеющуюся у реагента, но в то же время существенно от неё отличается: в первую очередь тем, что модель инициатора содержит компонент, способный играть роль вируса и разрушить устойчивость модели реагента. Таким образом, у сходных по форме моделей реагента и инициатора противоположные функции: первая призвана сохранять нейтральность по отношению к потенциально активной теме (стабилизационная функция), а вторая – устранить нейтральность (дестабилизационная функция).

Сценарий самонавязывания

На этом этапе моделируются коммуникативное пространство и конкретная ситуация, в которой будут соотнесены темы, выделенные в качестве приоритетных и запрещенных, с темой «Я и мое место в мире». Инициатор намечает направления, пути, способы притягивания к себе выгодных тем и отталкивания невыгодных, соотнося темы со своими реальными или мнимыми способностями, возможностями, знаниями, а также с особенностями коммуникативного пространства, оценивает, хватит ли у него усилий, чтобы включиться в эту модель. Так, при чемпионе по боксу инициатор вряд ли скажет о себе, что он выдающийся боксер. Во время моделирования инициатор осуществляет распределение выгодных тем по степени уместности: о чем наверняка можно сказать, а о чем лучше не говорить, определяет возможное место включения в коммуникативное пространство. При этом сложность задачи состоит в том, что инициатору нужно построить модель своих значительных отличий, не противоречащих установкам других участников. При неспособности адекватно решить эту задачу инициатор может использовать одну из стандартных моделей: во-первых, копировать поведение лидера; во-вторых, резонировать, подключаясь к обсуждению каждой темы; в-третьих, настоятельно инициировать различные темы к месту и не к месту, ориентируясь на установку «всех слушают – и меня должны».

Сценарий отпугивания

На этом этапе моделируются коммуникативное пространство и конкретная ситуация, в которой будут соотнесены темы, выделенные в качестве приоритетных и запрещенных, с темой «Я и мое место в мире». Действия инициатора на этом этапе в целом аналогичны соответствующим действиям инициатора сценария самонавязывания. Специфика данного сценария состоит в том, что при построении модели инициатору требуется посмотреть на предстоящую ситуацию не столько своими глазами, сколько глазами окружающих. Причем задача осложняется необходимостью опираться не на выражаемые в том или ином виде приоритеты группы, а на её отрицательные установки, выражение которых либо блокируется, либо

сильно ограничено. С другой стороны, в информационном и современном коммуникативном пространствах (в силу злоупотребления сценарием отпугивания в искусстве и СМИ) поляризованность темы быстро меняется на амбивалентность и на противоположную поляризованность. Эти обстоятельства требуют от инициатора приложения значительных интеллектуальных усилий или хорошо развитой интуиции. Недостаточно способный инициатор может использовать одну из стандартных моделей: во-первых, копировать поведение изгоя или человека, обычно отторгаемого группой; во-вторых, контррезонировать, блокируя обсуждение каждой темы с педалированием неприятной темы и непреемлемой оценки; в-третьих, настойчиво инициировать обсуждение неприветствуемых тем. У инициатора есть два пути: либо самому притянуться к отрицательно поляризованной теме, либо притянуть эту тему к себе. В первом случае инициатор планирует актуализировать отрицательно маркированные темы своим поведением, образом, а во втором - стимулировать опосредованные другими темами ассоциации между собой и поляризованной темой. Эти действия создают возмущения в информационном пространстве и активизируют запуск механизмов развития сценария. Кроме того, в состав действий инициатора на этом этапе входит подготовка плацдарма для отступления, если оно актуально: он пододвигает к себе амбивалентные темы.

Сценарий состязания

На этом этапе моделируются коммуникативное пространство и конкретная ситуация, в которых определенная иерархия будет трансформирована таким образом, чтобы статус инициатора в ней повысился. Инициатор в рамках этого сценария может создавать модели трех типов.

В первом типе он намечает пути притягивания к себе выгодной для него темы, контакт с которой позволяет ему повысить свой статус в избранной иерархии и одновременно отталкивания от себя темы или тем, которые понижают его статус в иерархии. Эта модель используется собственно в рекламе.

Во втором типе он намечает пути притягивания к реальному или мнимому конкуренту тем, которые либо понижают статус конкурента в иерархии, либо выталкивают конкурента из иерархии. Тем самым он освобождает место конкурента для себя. При этом перемещение на это место себя осуществляется за счет модели первого типа. Эта модель используется в контррекламе, черном пиаре и геббельсовской пропаганде.

В третьем типе он намечает пути, по которым темы, составляющие иерархию, поменяют свои первоначальные привычные места и придут в такой порядок, в соответствии с которым он окажется на вершине иерархии. Эта модель используется в PR-технологиях.

Во всех трех случаях инициатор искажает модель самой иерархии, притягивая к ней новые темы, перемещая темы внутри иерархии или подменяя тему, которая иерархию образует. Важно, что, намечая эти пути, он исходит не из координации с какой-то конкретной темой, а из иерархии в целом, что значительно усложняет его задачу. Поэтому сами эти пути являются не прямыми, должны учитывать избирательность воздействия на иерархию и потенциальные изменения иерархии, прокладываться так, чтобы не потревожить тех тем, которые должны остаться неизменными, чтобы возможное изменение не разорвало этих связей. Таким образом, моделирование в рамках этого сценария практически не допускает (за исключением, пожалуй, строго регламентированного и чистого спортивного состязания) прямых путей, непосредственных связей. Модель в рамках этого сценария всегда объемна. Это приводит, в частности, к постоянному поиску обходных путей и в строго регламентированном спорте (допинг и связанная с ним шумиха, подкуп судей и соперников, скупка спортсменов, стимулирование спортсменов материальными ценностями, запугивание конкурентов и т.д.). В этом смысле честные политические выборы в принципе невозможны: сами основы моделирования в рамках этого сценария разрушают любые правила.

Поскольку некоторые иерархии сами находятся в иерархии, возможен и четвертый путь – переход в другую, более высокую по отношению к предыдущей иерархию. Для этого

пути также действительны все названные выше свойства, но в данном случае инициатор имеет дело с бóльшим количеством единиц.

Сценарий подчинения

На этом этапе моделируются коммуникативное пространство и конкретная ситуация, в которых определенная иерархия будет трансформирована таким образом, чтобы статус инициатора в ней понизился. Инициатор в рамках этого сценария может создавать модели четырех типов.

В первом типе он намечает пути притягивания к себе невыгодной для него темы, контакт с которой позволяет ему понизить свой статус в иерархии, и одновременно отталкивания от себя темы или тем, которые повышают или удерживают его статус в иерархии. Он предполагает сказать: «Я не достоин, не способен к этому». Такой тип модели используется в ситуациях ложного банкротства.

Во втором типе он намечает пути притягивания к реальному или мнимому элементу иерархии тем, которые повышают статус последнего в иерархии. Тем самым он демонстрирует свою несостоятельность на его фоне, оттеняет отсутствие нужных качеств у себя мнимым наличием этих качеств у другого. Он предполагает сказать: «Есть люди достойнее меня, которые сделают это лучше». Этот тип модели используется при приемничестве.

В третьем типе он намечает пути, по которым темы, составляющие иерархию, поменяют свои первоначальные привычные места и придут в такой порядок, в соответствии с которым он окажется на более низкой ступени. Инициатор планирует переменить всё так, чтобы его качества оказались невостребованными. При этом создается новая иерархия. Он планирует сказать: «Для того чтобы структура работала, нужно изменить её принцип». В результате определяющими высокий статус оказываются другие, не присущие инициатору признаки и он оказывается на периферии.

В четвертом типе инициатор намечает переход в другую иерархию, которая организована на тех принципах, которые соответствуют его представлениям о комфортном существовании. Такой тип модели используется при самоустранении, бегстве.

Во всех этих случаях инициатор притягивает или отталкивает определенные темы, рассматривает пути преодоления препятствий. Эти темы могут быть как входящими в иерархию, так и внешними по отношению к ней. В результате иерархия частично деформируется.

Модель, построенная инициатором, накладывается на структуру иерархии и те модели, которые построены другими участниками сценария. Это вызывает возмущения в информационном и коммуникативном пространствах (устремления инициатора – элемента иерархии – направлены вниз, в то время как любая иерархия ориентирована на стремление каждого элемента вверх), а также увеличивает напряжение между темами, связанными в информационном пространстве иерархическими отношениями. В этом отношении можно подчеркнуть, что при наличии у человека признаков, соответствующих иерархии, на понижение своего статуса нужно затратить усилия большие, чем на повышение: ориентация иерархии вверх сама возносит свои элементы.

Сценарий создания

На этом этапе моделируется процесс исправления, корректировки коммуникативного пространства и ущербной, с точки зрения инициатора, картины мира, определяются приоритетные направления воздействия. Содержание производимых инициатором действий сводится к созданию условий, позволяющих в каком-то приближении вербализовать зарождающуюся тему. Однако сама тема, которую нужно вербализовать и транслировать в большинство областей, еще недостаточно оформлена, находится в процессе становления. Поэтому определить её крайне сложно. В такой ситуации инициатору остается три пути: 1) выйти из сценария; 2) приписать теме произвольные характеристики по принципу мне так кажется, потому что (поэтому) это верно; 3) попытаться определить объект трансляции через характер его противопоставлений. В третьем, наиболее продуктивном случае инициатор устанавливает связи между тем, что отрицательно, и некоторой точкой, в которой всё должно быть хо-

рошо, то есть накладывает на карту систему оппозиций, связывающих между собой четко определенные точки с неопределенной. За счет этого повышается определенность зарождающейся темы и появляется возможность её частичной вербализации методом от противного. Определенно негативно оцениваемые объекты связываются с неопределенно положительным объектом векторами отталкивания. Все линии сходятся к зарождающейся теме и очерчивают контуры объекта, который должен стать темой.

Сама процедура противопоставления и необходимость отталкивания единичного множеству требует от инициатора значительных усилий, силы для которых он может черпать только из не до конца определенного объекта, что окончательно связывает его с этим объектом. Следствием этого является отождествление себя с неопределенным положительным объектом информационного и коммуникативного пространства, способное деформировать личность инициатора, поскольку он начинает воспринимать себя как воплощение добра, истины, справедливости. Это существенно понижает или сводит на нет меру адекватности его поступков, что само по себе играет ему на руку, так как заставляет окружающих воспринимать его как исключительного, не похожего на других. Собственным примером он раздвигает представления о норме. Кроме того, такое отождествление позволяет ему подпитываться энергией информационного пространства.

Одновременно с отталкиванием от отрицательно маркированных объектов инициатор невольно притягивается к уже существующим представлениям, которые отражают аналогии тому, что он пытается определить. Это обеспечивает, в свою очередь, притягивание к невербализованной области каких-то смежных тем.

Побочным продуктом моделирования является персонификация отрицательно маркированных объектов информационного пространства, в результате которого возникают представления инициатора о людях, исправление которых приведет к исправлению всех, или обобщенный, универсальный портрет объекта воздействия. Однако это не приводит к более жесткому отбору реагентов.

Сценарий уничтожения

На этом этапе моделируется процесс исправления, корректировки коммуникативного пространства и картины мира с избыточными, с точки зрения инициатора, компонентами, определяются приоритетные направления воздействия. Содержание производимых инициатором действий сводится к трем параллельно протекающим операциям. Во-первых, он намечает связи объектов информационного пространства в гипотетической ситуации отсутствия того объекта, который уничтожается. Во-вторых, разрывает связи устраняемого объекта с остальными объектами картины мира. В-третьих, выявляет и связывает с устраняемым объектом те объекты, которые необходимы для реализации устранения. В результате этих операций вокруг устраняемого объекта возникает относительно обособленное враждебно ориентированное поле, а сам инициатор полностью теряет адекватность восприятия мира, фокусируется целиком на враждебном по отношению к устраняемому объекту полю. Мир для него сужается до уничтожаемого объекта и того, с помощью чего его можно уничтожить. В таком мире всё гораздо проще, чем в реальном, что, с одной стороны, еще больше порабощает инициатора, а с другой – обеспечивает возможность эффективного привлечения на свою сторону пособников.

Сама процедура подобного моделирования требует от инициатора значительных усилий, энергию для которых он может черпать только из устраняемого объекта, и тем самым срастается с ним. То есть на него переносятся негативные в его собственном представлении характеристики этого объекта. В результате в коммуникативном пространстве сам инициатор становится олицетворением разрушения гармонии и существующего порядка вещей, негативным примером. Это еще больше понижает или сводит на нет меру адекватности его поступков, что, тем не менее, играет ему на руку, так как заставляет окружающих воспринимать его как исключительного, не похожего на других. Собственным примером он расшатывает представления о норме. Такое отождествление позволяет ему и подпитываться энергией

информационного пространства. Кроме того, инициатор может срастаться и отождествлять себя с теми объектами, которые могут уничтожить устраняемый объект, или со способом его уничтожения.

Побочным продуктом моделирования является персонификация отрицательно маркированных объектов информационного пространства, в результате которого возникают представления инициатора о людях, исправление (уничтожение) которых приведет к исправлению мира, или обобщенный, универсальный портрет объекта воздействия. Персонификация, в свою очередь, увеличивает количество объектов уничтожения, что при дальнейшем развитии способно поставить инициатора в тупик, когда уничтожить останется самого себя, если уничтожить весь мир невозможно. Однако это не приводит к более жесткому отбору реагентов.

Сценарий эксперимента (игры)

На этом этапе моделируется процесс создания экстремальных условий для темы с избыточной энергией. Инициатор сближает эту тему с теми составляющими информационного пространства, которые ранее были далеки от неё, мысленно устанавливает связи. При этом он отбирает те соотношения, результат реализации которых наименее предсказуем. Он входит в сферу вероятностей, чтобы найти в ней наименее вероятное, и концентрируется на этом наименее вероятном. Одновременно с этим инициатор ищет инструментарий, который позволяет устанавливать связи, несвойственные объектам. В результате мир становится для инициатора неопределенным, а это, в свою очередь, подстегивает инициатора к проведению эксперимента. Он всеми силами способствует возникновению новых связей, намечает их там, где их раньше не было, а это влечет за собой деформацию картины мира. Однако инициатор не может заранее определить, какие связи могут быть установлены, а какие нет, а также к каким результатам, следствиям установление этих связей может привести. Поэтому моделирование в этом случае сводится к тому, чтобы вплотную подойти к границе, за которой полная неизвестность.

При этом инициатор держит в поле зрения совокупность ранее известного, стереотипов, которые отодвигают его от искомой границы, и он вынужден затрачивать много усилий на борьбу с ними.

Производимые инициатором действия отражаются в коммуникативном пространстве разнообразными явлениями, среди которых выделяются три основных. Во-первых, происходит переструктурирование коммуникативного пространства в соответствии с признаками предсказуемости и непредсказуемости. В частности, инициатор больше уделяет внимания общению с людьми, которые не соответствуют нормам, принятым в его кругу, и одновременно – с людьми, которые находятся вне этого круга, поскольку они изначально этим нормам не соответствуют. Вместе с тем вне зависимости от круга общения он стремится автоматически поддерживать контакты с теми, кто менее всего подвержен стереотипам. При этом инициатор исключается из каких бы то ни было кругов общения и не включается в новые. Во-вторых, инициатор, концентрируя внимание на одной мыслительной задаче, отключает его от несущественных для него источников информации, делает восприятие строго избирательным. В-третьих, коммуникативная среда как сегмент коммуникативного пространства реагирует на подобные действия инициатора его отторжением.

Сценарий мимикрии

На этом этапе моделируются коммуникативное пространство и конкретная ситуация, в которых форма одного объекта будет наполнена содержанием другого, определяются пути эффективной подмены. Эта подмена может осуществляться либо за счет изменения характеристик компонентов коммуникативного пространства, либо за счет подтасовки. Он опреде-

ляет, что удобнее: притянуть содержание к другой форме или другую форму к заданному содержанию. Инициатор одновременно рассчитывает и внутренние возможности подмены семантики, и внешние возможности контекста, в котором подмена будет осуществлена. При этом инициатор может учитывать или игнорировать реальные характеристики компонентов коммуникативного пространства, препятствующие подмене. Поскольку характеристики компонентов коммуникативного пространства, приписываемые инициатором для эффективной подмены, заведомо отличаются от их реальных характеристик, инициатор старается выбрать наименее заметные способы их трансформации или затруднить четкое восприятие подменяемых объектов, создать ширму, дымовую завесу. Создаваемая ширма, в свою очередь, становится объектом, который требуется сделать незаметным, и инициатор создает завесу уже для ширмы или пытается подменить её сущность или контекст её восприятия. В результате инициатор может впасть в дурную бесконечность подмен и прикрытий и запутаться в них.

Объем выстраиваемой модели варьируется от спонтанной, неподготовленной лжи до развернутой мифологии, от деформации картины мира только для реагента в данном случае до деформации для всех (в том числе для себя), но в любом случае моделирование в этом сценарии основано на установлении направления для стягивания между собой разнородных объектов.

В заключение следует отметить, что моделирование как этап сценариев информационно-коммуникативных событий является ментально-креативным процессом, который способен подчинить себе человека, безвариантно предопределяя последовательность его последующих действий. Знание природы моделирования позволяет сохранить коммуникативную свободу. Учёт конкретных особенностей моделирования в различных сценариях обеспечивает соответствие поведения человека коммуникативной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шунейко, А. А. Сценарии информационно-коммуникативных событий (общее определение) / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № I-2(1). – С. 58-64.
2. Шунейко, А. А. Целевые установки сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № II-2(2). – С. 86-98.
3. Шунейко, А. А. Предпосылки реализации сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № III-2(3). – С. 93-97.
4. Шунейко, А. А. Участники сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № IV-2(4). – С. 76-89.
5. Шунейко, А. А. Втягивание участников как этап реализации сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2011. – № I-2(5). – С. 55-61.
6. Шунейко, А. А. Ориентация как этап реализации сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2011. – № II-2(6). – С. 46-53.

Бурмистров К. Г.
K. G. Burmistrov

ДЕТСКАЯ ИНВАЛИДНОСТЬ КАК МЕДИКО-СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА (НА МАТЕРИАЛАХ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

CHILD DISABILITY AS A MEDICAL AND SOCIAL PROBLEM (BASED ON DATA FROM THE KHABAROVSK REGION)

Бурмистров Константин Геннадьевич – специалист по социальной работе краевого государственного учреждения «Комсомольский-на-Амуре реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями» (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: lord-kgb@mail.ru.
Konstantin G. Burmistrov - social service specialist, Regional Governmental Institution "Komsomolsk-on-Amur Rehabilitation Center for Physically Challenged Children and Juveniles". E-mail: lord-kgb@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы детей-инвалидов. Представлен анализ основных показателей детской инвалидности. Указаны приоритетные направления социальной политики государства, способствующие снижению уровня инвалидизации детского населения.

Summary. The paper is concerned with the problems handicapped children have. A review of the main indicators of child disability is presented. Priority directions of the government's social policy are specified that can contribute to the lowering of the rate of child disability.

Ключевые слова: детская инвалидность, показатели инвалидности детского населения, анализ структуры и динамики первичной инвалидности у детей.

Key words: child disability, child disability indicators, analysis of the structure and dynamics of primary disability among children.

УДК 316.356.2

За последние 15 лет в России впервые были осуществлены серьезные мероприятия по созданию доступной среды жизнедеятельности инвалидов. Принят ряд указов президентов и законодательных актов, создан в стране институт социальной защиты населения, разработаны информационные системы и программные средства по проблемам инвалидности, приняты меры по расширению общественного понимания потенциала и нужд инвалидов разных групп.

С принятием закона «О социальной защите инвалидов в РФ», который послужил основой для трансформаций в системе социальной защиты инвалидов, изменилось само содержание понятия «инвалид». В соответствии с первой статьей закона инвалид – это лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящими к ограничениям жизнедеятельности, и вызывающее необходимость его социальной защиты. Произошло существенное расширение критериев установления инвалидности, поскольку ранее из всех ограничений жизнедеятельности принималось во внимание лишь ограничение трудоспособности.

Материал поступил 18. 05. 2011

Несомненным достижением является создание в стране реабилитационных центров, большого числа общественных организаций инвалидов, благотворительных фондов, проектов и программ по социальной защите и поддержке инвалидов.

Однако многие программы и проекты, в том числе и государственные, оказались неоправданно затратными, в то время как результативность их оказалась невысокой, а проблемы инвалидов оставались прежними.

Наиболее яркой иллюстрацией кризисной ситуации служат показатели детской инвалидности. Нами был проведён анализ детской инвалидности за 5 лет (2004 – 2008 гг.) в Хабаровском крае. Статистические данные отображает табл. 1.

Таблица 1

Уровень первичной детской инвалидности, %

Годы	Всего ВПИ (чел.)			% прироста (убыли) к предыдущему году			Уровень инвалидности на 10 тыс. детского населения		
	РФ	ДФО	Хабаровский край	РФ	ДФО	Хабаровский край	РФ	ДФО	Хабаровский край
2004	84585	4026	758	-4,6	-7,9	-1,3	29,2	27,7	25,4
2005	82389	4009	788	-2,6	-0,4	+4,0	28,3	27,6	27,3
2006	80890	4252	772	-1,8	+6,1	-2,0	29,0	30,4	27,9
2007	70212	3439	710	-13,2	-19,1	-8,0	26,0	25,5	26,5
2008	67121	-	729	-4,4	-	+2,7	25,4	-	27,9
	-20,65	-14,58	-3,83				-13,02	-7,95	+9,84

На основе данных табл. 1 можно сделать обобщения. Если с 2004 г. в России происходит снижение уровня первичной детской инвалидности (темп уменьшения составил -20,65 %), то по Дальневосточному региону (-14,58 %) и по Хабаровскому краю этот показатель изменился незначительно (-3,83 %). В 2008 г. по сравнению с предыдущим периодом показатель уровня даже возрос на 2,7 %. На 10 тыс. детского населения он ещё более значителен: РФ и ДФО опять демонстрируют снижение, в то время как по Хабаровскому краю данный показатель стабильно возрастает (общая динамика составила 9,84 %).

Причины, формирующие детскую инвалидность, коренным образом отличались от таковых у взрослого населения. Современный уровень развития медицины позволяет сохранить жизнь глубоко недоношенным, травмированным в родах детям и детям с врожденными пороками развития, которые впоследствии и становятся основным контингентом, формирующим детскую инвалидность. По данным многофакторного анализа ведущими причинами, определяющими инвалидность в детстве, явились тяжесть патологии, характер течения заболевания, отсутствие медицинской реабилитации и ранний возраст возникновения болезни.

В структуре первичной инвалидности в 2005 – 2006 гг. первое место занимали врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения; второе – психические расстройства. В 2007 г. психические расстройства вышли на первое место. Болезни нервной системы стабильно занимают третье место. В 2005 г. на долю этих трех классов болезней приходилось 59,7 %, в 2006 г. – 62,2 %, в 2007 г. – 68,9 % от всей инвалидизирующей патологии. Параметры инвалидности по классам болезней приведены в табл. 2.

Таблица 2

Уровень первичной инвалидности детского населения по классам болезней (на 10 тыс. детского населения), %

Классы болезней	2005 г.		2006 г.		2007 г.
	Хабаровский край	РФ	Хабаровский край	РФ	Хабаровский край
Психические расстройства	5,8	5,4	6,2	5,8	7,5
Врождённые аномалии	6,7	5,8	6,6	6,1	6,6
Болезни нервной системы	3,8	4,7	4,5	4,8	4,1
Болезни костно-мышечной системы	1,5	1,6	1,8	1,8	1,3

Сравнивая интенсивные показатели отдельных форм болезней, занимающих три первых ранговых места, необходимо отметить, что уровень психических расстройств увеличивается (5,8 – 6,2 – 7,5 %); врожденных аномалий – стабильный (6,7 – 6,6 – 6,6 %); болезней нервной системы в 2007 г. – снизился до 4,1 % по сравнению с 2006 г. (4,5 %), но остается выше уровня 2005 г. (3,8 %). Показатели инвалидности указаны в табл. 3.

Таблица 3

Показатели инвалидности у детей в динамике по годам

Год	Признано инвалидами всего	Прирост (убыль), %, к предыдущему году	Признано первично		Прирост (убыль), %, к предыдущему году	Признано повторно		Прирост (убыль), %, к предыдущему году
			абс.	%		абс.	%	
2005	3558	+1,7	788	22,1	+4,0	2770	77,9	+1,1
2006	3756	+5,6	772	20,6	-2,0	2984	79,4	+7,7
2007	3652	-2,8	710	19,4	-8,0	2942	80,6	-1,4

В 2005 – 2006 гг. отмечалось увеличение общего числа признанных инвалидами детей с темпом прироста 1,7 % в 2005 г., 5,6 % в 2006 г. В 2007 г. этот показатель снизился на 2,8 % за счет общего числа признанных инвалидами детей. За анализируемый период отмечается снижение числа впервые признанных инвалидами с убылью на 2,0 % в 2006 г. и 8,0 % в 2007 г.

В общем, в течение последних лет наблюдается тенденция к снижению числа детей-инвалидов, с 2004 по 2008 гг. их количество уменьшилось на 27,6 %.

В результате анализа инвалидности детей по Хабаровскому краю было выявлено, что для 1/3 инвалидов медицинские проблемы являются первоочерёдными в их жизнедеятельности. Для остальных больных первоочередными остаются проблемы, касающиеся их образа жизни, бытовых условий.

В течение трех лет самой многочисленной среди впервые признанных инвалидами является возрастная группа от 0 до 3 лет. Основной патологией, приводящей к первичной

инвалидности в этом возрасте, являются врождённые аномалии (42,7 %) и болезни нервной системы (31,2 %). Во всех возрастных группах преобладают дети-инвалиды мужского пола.

Структуру инвалидности демонстрирует табл. 4, которая подтверждает этот вывод.

Таблица 4

Структура первичной инвалидности у детей по возрасту и полу в динамике 2005 – 2007 гг.

Годы	2005 г.				2006 г.				2007 г.			
Пол\возраст	муж	жен	всего		муж	жен	всего		муж	жен	всего	
			абс.	%			абс.	%			абс.	%
0-3 года	175	132	307	39,0	181	126	307	39,8	148	131	279	39,3
4-7 лет	98	52	150	19,0	85	62	147	19,0	83	60	143	20,1
8-14 лет	135	69	204	25,9	128	81	209	27,1	127	57	184	25,9
15-17 лет	67	60	127	16,1	69	40	109	14,1	61	43	104	14,7
Всего	475	313	788	100	463	309	772	100	419	291	710	100

В силу своих специфических особенностей психические расстройства и болезни эндокринной системы уже на ранних этапах заболевания приводят к тяжелым и стойким нарушениям здоровья. Каждое пятилетие уровень инвалидности в детском возрасте вследствие психических расстройств увеличивается на 20 %, а вследствие болезней эндокринной системы и обмена веществ – на 45 %.

Основными факторами риска инвалидности является низкий уровень материального благосостояния, образования и культуры населения. Накоплению «бремени» тяжелых нарушений здоровья в детской популяции способствуют низкий уровень организации медико-социальной помощи населению, недоступность специализированной и высококвалифицированной медицинской и реабилитационной службы на территориях с низкой плотностью населения.

Высокий уровень заболеваемости и инвалидности среди детей и подростков свидетельствует о необходимости взаимодействия между медицинскими службами, социальной защитой, образованием, общественными объединениями и семьей.

В Хабаровском крае социальная политика по отношению к детям с ограниченными возможностями направлена на профилактику заболеваемости и инвалидности у детей, их социальную защиту. Конечным результатом реализации этой политики должно быть предупреждение и снижение инвалидности среди детей и подростков.

Опыт тесного содружества педиатров, педагогов, психологов и социологов продолжает накапливаться, но желательный уровень еще не достигнут.

Динамика показателей по детской инвалидности по Хабаровскому краю и в целом по России свидетельствует о том, что данное положение требует новых, более эффективных подходов.

Приоритетом социальной политики в настоящее время должны стать реабилитационные направления, адекватные состоянию экономики в стране и планируемым затратам на социальные программы и проекты.

Нельзя не учитывать и сложившуюся в стране практику ведомственного подхода к решению социальных проблем. В связи с этим нам представляется чрезвычайно важным

установление межведомственной координации и неформальное взаимодействие по вопросам социальной политики министерств, ведомств, государственных и общественных организаций.

Не менее актуальной проблемой является привлечение к решению задач национального здоровья проектов и программ на основе социального взаимодействия и партнерства, в том числе привлечение к социальной политике негосударственных средств и частного капитала. В стране отсутствуют стимулы для функционирования неправительственных учреждений социальной помощи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический материал по итогам выполнения краевой целевой программы «Социальная поддержка граждан пожилого возраста, инвалидов, малоимущих семей с детьми и других категорий граждан на 2006 год», отдельных нормативных правовых актов Российской Федерации, Хабаровского края и органов местного самоуправления в сфере социальной поддержки отдельных категорий граждан за 2008 год. – Хабаровск, 2009.
2. Основные показатели инвалидности в Хабаровском крае 2006 – 2008 гг. – Хабаровск, 2009.
3. Основные показатели инвалидности в Хабаровском крае 2005 – 2007 гг. – Хабаровск, 2008.
4. Пузин, С. Н. Оценка динамики первичной инвалидности в Российской Федерации за 10 лет (1996-2005) и прогноз на 2006-2010 гг. / С. Н. Пузин, Л. П. Гришина, В. В. Беличенко // Мед.-соц. эксперт. и реабил. – 2007. – № 3. – С. 32-34.
5. Социально-экономические аспекты инвалидности / под ред. Ю. В. Михайловой, А. Е. Ивановой. – М., 2006. – 137 с.
6. Управление государственных служб медико-социальной экспертизы и реабилитации инвалидов Хабаровского края. Материалы семинара – совещания «Актуальные вопросы реабилитации инвалидов в Хабаровском крае». – Хабаровск, 2003. – С. 17-19.
7. Федеральное государственное учреждение «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Хабаровскому краю». Основные показатели инвалидности в Хабаровском крае 2004-2006 годы. – Хабаровск, 2007. – С. 19-23.

Учёные записки
Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета
№ II-2 (6)
2011

Галкина Е. Г.
E. G. Galkina

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ ТЕАТРА «КнАМ» В ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ ПЕРИОД

THE «KnAM» THEATRE: SOCIAL AND CULTURAL PROJECTS DURING POST-PERESTROIKA PERIOD

Галкина Елена Георгиевна – старший преподаватель кафедры «Строительство и архитектура» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: ArhiGEG@mail.ru.

Ms. Elena G. Galkina - Senior Lecturer at the Department of Civil Engineering and Architecture, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur city), 681013, Komsomolsk-on-Amur city, 27 Lenin St.; e-mail: ArhiGEG@mail.ru.

Аннотация. В статье представлена краткая история театра «КнАМ», проводится анализ социокультурных проектов театра, созданных за период с 1998 по 2008 гг., выявляется их роль в культурной жизни г. Комсомольска-на-Амуре, влияние на развитие и укрепление отношений творческих людей города и региона, на воспитание и поддержку молодежи, решение острых социальных проблем, изменения, улучшения городской среды силами инициатив театра.

Summary. The paper explores the history of the "KnAM" theatre *en brief*, and offers an analysis of it's social and cultural projects that were implemented during the period since 1998 till 2008, and their role in the cultural/artistic life of Komsomolsk-on-Amur. One can see the influence it had on the development and strengthening of relationships between creative minds in the city and the region, on the process of education of and support for the youth, on resolving urgent social issues, on changing and improving the urban environment following the theater's initiatives.

Ключевые слова: театр, социальные проблемы, экспериментальный фестиваль, культурный ландшафт края, неофициальное искусство, социокультурная деятельность, авангардное социокультурное учреждение.

Key words: theatre, social issues, experimental festival, cultural landscape of the region, informal art, socio-cultural activity, avant-garde socio-cultural institution.

УДК 007

Театр «КнАМ» – это самый маленький из всех известных театров в России. Он был создан в 1985 г. в г. Комсомольске-на-Амуре группой единомышленников под руководством режиссера Татьяны Фроловой. В начале своей деятельности театр «КнАМ» заявлял себя как театр, который не касается политических или социальных проблем. Руководитель театра Татьяна Фролова не режиссировала публицистику, не поднимала острых общественных тем, которые можно было бы посчитать отражением гражданских настроений. Но со временем эта позиция кардинально изменилась. Для режиссера и коллектива театра было невозможным за такой долгий срок (более 25 лет) и очень сложный период в политическом и экономическом планах для страны оставаться в стороне от жизни города.

Театр «КнАМ», кроме постановки своих спектаклей, участия в российских и международных проектах, проводил активную социокультурную деятельность по поддержке мо-

лодежи, выявлению острых социальных проблем в жизни города, привлечения к ним внимания общественности, создавая различные проекты, финансируя их самостоятельно или привлекая средства спонсоров, а также отечественных и зарубежных фондов.

С 1998 по 2004 гг. по инициативе театра «КнАМ» и за счет найденных им средств в г. Комсомольске-на-Амуре проводился ежегодный экспериментальный фестиваль «Перспектива комнаты». Он позволил творческим людям со всего Дальнего Востока и России, которые пытались экспериментировать в любом виде искусства, будь то музыка, кино, живопись или театр, непосредственно общаться и обмениваться идеями. В театре «КнАМ», в залах городского Музея изобразительных искусств, галереи «Метаморфоза» и даже на улицах города общались люди, способные определять современные тенденции в искусстве. В программу фестивалей входили спектакли, хореографические импровизации, мастер-классы, вернисажи художников-живописцев, тренинги по контактной импровизации, научные конференции, просмотры и обсуждение видеоматериалов, подготовленных специально для фестиваля. Всего было проведено шесть фестивалей. В рамках Пятого фестиваля «Перспектива комнаты», который прошел в 2003 г., была проведена научная конференция «Дальний Восток – территория идей». Благодаря усилиям организаторов проекта он получил статус международного. Кроме участников из Хабаровска, Владивостока, Амурска, Сикачи-Аляна в фестивале приняли участие и зарубежные гости – художники и актеры из Франции, Германии и Японии. Это стало возможным благодаря поддержке посольства Франции в Москве, Авиакомпании «Красэйр» (Россия), Ассоциации менеджеров культуры России.

В марте 2003 г. театр «КнАМ» провел акцию «Искусство посторонних», ставшую частью программы фестиваля «Перспектива комнаты», которая завершилась выставкой, имеющей название «Искусство ЗА гранью». На ней был представлен Дальневосточный ар брют из Комсомольска и Хабаровска (*Ар брют* – искусство непрофессиональных мастеров, которые как с общественной, так и с психологической точки зрения являются маргиналами (душевнобольные, инвалиды, заключенные, чудаки – одиночки, медиумы и т.п.). Их работы практически не зависят от культурных шаблонов и несут в высшей степени спонтанный характер) [1]. КнАМовцами были проведены занятия по изобразительному искусству с пациентами психиатрической больницы с последующей организацией выставки их работ. Выставка показала, что, рисуя, человек, не понятый окружающим миром, выражает свою боль на бумаге, в атмосфере творчества он получает возможность наладить коммуникацию с внешним миром. Актерами театра был снят видеофильм о процессе работы с больными, демонстрировавшийся во время проведения выставки. Основной целью акции было привлечение внимания общественности к закрытой проблеме людей с психическими расстройствами, повышение уровня толерантного отношения к этой группе людей, открытие для широкой публики особых пластов творчества, отличающегося неординарностью.

Последний, Шестой фестиваль, проведенный в 2004 г., был самым масштабным. Он преследовал цель – создание условий для конструктивных изменений в социокультурной сфере Хабаровского края, содействие профессиональному росту деятелей культуры, ознакомление людей, создающих культурный ландшафт края, с новыми профессиональными стандартами. В нем принимали участие высококлассные специалисты – искусствоведы, театральные деятели, приглашенные из Москвы, Нижнего Новгорода, Самары, Тольятти. Фестиваль имел образовательный характер и, в первую очередь, был адресован работникам сферы культуры. Состоялось 12 творческих и 7 образовательных событий. Основную часть программы составляли мастер-классы и семинары по менеджменту, авторскому праву, креативным техникам, информационным технологиям и Интернет-ресурсам. Была представлена программа по современному искусству – подборки видеофильмов «Медиа и видео-арт».

Все фестивали «Перспектива комнаты» были организованы театром «КнАМ», что являлось для него нелегкой задачей, так как найти финансовые средства и спонсорскую помощь становилось с каждым годом все трудней. Со временем люди, интересовавшиеся и поддерживавшие этот проект, или покинули город, или потеряли к нему интерес. По этим причинам

фестиваль прекратил свое существование. Но он, по мнению журналистки Татьяны Чановой, выполнил свою главную задачу – «пропаганду искусства как формы выживания в агрессивном мире, как средства справиться с его испепеляющей реальностью, с табу, навязываемыми современной жизнью, с давлением внутренних шор, расшевелить, пробудить город от спячки, от духоты, которую провоцирует всеобщая урбанизация сознания. Доказать, что стремление к творческому осмыслению действительности не зависит от места нахождения индивида. Вовсе не факт, что в Москве у вас это получится лучше, чем на краю света – на Амуре» [11, 13].

В течение 2002 – 2005 гг. на базе театра «КнАМ» проводился развивающий курс «Мастерская Звезд» для молодых людей в возрасте от 14 до 25 лет. Он преследовал цель – содействие в развитии и социальной адаптации подростков с помощью театральных технологий, воспитание человека, умеющего общаться с людьми и природой, формирование позитивного мировоззрения. Курс посещало от 20 до 25 человек. В течение 9 месяцев с ними проводились занятия по пяти направлениям: раскрепощение, актерское мастерство, коммуникация, пластика тела, стиль. По окончании курса выпускники заметно отличались от своих сверстников, они заявляли о том, что обрели уверенность в себе, что занятия помогли им выявить свой потенциал, открыть новые возможности, развить коммуникативные качества и обрести жизненный оптимизм. Это особенно следует отметить, так как подростки в процессе своего взросления нередко входят в состояние глубокой депрессии с суицидальными настроениями. Посещение «мастерских», использование театра как уникального средства реабилитации, раскрытие их творческих способностей помогало подросткам и молодым людям справиться со своими проблемами. Финалом работы в «мастерской», как правило, становились творческие проекты с участниками курса.

Осенью 2003 г. состоялся спектакль «Возможность сказать», сюжет которого был основан на собственных рассказах подростков о первом столкновении с насилием и жестокостью. Все истории были обработаны драматургом Татьяной Федуновой, режиссером Татьяной Фроловой и была создана документальная пьеса. Многие подростки в процессе работы над спектаклем впервые поделились своими проблемами с кем-то еще, постепенно обретая чувство освобождения от психологического груза жестоких воспоминаний и осознание своей ответственности перед собой и окружающими людьми. В проекте участвовало более 40 человек. Специально для спектакля был снят и смонтирован видеоряд, включающий крупного плана кадры с изображением глаз и лиц детей из приюта (они стали гостями премьеры), а также людей, оказавшихся за чертой нормальной жизни. Спектакль показывался бесплатно для подростков и молодых людей, к которым со сцены обращались их сверстники, разговаривая с ними на их языке, делясь историями, понятными и знакомыми им. Спектакли завершались активными дискуссиями по открытым в них проблемам.

С выпускниками курса 2005 г. был поставлен спектакль «Поиск шестой жизни» по пьесе, написанной самими участниками проекта о проблемах молодежи, и спектакль «Письма кумирам или Океан любви» по пьесе, основанной на реальных письмах девушек-поклонниц к своим кумирам. В спектакле, ставящем проблему фанатичной, неразделенной любви молодых поклонниц к звездам популярной музыки и кино, приняли участие 5 девушек, учащихся старших классов средней школы № 50. Проект «Мастерская Звезд» стал возможен благодаря социальной программе «Новый День», осуществляемой «Росбанком» и Детским Фондом ООН (UNICEF), целью которой являлась поддержка усилий общественных и государственных организаций для оказания помощи детям.

Около 10 лет действовал проект «Открытая сцена» – театр «КнАМ» предоставлял сцену и оборудование начинающим музыкантам и музыкальным группам, а также художникам других творческих направлений, например танцевальной импровизации. Молодые люди имели возможность представить свое творчество широкой аудитории. С помощью технических средств театра выполнялась качественная видеозапись концертов и событий, которые впоследствии начинающие артисты использовали в виде презентационных материалов.

С 2002 по 2008 гг. на базе театра «КнАМ» существовал «Клуб Концептуального Кино», целью которого было ознакомление общественности с шедеврами мирового кинематографа. В нем бесплатно демонстрировались художественные и документальные фильмы (например, фильмы французских режиссеров: «Деликатесы» (1991 г.) Жан-Пьера Жене и Марко Каро; «На последнем дыхании» (1959 г.) Жан-Люка Годара, немой художественный фильм Карла Теодора Дрейера «Страсти Жанны д Арк» (1928 г.); «Простая история» (1999 г.) американского режиссера Дэвида Линча и др.), дающие возможность заинтересованной части людей города приобщиться к лучшим образцам мирового некоммерческого кино. После просмотров организовывались обсуждения увиденного: зрители высказывали свое мнение, находили единомышленников по интересующим их проблемам.

Насущная необходимость в осуществлении поддержки и развития неофициального искусства Хабаровского региона (творческих сил, не поддерживаемых государственными структурами), поиск, объединение и привлечение к активной культурной жизни творчески одаренных людей, формирование вокруг них информационного поля с тем, чтобы в дальнейшем они могли самостоятельно, плодотворно и эффективно работать, развивая духовные и творческие традиции Дальнего Востока, обусловили создание в сентябре 2003 г. регионального общественного движения «Ассоциация неофициального искусства Дальнего Востока». Инициатором движения выступил театр «КнАМ». Главная цель движения – поддержка талантливых людей во всех областях искусства на территории Дальнего Востока России. Творчески одаренные люди, как правило, редко обладают организационными способностями, являясь «вещью в себе», они не способны зачастую заявить о себе в прессе, войти в творческие союзы, найти спонсоров для финансирования своего труда. Они чаще всего нуждаются в курировании извне. За полгода инициативной группой была проведена работа по поиску и привлечению людей, занятых творчеством, а на общем собрании – учреждена Ассоциация, в которую вошли 72 человека, избран Президент – актер театра «КнАМ» Дмитрий Бочаров. Созданная структура позволяла мобильно вступать в контакт с членами Ассоциации и на основе взаимопомощи и ресурсов каждого участника реализовывать творческие проекты. Дмитрий Бочаров так сформулировал цель и задачи проекта: «Все, что мы хотим сделать, – это наладить связь между творческими людьми, сотрудничать друг с другом, обмениваться опытом, реализовывать совместные проекты и развиваться, используя наш совокупный потенциал. Если у нас не будет технической возможности общаться, то все планы так и останутся планами. Поэтому первое, что мы хотим сделать – это создать информационный сайт в Интернете, который будет отражать работу Ассоциации, представлять участников Ассоциации и их творчество, что даст возможность большому количеству заинтересованных людей получить доступ к этой информации и ускорить процесс налаживания контактов, это будет содействовать «оживлению» культурной среды на Дальнем Востоке России» [12]. Создание Ассоциации стало возможным благодаря поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в России.

Благодаря проведению театром «КнАМ» в феврале 2004 г. акции «Женщина = Человек» было привлечено внимание городской общественности к серьезной проблеме – состоянию гинекологической больницы и условиям содержания женщин, находящихся в ней на лечении. Роддом № 2 – это первая больница города, построенная в 1938 г. и требующая на тот момент капитального ремонта. Врачам не хватало самых простых вещей в работе: перевязочных материалов, элементарных медицинских приборов. Из необходимых пяти наркозно-дыхательных аппаратов было только два. Отсутствовали оптические приборы для диагностики и лечения; одноразовые перчатки вопреки инструкциям использовались по нескольку раз. Нарушение санитарно-гигиенических норм, отсутствие душа для больных, неудовлетворительное состояние туалетных комнат – все это не соответствовало элементарным требованиям.

Режиссер театра «КнАМ» Татьяна Фролова, находясь в тяжелом состоянии, попала в больницу, где ей была сделана операция. За время лечения она фотографировала сюжеты из жизни гинекологической больницы. Впоследствии эти шокирующие фотографии, прикрытые кусками марли, чтобы «случайно не оскорбить чувства эстетов», были представлены на фотовыставке «Мне оставалось жить всего несколько часов». На открытии выставки демонстрировался специально снятый документальный фильм о врачах больницы. Акция вызвала бурю негодования у комсомольчан, многие предпочитали ничего не видеть и не знать, считая, что об этом нельзя говорить, чтобы не нарушить своего покоя и представления об образе «прекрасной» женщины. Такое отношение к теме демонстрировало нежелание общества видеть существующие проблемы, тем самым позволяя проблемам оставаться не разрешенными, а людям, которые могут помочь, – бездействовать.

И все же благодаря смелости театра «КнАМ» впервые о проблеме заговорили в полный голос. Впервые после просмотра документального фильма состоялась встреча врачей гинекологического стационара г. Комсомольска-на-Амуре с представителями общественности, депутатского корпуса, журналистами и бизнесменами, на которой обсудили возможные пути решения вопроса и оказания помощи больнице. В этот же вечер больница получила и первую помощь: стационару были переданы первые подарки от самого театра и от бизнесменов города. При этом акция спровоцировала скандал. «Депутаты не всегда знают о подобных проблемах, так как невозможно обойти каждую больницу, подвал и квартиру», – оправдывался депутат Виктор Тимофеев, присутствовавший на акции [7]. Вопрос о ситуации в больничном учреждении был вынесен на заседание городской думы. В результате независимой проверки, назначенной городской думой, выяснилось, что средства, выделяемые на содержание больницы, расходуются не по назначению, и был установлен контроль за расходованием финансовых средств. В настоящее время больница отремонтирована, что является доказательством того, что искусство обладает огромной воздействующей эмоционально-психологической силой и способно изменять ту или иную социокультурную ситуацию.

В 2004 г. в рамках международного проекта «Детройт-Комсомольск» была осуществлена акция «3000 цветных квадратных метров», целью которой являлось изменение пространственно-визуальной среды отдельного участка города, демонстрация общественности примера гражданских инициатив, способных привести к позитивным изменениям в городском окружении. На участке зеленой зоны, отделяющей проезжую часть проспекта Первостроителей (г. Комсомольск-на-Амуре) от жилого здания, в котором находится театр «КнАМ», совместными творческими усилиями многих людей был создан островок современной скульптуры из гомогенных материалов – различных, отработавших механизмов, выкрашенных в яркие цвета. Также яркими цветными изображениями были покрыты 12 мусорных баков, расположенных у каждого подъезда многоквартирного дома. Акция позволила убедиться в возможности создания островка архитектурной среды, являющейся одновременно и живописью, и скульптурой, и дизайном, и инсталляцией, в которой горожане могут отдохнуть «глазами» от серого однообразного городского ландшафта. Проект был поддержан Институтом устойчивых сообществ и Агентством международного развития США, а также городским отделением «Союза художников России». Подобный проект адаптации вещей и их повторного использования с целью улучшения окружающей городской среды, имеющий название Хайдельберг, уже много лет существует и развивается в районе Блэк Боттом – одном из самых известных и заброшенных районах на окраине г. Детройта (США). Изначально Проект Хайдельберг являлся политическим протестом. Он был назван по имени улицы Хайдельберг, где прошло детство основателя этого движения – афроамериканского художника

Тайри Гутона. Теперь это символ возрождения Детройта, разрушающий традиционные представления о конфликте белого и черного населения города, дающий позитивные надежды на будущее.

Современное состояние «3000 цветных квадратных метров» не слишком радостное: одна скульптура упала, краски пожухли, их поддержание в надлежащем виде, как всегда, требует финансовых затрат. Тем не менее, эта группа скульптурных форм до сих пор вызывает интерес у горожан и вносит разнообразие в архитектурную среду города.

Более 25 лет своего существования театр «КнАМ» является ярким наглядным примером истории развития нового, авангардного социокультурного учреждения в перестроечный и постперестроечный период. На этом примере можно проследить основные моменты роста, свойственные молодым творческим коллективам Дальнего Востока, их успехи, неудачи, сложности в отношениях с властными структурами, финансовые трудности, этапы признания на Российском и международном уровнях. Авангардные театры-мастерские, театры-лаборатории, как правило, возглавляемые творческим лидером «зачинщиком», ориентированные на нетрадиционные сценические формы, находясь в самоценных творческих поисках новых способов художественного мышления и самовыражения, не могут рассчитывать на широкую зрительскую аудиторию, и поэтому они не могут выживать за чет самоокупаемости. Государственная поддержка таким коллективам жизненно необходима.

Театр «КнАМ» стал центром и вдохновителем неофициальной культуры не только г. Комсомольска-на-Амуре, но и всего Дальневосточного региона, к которому притягиваются люди, интересующиеся современной культурой и проповедующие новаторские идеи. В основном это студенты, интеллигенция, активные, образованные люди – интеллектуалы, ищущие ответы на вопросы, открытые ко всему новому, смелые, или старающиеся победить свои страхи. Занимая активную социокультурную позицию, театр вносит весомый вклад в культуру города и края.

ЛИТЕРАТУРА

1. http://ru.wikipedia.org/wiki/Art_brut.
2. http://www.komcity.ru/forum/news tanfrolova 11.04.2008.
3. Tags: архив, бэкстейдж Краткая история театра КнАМ // Текущий архив театра. С. 2.149
4. Альдиев, А. Детройтцев воспитывают Комсомольском / А. Альдиев // Коммерсантъ. – Хабаровск. – № 117 (2956) от 01.07.2004.
5. Бочаров, Д. Детройт и Комсомольск – города-братья? / Д. Бочаров // Новости культуры российских регионов. Агентство культурной информации. – 08.07.2004 http://www.aki-ros.ru/default.asp.
6. Гончарова, О. «Татьяна Фролова: Хаос внутри» Информационно-развлекательный еженедельник «ТВР-Телевидение и радио». Авторские материалы. Архив № 31 2008 г.
7. Кожина, В. Не дай бог, мужчины увидят женщину в таком виде / В. Кожина // Коммерсантъ. – Хабаровск. – № 25(2864) от 12.02.2004.
8. Кузьмина, М. А. Комсомольск начинался с палаток / М. А. Кузьмина // Комсомольск-на-Амуре. – 2007.
9. Новости театра: http://www.knam.theatre.ru.
10. Фролова, Т. А. Феномен авангардного театра в городе / Т. А. Фролова // «Комсомольск художественный»: сб. докладов и сообщений науч.-практ. конф. (14-15 июня 2007 г.).
11. Чанова, Т. КНАМовские музы… и все, все, все! / Т. Чанова // Панорама. – Комсомольск-на-Амуре. – № 19(101) 2003.
12. Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации. Режим доступа – http://mkrf.ru/news/regions/ detail.php?id=18432&print=Y.

Учёные записки
Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета
№ III-2 (7)
2011

Иващенко Я. С.
Y. S. Ivaschenko

ДИАЛОГ И МОНОЛОГ В КУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРОВ

DIALOGUE AND MONOLOGUE IN THE CULTURAL FORMATION OF SIBERIA AND THE RUSSIAN FAR EAST: ON THE PROBLEM OF TUNGUS-MANCHURIAN CULTURAL TYPOLOGY

Иващенко Яна Сергеевна – кандидат культурологи, доцент кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)20-11-18. E-mail: iva_ya@mail.ru.
Ms. Yana S. Ivaschenko – PhD in Cultural Studies, Assistant Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenina st.; tel.: (4217) 20-11-18. E-mail: iva_ya@mail.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены основные факторы динамики культуры тунгусо-маньчжуров в аспекте их взаимодействия с автохтонным или пришлым населением региона Сибири и Дальнего Востока, осуществлена типологизация этих процессов на основе следующих параметров: статус, объем, антропологические свойства субъектов взаимодействия и итог коммуникации.

Summary. The article explores the basic factors impacting the Tungus-Manchurian cultural dynamics in the context of their contacts with both autochthons and alien populations of Siberia and the Far East. A typology of these processes is suggested, as based on the following parameters: status, size, anthropological properties of subjects taking part in this cross-cultural communication, the results of communication.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, граница, культурный диалог, монолог, новации, изменения, дифференциация, интеграция.

Key works: cross-cultural communication, boundary, cultural dialogue, monologue, innovations, changes, differentiation, integration.

УДК 008

Обращение к проблеме межкультурной коммуникации народов Сибири и Дальнего Востока в современной российской науке обусловлено наличием в этой области исследования существенных фактологических лакун, а также отсутствием систематизации, способной упорядочить все имеющиеся по данному вопросу сведения. Между тем анализ этого аспекта является основой изучения культурогенетических процессов огромного культурного сегмента России. Изложенные в настоящей работе принципы типологизации процессов межкультурного взаимодействия тунгусо-маньчжуров (эвенков, эвенов, негидальцев, орочей, ороков, ульчей, нанайцев, удэгейцев) с соседними народами способны охватить огромный исторический период и культурный ареал, послужить архитектоникой изучения динамики культуры региона, включая при этом все новые факты по мере их обнаружения археологами, историками и этнографами.

Одним из главных факторов развития культуры является расширение границ ее бытия. Категорию «граница» при изучении этой проблемы мы рассматриваем в двух аспектах: как реальный географический рубеж, ограничивающий ареал проживания или кочевания конкретной группы людей, и как ситуацию взаимодействия на границе «своего и чужого сознания» [3, 330], т.е. в контексте диалогичной концепции развития культуры, разрабаты-

Материал поступил 03. 06. 2011

ваемой М.М. Бахтиным [3], М.С. Каганом [14], Библером [4], И.И. Докучаевым [11] и др. Изменения на различных уровнях бытия культуры (национального, племенного, родового, личностного) происходят, во-первых, вследствие расширения географии субъекта или его «внешнего диалога»; во-вторых, в результате его «внутреннего диалога» или работы, связанной с отбором и переработкой новаций, что приводит к внутренним модификациям или даже стадиальным трансформациям культуры. Обе стороны этого процесса являются важными и взаимообусловленными основаниями качественного изменения системы.

В общих чертах алгоритм обозначенного механизма социокультурного развития, включающий в качестве главной терминальную стадию бытия новаций (когда они постепенно вводились в обиход, принимая на себя при этом свойственные культуре-реципиенту новые формы и коннотации), нашел свое конкретно-чувственное выражение и персонифицировался в мифоритуальной культуре тунгусо-маньчжуров, у которых олицетворением новаций, приобщаемых «себе во благо», выступал дух Дона. Его функции и статус, а также принцип превращения «чужого» в «свое» в культуре таежных охотников описал С.М. Широкогоров [23]. Дона, согласно верованиям тунгусов, представлял класс инородных духов, приходящих к ним вместе с другими народами. Эти духовные субстанции после некоторого «проживания» среди тунгусов в статусе Дона могли стать своими и даже родовыми духами-помощниками, если шаман находил их «приручение» целесообразным и мог подчинить их своей воле. Семантика этого духа в мифоритуальном пространстве тунгусской культуры уже представляла собой контаминацию его прежних и новых значений. Самим процессом приобщения новых духовных субстанций к сомну управляемых духов руководил шаман, физическим и метафизическим местоположением которого являлась граница. Присовокупление новых духов к своим родовым должно было способствовать укреплению его силы в деле решения насущных проблем рода. Подобный механизм адаптации заимствований посредством «шаманской цензуры» существовал у другого народа Сибири – ненцев, вступавшего неоднократно во взаимодействие с тунгусами [10, 159].

Как не все духи могут быть «приручены» приобретающей их стороной, так и культура воспринимает и усваивает не все элементы, пришедшие извне. Одни новации в процессе культурогенеза отсеиваются, другие – стереотипизируются и становятся частью культурной традиции. Наиболее результативно, с точки зрения динамики культуры, процессы взаимодействия проистекали в зонах сопредельного проживания охотников-оленеводов с морскими охотниками и рыболовами, а также в местах соприкосновения каждой из этих подгрупп с представителями иных культур, отличавшихся от изучаемых племен, в первую очередь, типом хозяйства и уровнем развития материальной технологии.

Изучая развитие полукочевых и, особенно, кочевых народов и применяя при этом понятие «граница» лишь в топографическом смысле, возникает проблема, что следует отнести к периферии, а что – к центру культуры. Кочевники по причине непрестанного передвижения в пределах нового и даже известного им ландшафта постоянно находились на границе и в состоянии «границы». Центр их местопребывания мог внезапно стать периферией, а перекресток различных локальных традиций со временем – центром. Это обстоятельство является тем случаем, когда границей уместно называть не столько реальный географический рубеж, сколько само взаимодействие, в ходе которого возникают различные варианты той или иной культуры. Тогда ее центр будет составлять неизменное и устойчивое, вокруг которого концентрируется мобильная периферия. Это культурное ядро или «центральная зона» представляет собой «культурный стержень», обладающий «упорядочивающей и смыслополагающей функцией, которая осуществляется в результате кристаллизации вокруг нее специфических компонентов» [16, 32]. Э. Шилз представляет «центральную зону» в виде системы ценностей и верований конкретного общества [16]. Система ценностей, верований, картина мира трансформируются лишь с кардинальными изменениями в способе производства.

При столкновении двух или более «Больших Я» ход взаимодействия и его результаты имеют различный характер и последствия. Тип отношения, при котором участники выступают в

качестве «соучастников общего дела» или «партнеров», а результатом его является взаимное влияние друг на друга равностатусных субъектов, принято определять как *диалог* [14, 239]. Статус участника коммуникативного процесса в контексте межплеменных отношений кочевых и полукочевых народов Сибири и Дальнего Востока кон. XIX – первой пол. XX вв., как показывают факты из этнографии этих культур, во многом определялся уровнем развития производства у определенной группы людей и обладанием ею конкретными материальными ценностями. Нередко в процессе акта коммуникации наблюдалось асимметричное распределение ролей и статусов, тем не мене, взаимодействие при этом было выгодно или необходимо обоим его участникам. Тогда сторона, интуитивно или осознанно выбирающая для себя роль «Господина» или «Старшего брата», выдвигала свои условия и устанавливала правила игры. Сам сценарий диалога деформировался или даже принимал характер *монолога*, приводящего, как и при диалогичном типе отношений, к изменению взаимодействующих сторон, но в разной степени. В своей доминанте при монологичном типе коммуникации «мы имеем дело с процессом однонаправленным» [14, 239], при котором сторона, воспринимающая новации, становится «объективированным субъектом» [11, 100]. В ситуации монолога адресат выступает в качестве пассивного приемника сообщения. Отношения народов Сибири и Дальнего Востока могли перерастать в монолог также по причине численного превосходства одной группы над другой. Их итогом становилась частичная или полная ассимиляция, важным маркером которой можно считать заимствование языка и системы верований доминантной группы. Но в пределах соседнего ареала взаимодействие этих же народов иногда приводило к обратным результатам. Учитывая наличие таких противоположных тенденций, а также то, что многие из образовавшихся вновь групп продолжали поддерживать между собой торговые и брачные связи на равноправных условиях, выравнивая тем самым со временем нарушенный баланс традиций, мы относим такого рода отношения к диалогичному типу.

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению конкретных типов коммуникации в пределах ареала проживания тунгусо-маньчжуров, обозначим основные параметры участников этих процессов (их пространственную локализацию**,** статус в коммуникативном процессе, «объем», «антропологические свойства» [11, 110]) и определим характер их взаимодействия с учетом выше отмеченных критериев. Данные параметры образуют основание нашей типологии культуры межплеменных отношений изучаемых народов. Основной перечень участников коммуникативного процесса был выявлен на основе исследования «межпопуляционных направлений миграции генов» Ю.Г. Рычкова, в котором отражены процессы обмена генетической информацией у населения Северной Азии [22, 29], анализа родового состава народов Нижнего Амура и Сахалина А.В. Смоляк [19] и Н.А. Липской [15], а также изучения принципов происхождения родовых названий различных территориальных групп тунгусов, проведенного Г.М. Василевич [5; 6] и В.А. Туголуковым [21]. В традиционных обществах с доминантой присваивающего хозяйства взаимодействие родовых коллективов или племен происходило, как правило, в контексте операций обмена брачными партнерами или, согласно А.И. Першицу, Ю.И. Семенову и В.А. Шнирельману, в результате захвата при военных операциях женщин и детей [18, 102-108]. Пленные у народов Сибири и Дальнего Востока становились членами семей победителей или же их рабами, однако имели возможность, спустя некоторое время (как правило, через три поколения), обрести свободу, оставаясь при этом проживать попрежнему среди своих бывших хозяев.

Первый тип отношений, номинированный *диалогичным*, наблюдался между родовыми группами тунгусо-маньчжуров и коллективами людей, ведущими, как и они, присваивающий тип хозяйства. Несмотря на то, что он осуществлялся, как правило, в процессе ос-

воения (нередко сопровождавшегося военными столкновениями) изучаемыми народами другого географического ареала и овладения в пределах этих зон необходимыми навыками для выживания, результаты этих контактов имели двусторонний характер. Такого рода коммуникации способствовали *модификации* обеих систем, но не приводили к их стадиальной трансформации. Другим итогом этого взаимодействия являлась *дифференциация* обществ региона за счет появления новых контактных групп, совмещающих культурные традиции обоих участников диалога. Эти вновь образовавшиеся коллективы поддерживали отношения с «материнскими» группами, причем нередко уже противопоставляя себя им. В рамках изучения данного типа отношений отметим следующие основные общественно-экологические зоны и непосредственно контактирующие стороны:

- эвенки, эвены Охотского побережья, полуострова Камчатка и аборигены Северо-Восточной Азии (юкагиры, коряки и чукчи);
- эвенки Среднего, Нижнего Приангарья и кетоязычные племена этой же зоны;
- эвенки междуречья р. Обь и р. Енисей и аборигены этой территории: кеты, селькупы, ханты, энцы, ненцы;
- негидальцы низовьев Амгуни и тунгусо-маньчжуры Приамурья;
- ульчи и нивхи низовий Амура (района Амурского лимана);
- ороки острова Сахалин и народы Амуро-Сахалинского региона;
- удэгейцы, нанайцы и орочи побережья Татарского пролива;
- тунгусо-маньчжуры островной, континентальной части побережья Японского моря и айны;
- эвенки Нижней Тунгуски, эвены и самодийцы (предки нынешних энцев и нганасанов). Здесь образовались смешанные тунгусоязычные группы типа буляшей; возле устья Нижней Тунгуски и к северу от него в результате взаимодействия этих же народов сформировались самодийскоязычные группы. В ходе отношений эвенков и эвенов с самодийским населением на Таймыре появился новый народ Севера – самодийскоязычные нганасаны.

Анализ материалов антропологии, этнографии и истории культуры народов Сибири и Дальнего Востока показал, что тунгусы (эвенки и эвены) больше распространяли свой генотип, чем изменяли его за счет внешнего вливания. Исследования истории распространения тунгусского кафтана, нагрудника и обуви, проведенные Г.М. Василевич [7; 8; 9], отражают похожую картину: появление эвенкийских элементов в одежде отмечается у тех народов Северной Азии, которых выявил Ю.Г. Рычков в качестве реципиентов и лишь в некоторых случаях в качестве доноров генетической информации. Сопоставление результатов этих двух типов исследований наводит на мысль о том, что сам процесс распространения артефактов, рассматриваемых Г.М. Василевич, и генов был опосредован тунгусской женщиной, владеющей навыками производства одежды и выступающей живым товаром в процедурах обмена взаимно брачующихся групп. Таежные охотники как наиболее динамичный компонент в составе тунгусо-маньчжурской общности обеспечивали, с одной стороны, ее цельность за счет распространения внутри нее в процессе миграций своих традиций, с другой – изменчивость благодаря трансляции культурных ценностей в пределах достаточно обширного ареала Евразии.

Субъектами диалога выступали родовые коллективы. Используя категории, предложенные М.С. Каганом, можно охарактеризовать этот вид отношений как «групповой», который в определенной ситуации, например, процедуре сватовства, сговора или суда дополнялся или сменялся «представительским» общением [14, 291]. Согласно мнению В.А. Туголукова, у тунгусов не существовало такого вида объединения, как племя, так как у них не было обнаружено никаких атрибутов подобной организации: племенного вождя, специфических религиозных це-

ремоний, диалекта и т.п. [21, 274]. Основой консолидации у них в XVII – XIX вв. являлись кровнородственные отношения. У кочевых и полукочевых народов региона Сибири и Дальнего Востока в пору, когда внутри их родов существовала еще только половозрастная стратификация, наблюдались другие, более многочисленные, объединения-коалиции, чем род, но и они еще были основаны на родственных связях, возникающих в результате установления взаимно выгодных условий для получения брачных партнеров. Такой союз двух или более родовых коллективов выступал как одно целое в операциях кровной мести. Его единство скреплялось «узами дружбы и взаимопомощи» [5; 2], проведением совместных ритуальных действий. Эти взаимно брачующиеся группы постепенно образовывали территориальную общность, внутри которой формировались схожие культурные черты, хотя такие союзы не обладали постоянством, нередко распадались, а на их основе возникали новые подобные формирования. Очевидно, именно эти образования стали основой для различения этнографами кон. XIX – XX вв. «этносов» региона Сибири и Дальнего Востока.

Внутри второго или *монологического типа* взаимодействия мы различаем *монолог-подражание* и *монолог-подчинение*. То есть ответом на монологичное сообщение могло быть либо добровольное (в ряде случаев еще стимулированное) имитирование способа жизнедеятельности иной, более представительной, стороны и закрепление со временем этого типа поведения, либо же принудительное подчинение ее воли и восприятие абсолютно незнакомых и внутренне невостребованных образцов жизнедеятельности. Результатом монолога были в первом случае *аккультурация*, во втором – *смена парадигмы исторического существования* изучаемых народов. Процессы аккультурации наблюдались в следующих ситуациях взаимодействия неравнозначных по степени развития материального производства участников:

1. Эвенки и буряты Прибайкалья. Часть эвенков Прибайкалья, проживая среди бурят, за их покровительство и защиту платила им ясак [21, 38]. Эвенки обменивали у бурят свои меха на продукты земледелия и металлические изделия. Эти поставщики материальных ценностей привнесли в среду эвенков ламаизм. Процессы распространения нового вероучения стимулировались путем безвозмездного принесения неофитам даров цивилизации [24, 23-26].

2. Эвенки Прибайкалья, Северо-запада Сибири и якуты. Итогом этих контактов было превращение эвенков в полуоседлых скотоводов и даже земледельцев (хотя развитие земледелия у самих якутов рассматривают в качестве результата влияния русской традиции жизнеобеспечения). Были и другие последствия этого взаимодействия: охотниками-оленеводами становились якуты, проживавшие в окружении тунгусов (например, в Североохотском районе Якутии [12, 35]); однако в обоих случаях языком смешанного населения становился якутский. В результате ассимиляции якутами Северо-запада тунгусов, как констатируют Б.О. Долгих и В.А. Туголуков, появился новый народ Севера – долганы [21, 233].

3. Периферийные группы эвенков и якутов, отделившиеся от основной части и оказавшиеся на юге Дальнего Востока. В этом нетрадиционном для проживания обоих народов районе (ныне территория Амурской области, юга Хабаровского края, бассейна Среднего и Верхнего Амура) образовалась общность с доминантой якутской культурной традиции.

4. Народы Амура, эвенки Прибайкалья, Среднего и Нижнего Приангарья, конные эвенки Забайкалья и монголы. Г.М. Василевич в своем исследовании родового состава народонаселения отметила среди эвенков несколько родов монгольского происхождения, а у ряда забайкальских групп обнаружила следы брачных связей с даурами, которые слились с монголами и бурятами [6]. Однако общение эвенков с монголами было больше опосредовано бурятами. Сходство культурных форм у народов Амура, монголов, а также древних тюрок и

алтайцев, как утверждает А.В. Смоляк, сочетается с лексическими аналогиями, что указывает на наличие древних связей и в том числе и брачных [20, 214].

5. Тунгусо-маньчжуры юга Дальнего Востока (преимущественно, нанайцы и некоторые группы удэгейцев) и земледельцы Юго-Восточной Азии. Ряд народов приграничных с Китаем территорий (например, тазы или орочи) в кон. XIX в. сменили свой язык на китайский [2; 5], а отдельные нанайские роды вели свое происхождение от маньчжуров и китайцев [13, 405]. Из источников второй пол. XIX в. известно, что в районе бассейна р. Уссури в середине XIX в. проживали маньцзы – выходцы из Китая, смешавшиеся с азиатским населением юга Дальнего Востока России [17]. Согласно сведениям В.К. Арсеньева, на юг Дальнего Востока через о. Сахалин и при посредничестве айнов и нивхов попадали также японские товары [1].

Доказательством состоявшейся аккультурации во всех этих ситуациях является не только склонение рассматриваемых народов к образу жизни и моделям поведения «образцовых» соседей (у первых появляются навыки оседлости и хозяйство производящего типа; примером для подражания становится торговец), но и восприятие ими языка доминантной группы. Заимствование языка, которое фиксируется лингвистами, при отсутствии данных этнографии, может косвенно свидетельствовать о заимствовании традиций, так как новые явления в культуре-реципиенте, требующие своего обозначения, в условиях дефицита языкового ресурса менее развитой культуры, как правило, получают наименование по исходной модели. В описанных случаях на границах культурных ареалов образовывались новые конгломераты с перевесом в сторону традиций доминантной группы.

Влияние бурят, китайцев и, особенно, якутов присутствовало не только в местах концентрированного их проживания среди тунгусов или тунгусов среди них. Кочевые скотоводы или речные (морские) аргонавты, активно ведущие торговлю в пределах огромной территории Сибири и Дальнего Востока, проникали в ее самые отдаленные зоны и поэтому параллельно с поставкой товаров распространяли также свои навыки жизнедеятельности и демонстрировали иные модели поведения. Кроме того, кочевые якуты, к которым постепенно примыкали тунгусы, выступали торговыми посредниками в течение значительного временного промежутка между народами Сибири и Дальнего Востока, с одной стороны, и русскими, – с другой. По сообщению В.И. Дьяченко и Н.В. Ермоловой, якутский язык стал языком «международного» значения в Приамурье и других посещаемых торговцами районах [12, 25-32]. Под влиянием торговли, особенно опиумом, водкой и табаком, в которую постепенно вовлекались представители самых разных родовых объединений тунгусо-маньчжуров, у последних зарождалось социальное неравенство. Несмотря на то, что в местах сопредельного или совместного проживания бурят, якутов, китайцев и корейцев с кочевыми и полукочевыми народами тунгусо-маньчжурской языковой группы у последних нередко менялся способ жизнедеятельности, тем не менее эти изменения еще не имели того стадиального масштаба, который наблюдался в результате реализации целенаправленной государственной политики России по отношению к коренным народам Сибири и Дальнего Востока. Эти обстоятельства позволяют рассматривать данный тип отношения в качестве промежуточного между двумя крайними из обозначенных типов.

Если на ход и результаты диалога и монолога-подражания еще больше влияли «биосоциальные» характеристики участников: половая и возрастная принадлежность, «этнические особенности», то в последнем случае актуализируются такие социально-экономические параметры участников, отнесенные И.И. Докучаевым к категории «антропологические свойства», как сословно-имущественное положение, образовательный статус, профессиональная принадлежность, конфессиональная и политическая ориентация [11, 110-118]. Подобные

критерии социально-экономической дифференциации у большей части тунгусо-маньчжуров появились лишь в процессе их проживания в составе России и далее Советского государства. *Монолог-подчинение* строился уже не столько на добровольном подражании чужим традициям, при котором перенималось то, что казалось привлекательным, целесообразным или необходимым для выживания самим воспринимающим, сколько на приобщении к иным образцам жизнедеятельности путем специальных внешних «воспитательных» мер, разработанных в рамках государственной программы. Нередко и в этой ситуации прибегали к способам, производным от прежних механизмов изменения, например, демонстрации на собственном примере нового образа жизни. Неравнозначность участников коммуникативного процесса, номинированного как монолог-подчинение, усугублялось тем, что в качестве доминантной группы выступали не род и не племя, а государственное образование – Российская империя, добровольно провозгласившая себя опекуном нуждающихся в наставлении и научении «дикарей». Интенсификация процессов преображения культуры народонаселения региона Сибири и Дальнего Востока возрастала по мере увеличения в зоне их проживания доли русского крестьянства, служилых людей и специально сформированных для «мессианской» цели кадров, силами которых реализовался новый «проект» культуры малочисленных народов.

Таким образом, концептуальное осмысление коммуникативных процессов у народов Сибири и Дальнего Востока на основе весьма разрозненных антропологических, исторических, этнографических и языковедческих материалов, позволило выявить внутри этих процессов три типа межкультурной коммуникации: диалог, монолог-подражание и монолог-подчинение. Культурный диалог способствовал обоюдной модификации взаимодействующих групп и дифференциации культурных традиций на всей территории Сибири и Дальнего Востока. Но эти новые локальные группы в последующем образовали в каждом отдельном субрегионе историко-культурные общности: восточносибирская, чукотско-камчатская и амуро-сахалинская. Результатом же монолога являлась трансформация локальных традиций при их интеграции под эгидой более представительной стороны. Взаимоотношения тунгусо-маньчжуров Сибири и Дальнего Востока с якутами, бурятами, корейцами, а также Китаем – главным конкурентом России в Юго-Восточной Азии – не дали или не успели дать таких плодов преобразования, хотя во многом подготовили и предвосхитили их результат: к моменту вхождения Приамурья и Приморья в состав России у кочевых и полукочевых народов региона уже возникла стойкая зависимость от привозных продуктов земледелия и ремесленных товаров, т.е. внешнего обеспечения. Политический эксперимент, проводимый Россией в отношении народов Сибири и Дальнего Востока и продиктованный потребностью державы в самоутверждении перед лицом мирового сообщества, в качестве одного из средств достижения цели имел биологическую и культурную ассимиляцию. В итоге этих процессов в советском и постсоветском социокультурном пространстве формально и номинально рассматриваемый культурный сегмент сегодня представлен общностью другого вида – коренные малочисленные народы Севера, – антропологический тип которого представлен значительной долей метисов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев, В. К. Лесные люди удэхейцы / В. К. Арсеньев. – Владивосток: Кн. дело, 1926. – 48 с.
2. Арсеньев, В. К. Этнологические проблемы на востоке Сибири. Сообщение, прочитанное в собрании русских ориенталистов в Харбине 13 июня 1916 г. / В. К. Арсеньев. – Харбин: Тип. Китайской Восточной железной дороги, 1916. – 29 с.

3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
4. Библер, В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или поэтика культуры / В. С. Библер. – М.: Прогресс, Гнозис, 1991. – 176 с.
5. Василевич, Г. М. Некоторые вопросы племени и рода у эвенков / Г. М. Василевич // МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. 22. Оп. 1. Д. 123.
6. Василевич, Г. М. Родовой состав и расселение тунгусов в XVII – нач. XX вв. / Г. М. Василевич // МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. 22. Оп. 1. Д. 126.
7. Василевич, Г. М. Типы обуви народов Сибири / Г. М. Василевич // Сборник МАЭ. Вып. XXI. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 3-64.
8. Василевич, Г. М. Тунгусский кафтан / Г. М. Василевич // Сборник МАЭ. Вып. XVIII. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 122-178.
9. Василевич, Г. М. Тунгусский нагрудник у народов Сибири / Г. М. Василевич // Сборник МАЭ. Вып. XI. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 42-61.
10. Головнев, А. В. Модель в культурологии / А. В. Головнев // Модель в культурологии Сибири и Севера: сб. науч. тр. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992. – С. 142-169.
11. Докучаев, И. И. Введение в историю общения / И. И. Докучаев. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – 342 с.
12. Дьяченко, В. И. Эвенки и якуты юга Дальнего Востока. XVII – XX вв. / В. И. Дьяченко, Н. В. Ермолова. – СПб.: Наука, 1994. – 160 с.
13. Иванов, С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – нач. XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости / С. В. Иванов. – М.-Л.: Изд-во академии наук СССР, 1954. – 839 с.
14. Каган, М. С. Избранные труды: в VII т. Т. II. Теоретические проблемы философии / М. С. Каган. – СПб.: ИД «Петрополис», 2006. – 660 с.
15. Липская, Н. А. Нанай (гольды) / Н. А. Липская // МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. 5. Оп. 4. Д. 5.
16. Лурье, С. В. Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применение к анализу исторического и этнографического материала / С. В. Лурье. – СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994. – 288 с.
17. Палладий, А. Уссурийские маньцзы. Оттиск из известий Имп. рус. геогр. об-ва / А. Палладий. – 1871. – № 8. – 9 с.
18. Першиц, А. И. Война и мир в ранней истории человечества. В 2 т. Т. 1 / А. И. Першиц, Ю. И. Семенов, В. А. Шнирельман. – М.: РАН Ин-т этнологии и антропологии, 1994. – 176 с.
19. Смоляк, А. В. Этнические процессы у народов нижнего Амура и Сахалина (Середина XIX – начало XX в.) / А. В. Смоляк. – М.: Наука, 1975. – 232 с.
20. Смоляк, А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина / А. В. Смоляк. – М.: Наука, 1984. – 246 с.
21. Туголуков, В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири / В. А. Туголуков. – М.: Наука, 1985. – 285 с.
22. Туров, М.Г. Дальневосточные эвенки в контексте проблем этногенеза тунгусов / М. Г. Туров // История и культура дальневосточных эвенков: историко-этнографические очерки / отв. ред. В. А. Тураев: Ин-т истории, антропологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – СПб.: Наука, 2010. – С. 10 – 59.
23. Широкогоров, С. М. Этнографические исследования. Кн. первая: Избранное / С. М. Широкогоров; сост. и примеч. А. М. Кузнецова, А. М. Решетова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 192 с.
24. Шубин, А. С. Эвенки Прибайкалья / А. С. Шубин. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2001. – 120 с.

Учёные записки
Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета
№ III-2 (7)
2011

Конырева И. В.
I. V. Konyreva

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА ПЛАЧА В КУЛЬТУРЕ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

TRANSFORMATIONS OF LAMENTATION AS A FOLK GENRE IN THE CULTURE OF THE ERA OF STALINISM

Конырева Ирина Вадимовна – доцент кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27; 8(4217)27-93-21. E-mail: konyrevaiv@mail.ru.
Ms. Irina V. Konyreva – Sssistant Professor, Department of Cultural Studies at the Komsomolsk-on-Amur State Technical university (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenina St., 8-4217-27-93-21. E-mail: konyrevaiv@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансформации фольклорного жанра плача в культуре сталинской эпохи. Исследуется влияние идеологии на трансформацию плачей. Выявляется искусственный, «олитературенный» характер текстов, приведший к утрате народной аутентичности причитаний.

Summary. The paper deals with the problem of how the folk genre of lamentations was transformed in the culture of the Stalin period. The influence of ideologies on the contents of weeping is considered. The markedly artificial, "literary" nature of such texts is revealed, that led to the loss of the folk authenticity of the laments.

Ключевые слова: плач, новины, старины, сталинская культура.

Key words: lamentation, *byliny* folk epic, *noviny* quasi-folk epic, faked folklore, Stalin-era culture.

УДК 008

В 30-е гг. XX в. в СССР стал активно возрождаться фольклор. Социалистическая культура должна была отражать жизнь пролетарских масс, а фольклор по своей природе репрезентировал эту массовость. Интерес к фольклору мы можем объяснить интегрирующей эффективностью самой фольклорной традиции, обусловливающей национальную идентичность. Кроме того, фольклор соответствовал такому важнейшему догмату социалистического реализма, как народность.

На Первом съезде советских писателей М. Горький инициировал возрождение фольклора и призвал фольклористов обратить особое внимание на скрытый глубокий смысл текстов, детерминированных «стремлением древних рабочих людей облегчить свой труд, усилить его продуктивность. Под каждым взлетом древней фантазии легко открыть его возбудителя, а этот возбудитель – всегда стремление людей облегчить свой труд» [3]. В связи с обозначенной политической стратегией стали широко публиковаться антологии традиционного фольклора и тексты, не издававшиеся до революции, наполненные сатирой на священнослужителей, дворян и т.п. Советским писателям также была дана установка включать в свои произведения элементы фольклора.

Перед собирателями-фольклористами была поставлена задача отыскать народные произведения о счастливой советской действительности и о героях нового времени. Однако,

как показали фольклорные экспедиции, в крестьянской среде такие произведения отсутствовали. И тогда фольклористы были вынуждены помочь носителям фольклорной традиции создать произведения подобного типа. Началась широкая кампания по пропаганде и воспитанию «фольклоротворческих» масс. В печати стали появляться образцы «нового» фольклора – «новины», отличающиеся от дореволюционных «старин» своей политической ангажированностью.

Рассмотрим специфику плачей, созданных в сталинскую эпоху, по поводу смерти вождей и героев. Похоронные плачи (причитания, вопли, причеты, крик, голошение) – наиболее древний жанр русской обрядовой и бытовой народной поэзии, в которой оплакивается смерть или горе близкого человека, давший жизнь другим видам причети – свадебной, рекрутской, бытовой. У большинства народов плач исполнялся преимущественно женщинами; существовали и профессиональные причетницы – «плакуши», «вопленицы», «вытницы», «плакальщицы», «причитальницы», «плачеи» [2]. В народе такие умелицы пользовались заслуженным уважением.

В России вплоть до XIX в. причитания бытовали и в крестьянской среде, и в среде городской бедноты. Это объясняется тем, что патриархальные традиции были сильны у крестьян, языческий пласт верований составлял значительную часть их мировоззрения. Любая уважающая себя крестьянка умела причитать. Мужчины, как правило, этого не умели делать. Все разнообразные формы плачей исполнялись женщинами, прежде всего родственниками: «Голосом воют родные, не чужие ж! Вот помрёть у тебя кто-нибудь свой – мать или отец, или ребенок – кто это может, этот и выеть голосом. Так яму легче, так он выскажет усю боль свою» [1]. Но не каждая женщина обладала особой эмоциональной психической структурой, поэтическим даром и памятью, а также способностью импровизировать: «Изливают свою душу. У кого какое горе, то й причитывает. По-новому каждый раз» [1]. Мы должны подчеркнуть, что обряд оплакивания является женским обрядом. Вопленицей являлась женщина, а не мужчина. Женский характер культа сформировался в архаических обрядах умирающих и воскресающих богов. Поэтому запевалой и зачинателем хора являлась женщина, а не мужчина. Плачут слезами родственники, а голосят носители и хранители ритуальных действий, всегда «чужие». Поэтому оплакивать покойного приглашали известных плакальщиц. Вопленицы, используя клишированные формулы, не создавали копии одного и того же словесного текста, и поэтому они были композиционно свободны и импровизированы. Как утверждает М. А. Евонгатова: «В сознании исполнительниц причитаний жили правила создания текста того или иного типа (например, плач по мужу, плач по дочери и т.д.), представления о том, как его надо произнести, чтобы требования обряда были выполнены» [1].

Первыми «новинами-плачами» стали опубликованные в 1935 г. в «Правде» песня А. В. Морозовой «Про лестницу-чудесницу», прославляющая И. В. Сталина и московское метро, и в 1936 г. – песня Е. П. Кривошеевой «Плач по Кирову». Плач Е. П. Кривошеевой был первым плачем, опубликованным в советское время. Текст новина строился на противопоставлении бедственного положения крестьян в дореволюционной России и счастливой жизни в СССР. Эта антитеза стала доминировать практически во всех советских плачах. К 40-м гг. уже были созданы плачи по В. И. Ленину (спустя 15 лет после смерти вождя), С. М. Кирову, А. М. Горькому, Н. К. Крупской, по летчикам: В. П. Чкалову, С. А. Леваневскому, А. К. Серову, П. Д. Осипенко.

Уникален тот факт, что ученые-собиратели предлагали для ознакомления носителям фольклора антологии традиционного устного народного творчества. К ним в избы проводили радио, выписывали специализированные журналы, их снабжали необходимой информацией

о покойном. Происходило своеобразное научение (идеологическое в том числе) носителей традиционного фольклора. Такого рода «новины» (плачи, сказки, былины) составляли особый пласт произведений, порожденных творческим союзом профессиональных фольклористов с народными вопленицами и сказителями. Песенников, сказочников и плакальщиц стали приравнивать к начинающим литераторам, профессиональные плакальщицы даже включались в члены Союза писателей. Таким образом, в 30-е гг. XX в. под руководством профессиональных собирателей носители фольклорной традиции создали произведения, воспевавшие советскую действительность. Эти тексты публично восхвалялись учеными, их печатали в прессе, передавали по радио.

В процессе создания советских «новин» плакальщицы использовали традиционные приемы «старин»: ритуальный клишированный текст-вопрошание, специфичность пространственно-временных протяжений внутри текста плача, обязательное участие ведущей плакальщицы и участников ритуала. Они часто реконструировали в своих причитаниях лирические повествования о жизни умершего, составляя целые повести о доблестях почившего. Собиратель фольклорных текстов К. В. Чистов отмечал, что известная русская причетница И. Федосова перед импровизацией расспрашивала о многих жизненных обстоятельствах и происшествиях в жизни умершего и даже о тех, которые ей явно не могли понадобиться для текста. В то же время в плачах могли возникать новые мотивы и детали. Например, в народной культуре символом вести о смерти была птица, чаще всего кукушка. А в советских «новинах» вестником смерти стали выступать нередко радио или газета. В текстах плачей стали отражаться и актуальные события, например, коллективизация, проведение электричества в деревню, гражданская война в Испании и др.

Структура традиционных причитаний строилась на монологическом вопрошании, остававшемся без ответа, воспоминании о заслугах и достоинствах умершего, заботе о его устройстве в ином мире, жалобах осиротевших и оставшихся без кормильца родственников. В советских же плачах появлялись ответы на вопросы плакальщиц, которые давал И. В. Сталин. В отличие от традиционных текстов, в которых женщины жаловались на горе, в «новинах» вопленицы от имени вдов радовались, что живут в СССР, и скорбели о том, что умерший не дожил до такого счастья и не может порадоваться вместе с ними.

Согласно исследованию Ф. Миллера, плачи стали выражать не столько горе, сколько радость: «Сочинители их не скорбят по умершим, а жалеют о том, что он не дожил до нового времени и не может увидеть, как хорошо живет народ при Сталине» [3]. Вследствие этих трансформаций, по нашему мнению, в роли плакальщиков стали выступать и мужчины, а их плачи превращаться в политические лозунги, отражающие восторг и гордость за достигнутые успехи:

Мы идем со Сталиным, как с Лениным.
Что у Ленина намечено,
То у Сталина исполнено [3].

Таким образом, мы можем констатировать, что оплакивание перестало быть сугубо женским обрядом, а плакальщица утратила функцию медиатора между «этим» и «тем» светом. Происходило стирание границ между аутентичным фольклором и его стилизацией.

Ф. Миллер также особо подчеркнул соотношение образов умершего и его «заместителя». Согласно его концепции, содержание плачей, по сути, стало пропагандистским, своеобразным панегириком В. И. Ленину, И. В. Сталину и коммунистической партии, прославлением счастливой и обеспеченной жизни [3]. Например, в плаче о В. И. Ленине, автором которо-

го является Л. Андриянова из Карелии, прославление И. В. Сталину строится следующим образом:

Нунь мои молодые детушки,
Пойдемте к дорогому нашему батюшке,
Сталину Иосифу Виссарионовичу.
Вы подайте-ко ему привет от сердечушки,
А поклон от буйной головушки,
Что вас он да обеспечил, –
И вы обутые и одетые,
И жизнь ваша одобрена, и сердце успокоено [5].

Более того, многие советские плакальщицы были грамотными, в их сочинениях преобладала газетная лексика, порой трудно сочетаемая с разговорным стилем традиционных плачей. Следовательно, плачи становились авторским, индивидуальным творчеством певца, а не выражением традиционной обрядности. У. Юстус утверждает, что «следуя установке М. Горького, фольклористы устраняли почти все диалектные и местные языковые признаки из плачей и уравнивали их в правах с языковой системой, равным образом предписанной для всех видов литературы» [7].

Общеизвестно, что социальный институт плакальщиц и искусство причета наибольшее распространение и сохранность получили в северных областях России. Нетронутость северных областей татаро-монгольским игом способствовала сохранению социокультурного института профессиональных вопленицы. В южных и центральных областях Древней Руси, подверженных разрушительному монгольскому нашествию, горе вошло в каждую семью, оплакивать гибель родных и близких пришлось каждому выжившему. Поэтому в большей степени традиционные плачи были аккумулированы в северных районах СССР (Карелия, Печорский край, Заонежье и др.). В годы Великой Отечественной войны старинные народные формулы плачей в этих местностях получили своеобразное возрождение. Уникальной русской причетницей И. Федосовой было собрано более 30 000 причитаний. Подобные образцы причитаний оставили и другие талантливые вопленицы: Н. Богданова, И. Голубкова, К. Пашкова, П. Крюкова, Н. Симеусова, А. Чуева, А. Нечаева, А. Калганова и др.

В то же время при создании причета во время Великой Отечественной войны нередко использовались и литературные тексты. Согласно этнографическим исследованиям, житель Заонежья М. Г. Акиндин, придя с войны и увидев разрушенным свой дом, «завопил», используя стихотворение А. В. Кольцова «Раздумье селянина», сохраняя при этом поэтические особенности народных причитаний:

Я гляжу-смотрю, кручинная головушка,
Я на свое да на хоромное строеньице,
Как пустым стоит пустешенько строеньице.
Уж я сяду тут с тобой думу думати,
Как мне жить теперь да горе мыкати,
Как нет у меня да друга верного,
Да и нет теперь казны бессчетноей. [4]

Однако фольклорные экспедиции 60-х гг. XX в. уже практически не смогли засвидетельствовать традиционные формулы плачей, что свидетельствует о недолговечности этой уникальной традиции вследствие трансформации социальных и политических процессов.

Подводя итог рассмотрению проблемы трансформации жанра плача в культуре сталинской эпохи, необходимо отметить следующее. Плачи сталинской эпохи основываются, по мнению У. Юстус, на «исторической памяти, которая была создана значительно позже, когда началась канонизация официального дискурса советской историографии, в котором весь исторический дискурс сосредоточивается на Сталине и его роли в советской истории» [7]. В плачах 30-х гг. фигура умершего нередко заслонялась его «заместителем»: очень часто И. В. Сталиным, под мудрым руководством которого в стране наступала обеспеченная и счастливая жизнь. Вследствие этого горестная тональность плачей трансформировалась в радостную. Процесс создания текста идеологически «воспитанным» автором превращал причет, по сути, в исторический документ, лишая его аутентичности. Плачи становились продуктом официальной идеологии и пропаганды. Фольклорное произведение подвергалось правке, «олитературиванию». Как утверждают составители сборника «Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.», собиратели «инспирировали создание произведений советской тематики, наставляли сказителей в их творчестве, напрямую редактировали записанные тексты» [6]. Так, например, при позднейших перепечатках плачей о В. И. Ленине целенаправленно исключались упоминания о Л. Д. Троцком. Влияние политического дискурса обусловливало трансформацию личного, интимного горя в официальное.

Таким образом, мы можем констатировать, что пропагандистский дискурс сталинской эпохи довольно успешно вторгался в пространство традиционной культуры, подчиняя определенные ее формы своим интересам, превращая их в инструмент политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Енговатова, М. А. Смоленские похоронные плачи: ритуал и музыка / М. А. Енговатова // Живая старина, 2000. – № 1. – С. 2-12.
2. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 846 с.
3. Миллер, Ф. Сталинский фольклор / Ф. Миллер; пер. с англ. Л. Н. Высоцкого. – СПб.: Академический проект, ДНК, 2006. – 190 с.
4. Обрядовая поэзия Пинежья // Русский традиционный фольклор в современных записях: материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области 1970–1972 гг. / под ред. Н. И. Савушкиной. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 476 с.
5. Рукописи, которых не было: подделки в области славянского фольклора / изд. подг. А. Л. Топорков, Т. Г. Иванова, Л. П. Лаптева, Е. Е. Левкиевская. – М.: Ладомир, 2002. – 968 с.
6. Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.: сб. док. / Министерство культуры РФ, РАН, Государственный республиканский центр русского фольклора, ГА РФ; сост.: Е. Д. Гринько, Л. Е. Ефанова (отв. сост.), И. А. Зюзина [и др.]. – М., 1994. – 584 с.
7. Юстус, У. Вторая смерть Ленина: функции плача в период перехода от культа Ленина к культу Сталина / У. Юстус // Социалистический канон / под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. – СПб.: Академический проект, 2000. – 1040 с.

Шунейко С. А.
S. A. Shuneyko

ПЕРСОНАЖИ ТОРГОВОГО ПРОСТРАНСТВА В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

ACTORS OF A TRADE COMMUNICATION CONTEXT IN THE XIX – XX C. RUSSIA

Шунейко Светлана Альфредовна – старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Амурского государственного гуманитарно-педагогического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17; 8(4217)52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.
Ms.Svetlana A. Shuneyko – Senior Lecturer, Department of the Russian Language and Literature, the Amur Humanitarian and Pedagogical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue, 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Аннотация. Реальная торговля никогда не ограничивается парой продавец – покупатель. В статье определяются общие особенности основных функционеров торгового пространства в России XIX – начала XX веков.

Summary. In real situations, trade communication is rarely limited by the well-known tandem 'seller - buyer'. The paper explores the basic characteristics of all main actors taking part in trade contexts in XIX – XX c. Russia.

Ключевые слова: торговое пространство, персонаж

Key words: trade communication, actor.

УДК 008

Торговое пространство XIX – начала XX веков [1] наиболее полно, последовательно и многомерно представлено ярмарками и торговыми рядами. Оно имеет множество черт, отличающих его от других пространств культуры. В число этих черт входит наличие набора специфических функционеров или персонажей.

Реальная торговля никогда не ограничивается парой продавец – покупатель. В ней участвуют гораздо больше функционеров. Это связано с четырьмя факторами: 1) многоликость самого продавца, маска которого зависит от того товара или услуги, которые он предлагает (пирожник существенно отличается от ювелира); 2) деятельность продавца может обслуживаться множеством вспомогательных работников (грузчиков, охранников и т.п.); 3) торговля как процесс, связанный с обменом материальными ценностями, привлекает к себе криминальный элемент (карманники, аферисты, кидалы и т.п.); 4) торговое пространство исторически тесно сопряжено с иными видами социальной и конфессиональной деятельности (поиском работы, распространением информации и т.п.). По этим причинам персонажей, населяющих торговое пространство, оказывается достаточно много.

При большом многообразии определить общие особенности функционеров торгового пространства сложно. Хотя в публицистике такие попытки предпринимались. Ср.: «Гостинодворский торговец ни русский, ни немец, ни ярославец, ни костромич, ни москвич – он просто *гостинодворец*, принадлежащий к особенному сословию людей, которое отделяет их такою резкою чертою от других людей, что это особенное сословие можно назвать *особою породою*. Эта оригинальность так глубоко проникает в кровь, что даже при перемене звания, т.е. при переходе в дворянство детей разбогатевшего купца (как у нас обыкновенно ведется), гостинодворство не истребляется до шестого поколения и проглядывает из-под золотого шитья и множества дипломов. Невозможно передать верно всех отличительных признаков *четырех степеней* гостинодворства: мальчика, сидельца, приказчика и хозяина <…>» [2, 118].

Материал поступил 06.06.2011

Анализировать особенности представителей торгового пространства можно с различной степенью детализации, все зависит от избираемой точки отсчета. Одинаково верны два несходных утверждения: 1) поскольку в торг так или иначе включаются все представители социума, а само торговое пространство кроме непосредственно торга включает в себя массу иных взаимодействий, функционерами торгового пространства являются все имеющиеся в данный момент в социуме культурные типы; 2) главных в функциональном, то есть непосредственно обеспечивающих торг, отношении представителей у культурного пространства всего четыре: продавец, помощник продавца, покупатель и криминальный элемент; они многолики, делегируют друг другу функции и подменяют своими действиями множество прямо и опосредованно связанных с торговым пространством сфер.

Если базировать анализ на первом утверждении, то, не говоря уж о его громоздкости, за детализацией затеряется специфика торгового пространства; поневоле придется обращать внимание на культурные характеристики, непосредственно с торговлей не связанные. Если базировать анализ на втором утверждении, то он окажется излишне схематичным и специфика торгового пространства тоже будет утеряна или проявлена неполно. Оптимальным представляется третий подход. Он предполагает концентрацию на тех персонажах, которых запечатлела в себе и сохранила культурная память, на типажах, наличие которых бесспорно признавали сами участники торговых процессов XIX – начала XX веков. Это позволяет при полноте воспроизведения строго оставаться в рамках темы и не пропускать важных элементов культурной специфики материала.

Описания современниками и исследователями ярмарочных процессов и гостиных дворов говорят о том, что они включают в себя множество людей в различных ролевых функциях, обладающих особыми наименованиями и характеризующихся особыми действиями, внешними признаками, укладом жизни и типом непосредственной деятельности.

К числу основных функционеров торгового пространства относятся: актер, антиквар, барышник, букинист, балаганный дед, балаганный зазывала, вдовушка, вор, гаер, городовой, глашатай, дед-раешник, играющий, извозчик, карусельный дед, куклы, купец, куплетист, мальчик, масляничный дед, офеня, охранник, паяц, петрушечник, покупатель, половой, попрошайка, приказчик, раешник, разносчик, сиделец, сменщик, торговка, хозяин, целовальник, цирюльник, шарманщик.

Таковы главные персонажи торгового пространства, те, чье присутствие и действия наделяют его качеством динамичного целого, обеспечивают его жизнеспособность, стабильность и функциональность. Все они играют различные типизированные роли, вступают в постоянные контакты, преследуют свои цели и получают от торгового пространства свои выгоды. Их целевые установки существенно различны, но не противоречат друг другу и, более того, даже будучи существенно удаленными друг от друга, могут сходиться в общих устремлениях. Все они находятся в семиотических отношениях со-, противопоставления, все наделяют своеобразием определенную культурную сферу и обеспечивают её целостность.

Внешний взгляд на центр торгового пространства, его концентрированное выражение, то есть на ярмарку и гостиный двор и оценка действий его функционеров может привести к поверхностному выводу о том, что само пространство как совокупность места, деятелей и разворачивающихся при этом событий представляет собой самоорганизующийся хаос. Покупатели беспорядочно суетятся, продавцы постоянно самонавязываются, актеры изо всех сил бросаются в глаза, воры стремятся быть незаметными, городовые усиленно изображают достоинство и власть. В результате получается плохо спланированный карнавал с элементами абсурда или образцовый хаос. Но этот вывод верен только отчасти.

В реальности, при знании специфики и характера существования и действий персонажей, оказывается, что все участники, кроме публики, являются компонентами достаточно строгих социокультурных иерархий. Воры включены в воровские артели, нищие – в нищенские, актёры – в актёрские, городовые – в административные структуры, торговцы – в торговые сообщества. Все эти объединения организованы по образцам средневековых профессиональных гильдий. Все они базируются на строгой дисциплине и точной буквальной реализа-

ции профессиональных навыков, в противном случае человек не имеет в сообществе перспектив для роста или попросту исторгается из него.

Действия всех представителей и общий характер поведения предписаны этими иерархиями. Они практически не выходят за границы тех норм, которым должны строго следовать. Их конкретное поведение подчинено правилам и является набором строгих стереотипных форм. В силу этого поверхностно наблюдаемый хаос оказывается строго организованной системой с конечным строго определенным количеством элементов, их атрибутов и оппозиций. Все выполняют свою работу, стараются не мешать друг другу и, более того, помогают, внося свой вклад в создание иллюзии хаоса и оформление условий, способствующих реальной дестабилизации лиц, которые считают, что они пользуются услугами торгового пространства – публики.

Единственным неорганизованным и вносящим в торговое пространство элементы реального беспорядка является именно публика. Её представители сами по себе, в отдельности, также входят в определенные социальные и культурные иерархии, каждый в свою. Эта принадлежность в торговом пространстве не теряется, но существенно редуцируется. Это происходит в силу двух факторов: 1) в публике смешиваются практически все социальные иерархии, их оказывается достаточно много, чтобы толпа публики могла дифференцироваться по признакам своей принадлежности; 2) при проникновении в торговое пространство человек попадает в иной мир или иной тип культурного взаимодействия с отличной системой ценностей, явными признаками карнавальности, сакральности и мощными каналами, которые транслируют дестабилизирующее воздействие.

В силу этих причин публика оказывается дезориентированной и является удобной мишенью для манипуляций. Остальные представители торгового пространства подталкивают её к нужным действиям тем более вероятным, что именно за ними публика и явилась. Наложение потребности и благоприятных условий для её реализации создает у публики эйфорию, которая сама по себе, будучи закреплена в сознании, является тем фактором, который вновь и вновь привлекает её в торговое пространство.

Конечно, публика при этом не лишается полностью способности к реальным действиям и не теряет окончательно своей культурной идентичности. На этом базируется её сопротивление. Именно оно и вносит элементы не внешнего, а действительного хаоса в торговое пространство. С ним, в первую очередь, связаны все сбои в работе профессионалов, выражающиеся скандалами, драками, разбирательствами, которые в конечном счете могут увеличивать количество хаоса, что, опять же, дестабилизирует публику. Получается замкнутый круг.

Парадоксальную в культурном смысле ситуацию отметил Ф. В. Булгарин: «Публика – значит, и богатый и бедный, и старик и молодой, и мужчина и женщина, – смесь всех званий, сословий, состояний, всего, что только может *платить*, и что *платит*! <…> Кланяясь публике до земли – её доят, гладя нежно – стригут, обнимая – заставляют нести себя на плечах… и публика все видит, все знает, все терпит… иногда ворчит про себя, сама себе жалуется, а между тем никто её не слушает!..» [2, 130-131].

При таком положении дел торговое пространство существует для публики и за счет публики и в то же время безжалостно эксплуатирует её в финансовом, физическом и эмоциональном отношениях. Но фиксируемая ситуация не является исключительной. Аналогичную картину можно наблюдать и в иных социальных институтах. Просто здесь она представлена наиболее отчетливо. Сам же парадокс легко нивелируется, если признать, что торговое пространство существует в равной мере для всех его персонажей, для реализации их целевых установок. Для продавца, чтобы он получал прибыль, для вора, чтобы он воровал и т.д.

При описании функционеров торгового пространства различные авторы обращают внимание на меру их осведомленности, проявляющуюся в том, насколько они могут «читать» или понимать публику. Внимание на этом акцентируется не случайно, потому что этим качеством, в существенной степени, определяется их профессиональная успешность. Но оно не является общим для всех представителей.

При всем различии особенностей поведения, функций, внешнего вида, речевых навыков, целевых установок и прочего у всех персонажей торгового пространства можно обнаружить общие черты. Их, по крайней мере, три: постоянная потребность в культурной маске, делегирование функций и ориентация на взаимодействие.

Потребность или приверженность к той или иной маске – главная черта функционеров торгового пространства. Всех их можно назвать ряжеными. Есть масса сфер культурного взаимодействия, где человек может обходиться без маски или она может нанести ему вред. Например, в быту, в сфере образования или политики. В торговом пространстве не так. Ни один персонаж торгового пространства во время выполнения своих культурных функций не обходится без маски. Маска может быть более или менее яркой. Она может копировать тип естественного поведения, например, простака или услужливого продавца. Но она всегда присутствует. Это продуцирует карнавальность. Она выступает в двух формах: как открытая, в случаях с балаганными дедами, заманиванием и каруселями, и как скрытая, в случаях с процессом торга и воровством. Органичность и уместность используемой маски предопределяет успешность функционера. Все участники торгового пространства в момент заинтересованного включения в него – актеры. Степень профессионализма их игры определяет успешность их действий. Они не могут снять масок без ущерба для себя и не могут менять их без учета внешних обстоятельств.

Делегирование друг другу или заимствование друг у друга функций прямо связано с наличием маски, которая помогает функцию скрыть. Практически все персонажи торгового пространства в конкретных ситуациях замещают свою основную функцию функцией какого-либо иного представителя. Продавец во время обсчета, обмера или обвеса покупателя становится вором. Вор, который кричит: «Держи вора», – чтобы отвлечь от себя внимание, становится актером. Актер, после неудачного выступления обходящий с шапкой публику, становится попрошайкой. Покупатель, ради потехи затевающий спор с продавцом, становится балаганным дедом. Такая смена ролей устойчива и является постоянным атрибутом торгового пространства в отличие от иных типов культурной организации, где она так ярко не представлена.

Все персонажи ориентированы на взаимодействие с каким-либо определенным типом или с несколькими сразу. Установка не на обособленность, не на самодостаточность, а именно на взаимодействие диктует особый тип культурного поведения, предполагает известную степень мобильности и заставляет человека осуществлять учет большой совокупности факторов. Он становится внимательнее. И от меры его внимания к окружающим зависит степень его успешности.

Эти черты возникают у них вследствие включения в само пространство, прямо продуцируются им и предполагаются как необходимые. Они же создают специфику самого пространства на уровне личного культурного взаимодействия.

Важно отметить, что функции зазывалы могут выполнять и выполняют практически все представители торгового пространства, предоставляющие услуги. Это рассредоточивает образ зазывалы и делает его внеличностным, существующим наряду с профессиональным зазывалой. Зазывала – представитель торгового пространства в целом и всех составляющих его культур. Он суммирует в себе многообразную специфику торгового пространства, отражает его ценностные приоритеты, выражает его речевой строй и конденсирует его целевые установки, связанные с распространением товара. Он посол и репрезентатор торгового пространства вне мест его привычной локализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шунейко, С. А. Функции торгового пространства в России XIX – начала XX века / С. А. Шунейко // Вопросы культурологи. – 2011. – № 6.
2. Булгарин, Ф. Лицевая сторона и изнанка рода человеческого: Избранная проза / Ф. Булгарин; сост. и коммент. С. В. Денисенко и А. В. Степановой; вступ. ст. С. В. Денисенко. – СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2009. – 352 с.

Баранов С. Е.
S. E. Baranov

РАЗРАБОТКА НОВЫХ ПРИНЦИПОВ И ПОДХОДОВ К УПРАВЛЕНИЮ ВЕРТИКАЛЬНО-ИНТЕГРИРОВАННЫМИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИМИ СТРУКТУРАМИ

NEW PRINCIPLES OF AND APPROACHES TO MANAGING VERTICALLY-INTEGRATED COMPANIES

Баранов Сергей Евгеньевич – аспирант кафедры «Экономика и финансы» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27; 8(911)742-13-82. E-mail deti.indigo@gmail.com.

Mr. Sergey E. Baranov – PhD Candidate, Department of Economics and Finance, Komsomolsk-on-Amur State Technical Uuniversity. 681013, Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk Region, tel.: 8(911) 742-13-82. E-mail deti.indigo@gmail.com.

Аннотация. В статье приведен анализ существующих принципов управления вертикально-интегрированными предпринимательскими структурами, предложены новые, обосновано их применение в управлении предприятием, рассмотрено понятие вертикально-интегрированная структура.

Summary. The paper explores the existing principles of management of vertically-integrated enterprise structures and suggests new ones, their application to business management is proved; the concept of a vertically-integrated structure is considered.

Ключевые слова: вертикально-интегрированная структура, принципы управления, эмерджентность, целостность, системность.

Key words: vertically-integrated structure, management principles, emergence, integrity, system approach.

УДК 338.242.2

Современный этап развития мирового хозяйства характеризуется вступлением в качественно новую стадию своего развития. В структуре и системе управления крупными компаниями происходят изменения, которые позволяют адаптироваться к постоянно меняющимся внешним условиям и обострившейся конкурентной борьбе.

В настоящих условиях модель рынка, при которой каждое предприятие является обособленной и независимой производственной единицей, для некоторых отраслей является экономически нецелесообразной. Для многих предприятий создание вертикально-интегрированных компаний является наиболее перспективным путем выхода из кризиса.

В то же время нельзя не отметить молниеносную динамику изменения рынка. На первый план выходят такие факторы, как глобальная конкуренция, инновации, использование нематериальных активов во всех сферах деятельности предприятия. Интегрированная структура, как и любая предпринимательская структура, должна быть гибкой и своевременно реагировать на изменяющиеся условия внешней среды. В такой нестабильной системе факторов окружающей среды необходима разработка новых подходов и методов управления вертикально-интегрированными предпринимательскими структурами, которые позволят объективно повысить качество управления предприятием в условиях инновационной экономики.

Для целей исследования в данной статье определена вертикально-интегрированная предпринимательская структура как *объединение экономических субъектов, представляю-*

Материал поступил 17. 06. 2011

щих последовательные стадии производства и реализации товара в единую юридическую структуру, сформированная путем консолидации активов или реализации договорных контрактных отношений с целью осуществления совместной деятельности и достижения общих целей.

Следует отметить, что в условиях мирового финансового кризиса понятие неопределенности среды ведения бизнеса приобрело еще более выраженный характер. Действие факторов неопределенности и размытости наделяет организационное поведение людей свойствами нелинейности, нестандартности и стохастичности. По этой причине все производственные корпорации как социально-экономические системы можно отнести к классу многомерных недетерминированных систем, поскольку системообразующим элементом здесь является человек с бесконечно сложной мотивационной структурой его поведения.

Как правило, все целеустремленные недетерминированные системы характеризуются следующими свойствами:

- чрезвычайной сложностью организационной системы;
- размытостью (диффузностью) структуры;
- многомерностью факторов регуляции поведения;
- многочисленностью контролируемых параметров, описывающих поведение и состояние системы;
- нестационарностью и неопределенностью протекающих в системе процессов;
- инерционностью и нелинейностью этих процессов;
- многокритериальностью процесса оценки результатов работы;
- многоцелевой направленностью системы и ее элементов [1].

Для целеустремленных недетерминированных систем справедливы принципы системной целостности, многомодельности, эмерджентности, необходимого разнообразия, системной редукции, дополнительности и т.д.

Принцип системной целостности означает, что любая система как целое всегда нечто большее, чем простая совокупность ее частей, а элементы, объединенные в систему, приобретают новые качества, которыми они не обладали порознь.

Принцип многомодельности основывается на положении, что никакая общая модель социально-экономической системы не будет полной, если она не включает в себя модели подсистем и элементов ее составляющих.

Принцип эмерджентности указывает на возможность возникновения новых свойств при объединении элементов в целостную систему, т.е. таких свойств, появление которых нельзя было заранее предвидеть, наблюдая за поведением изолированных элементов. Отличие эмерджентности от системной целостности состоит в том, что целостность подразумевает возникновение таких новых свойств в системе, ради которых она и была создана, а эмерджентность предостерегает о появлении непредсказуемых, незапланированных для создателя системы свойств.

Принцип необходимого разнообразия гласит, что система управления должна иметь не меньшую функциональную и структурную сложность, чем управляемые объекты.

Принцип прогностичности заключается в том, что никакая сложная система не может целеустремленно развиваться и сохранять себя длительное время, если она не обладает способностью заранее предвидеть ход событий.

Помимо выделенных принципов управления экономическими системами следует сформулировать некоторые принципы и подходы к управлению, которые соответствуют изменившейся среде функционирования предприятий.

Изменившиеся условия конкуренции, стремление конкурирующих компаний к укрупнению и переход самого процесса конкуренции на глобальный уровень приводят к тому, что основным конкурентным преимуществом становятся нематериальные активы предприятий, в том числе и интегрированных структур. Соответственно, основным принципом управления становится *принцип научности*, который подразумевает использование новых технологий,

разработку принципиально новых материалов и продуктов, формирование у потенциальных потребителей новых потребностей и выход на новый, более высокий уровень потребления. Эффективное использование НМА в интегрированных структурах является средством достижения поставленных целей, получения конкурентных преимуществ и соблюдения самого принципа научности. Чем более уникальным является произведенный товар, тем меньше конкурентов имеет предприятие на данном этапе и более весомое конкурентное преимущество достигается им в итоге [2].

Принцип адаптивности является базой для развития *адаптивного подхода* к управлению интегрированными структурами. Уровень неопределенности среды функционирования предприятия имеет тенденцию к постоянному росту, соответственно, управление экономической системой должно подчиняться объективным изменениям внешней и внутренней среды организации и гибко реагировать на них.

Адаптивная система управления состоит из двух взаимосвязанных систем: адаптивной системы планирования и адаптивной системы регулирования. Структурно выделенные системы практически идентичны. Функциональная структура каждой из них состоит из нескольких взаимосвязанных частей: модели планирования (соответственно регулирования); имитационной модели функционирования системы; внутреннего (имитационного) адаптера; внешнего (объектного) адаптера.

Внешний адаптер на основе анализа характеристик объекта и внешней среды выбирает модель задачи планирования, а также имитационную модель, осуществляя тем самым структурную адаптацию системы управления. Затем по результатам выполнения планов прошлых периодов и прошлых возмущающих воздействий подстраиваются параметры в модели планирования (регулирования) и имитационную модель. В адаптивной системе планирования, основываясь на полученных параметрах, по модели планирования определяют план и потенциальный эффект. План рассматривается как траектория, заданная последовательностью плановых состояний, распределенных во времени. По имитационной модели осуществляется имитация реализации плана и оцениваются потери, не позволяющие достичь потенциального эффекта. Имитация реализации плана выполняется несколько раз для получения статистически значимых показателей реализации плана. По результатам расчета плана и имитации его выполнения проводятся анализ и оценка приемлемости плана. Если план с учетом его возможной реализации приемлем, то он принимается к исполнению. В противном случае внутренний адаптер, основываясь на результатах имитации, подстраивает параметры модели планирования и модели регулирования, и работа схемы повторяется, начиная с пересчета плана при новых параметрах. Работа внутреннего адаптера базируется на одном из методов оптимизации в условиях помех.

Предложенный подход позволяет учитывать все неопределенности внешней и внутренней среды, упростить систему управления интегрированными структурами и значительно повысить эффективность деятельности крупных и глобальных компаний.

Помимо адаптивного подхода в управлении интегрированными системами необходимо использовать и актуальный в последнее время *процессный подход*. Он основан на том, что все виды действий, совершаемых в некоторой организации, имеет смысл рассматривать как процессы. Под процессами понимаются логически упорядоченные последовательности этапов (шагов, элементов), преобразующих входы в выходы. В некотором смысле такое понимание процессов близко к представлению об алгоритмах. И это не случайно. Дело в том, что в жизни организаций всё большую роль играют информационные технологии (ИТ). А ИТ не понимают иного языка, чем язык алгоритмов. Во многих сферах человеческой деятельности ИТ выступают как необходимое условие обеспечения конкурентоспособности, поэтому процессное описание деятельности организации оказывается вполне уместным. Таким образом, речь идёт о феномене процессного мышления, то есть такого взгляда на мир, который стремится всё, что видит, превратить в процессы. Для этого предлагается мета-процесс, состоящий из следующих 14 шагов:

1) выявить (задать) полную систему процессов, требуемых для менеджмента качества;

2) определить последовательность, взаимосвязь и взаимодействия в этой системе процессов;

3) с позиций стратегических целей и планов определить ключевые процессы (в соответствии с принципом Парето 80:20);

4) найти сотрудника, готового взять на себя ответственность за данный процесс, и наделить его соответствующими полномочиями, сделать владельцем, собственником процесса;

5) определить заказчика или потребителя процесса и описать выход процесса, то есть требования к качеству результатов его функционирования;

6) определить поставщиков процесса и требования к элементам входа процесса, то есть к ресурсам;

7) определить критерии эффективного менеджмента данного процесса и выбрать для них метрологически обеспеченные измерители;

8) спланировать процессы измерения показателей качества и эффективности процесса;

9) описать сам процесс в виде блок-схемы или схемы потоков с учётом системы менеджмента процесса;

10) определить входные и выходные документы по стадиям процесса (например, регламент, должностные инструкции, рабочий журнал и т.п.);

11) обеспечить информационные потоки, требуемые для эффективного менеджмента и мониторинга процесса;

12) вести регулярную оценку, мониторинг и анализ данных, относящихся к процессу;

13) систематически проводить корректирующие и предупреждающие действия, направленные на достижение целей процесса;

14) определить порядок внесения в процесс изменений.

Такой мета-процесс обеспечивает систематический подход к выявлению и описанию всех процессов, представляющих интерес для качества, как, впрочем, и для управления вообще. Однако особый интерес представляют бизнес-процессы. Под бизнес-процессом понимают совокупность различных видов деятельности предприятия, которые, вместе взятые, создают результат (продукт, услугу), имеющий ценность для потребителя, клиента или заказчика. В качестве клиента может быть другой бизнес-процесс.

Бизнес-процесс – это цепочка работ (операций, функций), результатом которой является какой-либо продукт или услуга. В цепочку обычно входят операции, которые выполняются структурными элементами, расположенными на различных уровнях организационной структуры предприятия.

Процессный подход требует выделения и классификации бизнес-процессов предприятия. Как правило, основу для классификации бизнес-процессов составляют четыре базовых категории:

1) основные бизнес-процессы;
2) обеспечивающие бизнес-процессы;
3) бизнес-процессы развития;
4) бизнес-процессы управления.

В процессе жизнедеятельности бизнес-системы за счет выполнения бизнес-процессов осуществляется достижение определенной совокупности целей. В общем случае совокупность целей имеет иерархический вид («дерево целей») и каждая цель имеет свой вес и критерий (количественный или качественный) достижимости.

В свою очередь, бизнес-процессы реализуют бизнес-функции предприятия. Под бизнес-функцией понимают вид деятельности предприятия. Множество бизнес-функций представляют собой иерархическую декомпозицию функциональной деятельности предприятия. Таким образом, «дерево функций» представляет собой функциональное отражение реализации «дерева целей» предприятия.

Бизнес-функции связаны с показателями деятельности предприятия, из которых также можно построить «дерево показателей».

Эти показатели затем образуют систему показателей оценки эффективности выполнения бизнес-процессов. Как правило, владельцы бизнес-процессов контролируют свои бизнес-процессы с помощью данной системы показателей. Наиболее общими показателями оценки эффективности бизнес-процессов являются:

- количество клиентов, обслуженных за определенный промежуток времени;
- количество новых клиентов;
- количество типовых операций, которые необходимо выполнить при обслуживании клиентов за определенный промежуток времени;
- стоимость издержек обслуживания клиентов;
- длительность выполнения типовых операций и т.д.

Бизнес-процессы характеризуются тем, что имеют конкретного потребителя, готового платить за их результаты. Они и существуют до тех пор, пока есть этот потребитель. И их организация и систематизация осуществляются не так, как удобно производителю, а в соответствии с принципом ориентации на потребителя. А это означает, что традиционная организационная структура, как правило, будет разрушаться. Ей на смену придёт проектный подход и командная форма работы [3].

Процессный подход базируется на *принципе системности* его применения. Интегрированная структура состоит из множества различных процессов, управлять которыми следует как единой системой. Комплексная модель предприятия, как правило, состоит:

- из моделей бизнес-процессов, входящих в выделенные классы;
- моделей системы управления на уровне каждого бизнес-процесса и выделенных групп бизнес-процессов;
- модели системы качества.

Структура системы управления, включая и управление качеством, построенная на основе процессного подхода, состоит из двух уровней, а именно: управления в рамках каждого бизнес-процесса, а также управления группой бизнес-процессов на уровне всего предприятия.

Любой подход к управлению основан на *принципе эталона*, т.е. сравнении управляемой системы с неким эталоном деятельности. Устойчивым считается развитие предприятия, если некоторые основные показатели его финансово-экономической деятельности соответствуют норме. Нормативные показатели определены на основе длительного эмпирического опыта изучения общих экономических систем.

Говоря об интегрированных структурах, следует обратить внимание на то, что формируются они на основе различных факторов с различными целями и различными методами. Функционирование таких структур отлично от деятельности обычных предприятий. Следовательно, прошлый эмпирический опыт в управлении интегрированными структурами уже неуместен.

На *принципе эталона* основан *индикативный подход* к управлению интегрированной структурой. Прогнозирование в рамках системы индикативного планирования выступает как его первая обязательная аналитическая стадия. Планирование является объективным, закономерным продолжением и развитием прогнозной деятельности. Осуществляется взаимопроникновение и взаимовлияние прогнозных и плановых процедур. Плановое решение должно содержать две группы характеристик:

1) характеристики желаемых состояний объекта управления в опорных точках (индикаторах);

2) характеристики способов достижения этих состояний (регуляторов).

Осуществление влияния на объект управления предполагается при помощи регуляторов и особых механизмов поддержания оптимального функционирования процессов. Регулятор является механизмом реакции на значение индикатора. Индикатор представляет собой

интегральный показатель (мультипликатор), количественно определяющий качественные характеристики того или иного процесса, состояния.

По степени экономической значимости объекты делятся на две категории:

1) бюджетообразующие, жизнеобеспечивающие (для них предусмотрен жесткий режим управления через регуляторы);

2) для менее значимых система индикаторов и регуляторов действует в отслеживающем режиме.

Показателем самодостаточности станет устойчивый экономический рост, оценка которого производится с помощью сформированного набора индикаторов. Центральным понятием системы индикативного планирования является интегральный показатель, количественно определяющий качественные характеристики процесса.

Индикаторы определяются как параметры границ, в пределах которых система, включающая организационные механизмы, технологические связи, материальные и финансовые потоки, может устойчиво функционировать и развиваться. В отличие от показателя, дающего лишь количественную констатацию, индикатор носит векторный, направленный характер. Индикаторы имеют предельные пороговые (минимальные и максимальные) уровни прибыльности, налоговых ставок, режимов развития многоресурсных систем.

Особое место занимают определение и использование пороговых значений индикаторов, призванных сигнализировать о приближении критического состояния объекта управления и необходимости изменения стратегии развития объекта, т.е. включение регуляторов:

- индикаторы тревоги;
- индикатор экстремального положения;
- индикатор банкротства и т.д.

Внутри предельных границ образуется так называемый коридор, необходимый и достаточный для принятия управленческого решения, но при этом необходимо установление адекватных пороговых значений коридора. Реальность действия индикатора определяется не только количественными характеристиками. Важно, чтобы индикатор, для которого существуют регуляторы прямого воздействия на объект управления, был инструментальным.

Формирование индикаторов – процесс, увязанный во временном аспекте. В данном случае ставится целью получение единого индикатора, характеризующего состояние объекта управления. Актуален вопрос о величине удельного веса каждого из отдельных регуляторов при их агрегировании. Если какие-либо регуляторы линейно или нелинейно зависят друг от друга, то в системе присутствует ненужная информация, искажающая результаты анализа, прогнозирования и, как следствие, результаты планирования. Для этих целей необходим множественный анализ всей совокупности заданных показателей.

Индикативный подход к управлению интегрированными структурами позволяет сформировать эффективный инструментарий для целей управления.

Следует отметить, что интегрированная структура является самоорганизующейся системой и подвержена циклическому развитию. Более того, интеграция является важнейшим способом продления и обновления жизненного цикла предприятия. *Подход, основанный на концепции жизненного цикла предприятия*, базируется на *принципе цикличности* развития интегрированных структур и позволяет учесть изменение основных параметров деятельности корпорации во времени. Данная концепция способствует анализу деятельности корпорации в настоящем с позиции будущего развития, определяет специфические планы, учитывая специфику отдельных фаз жизненного цикла. Результаты повторяющегося действия циклического механизма не обязательно должны превосходить исходную ситуацию, быть равными ей или менее значительными. Они могут быть совершенно иными в зависимости от комбинаций изменений импульсов цикла. На каждом этапе жизненного цикла возникают свои проблемы, требующие специфической разработки стратегии развития. Продолжительность фаз жизненного цикла не является величиной постоянной, поэтому возникает необходимость следить за изменениями показателей, характеризующих фазы развития. Выявляются причи-

ны происходящих с ними изменений. Своевременно устанавливать границы фаз и ожидаемые тенденции в развитии показателей с тем, чтобы своевременно внести изменения в базовую стратегию интегрированной структуры.

Важнейшим принципом управления интегрированными структурами является *принцип комплексности*. Принцип комплексности должен строиться на основе совмещения адаптивного, индикативного, процессного подходов к управлению, а также подхода, основанного на концепции жизненного цикла предприятия. Каждый из этих подходов дополняет друг друга и позволяет создать наиболее эффективную систему управления интегрированной структурой. Система принципов и подходов к управлению интегрированной структурой проиллюстрирована на рис. 1.

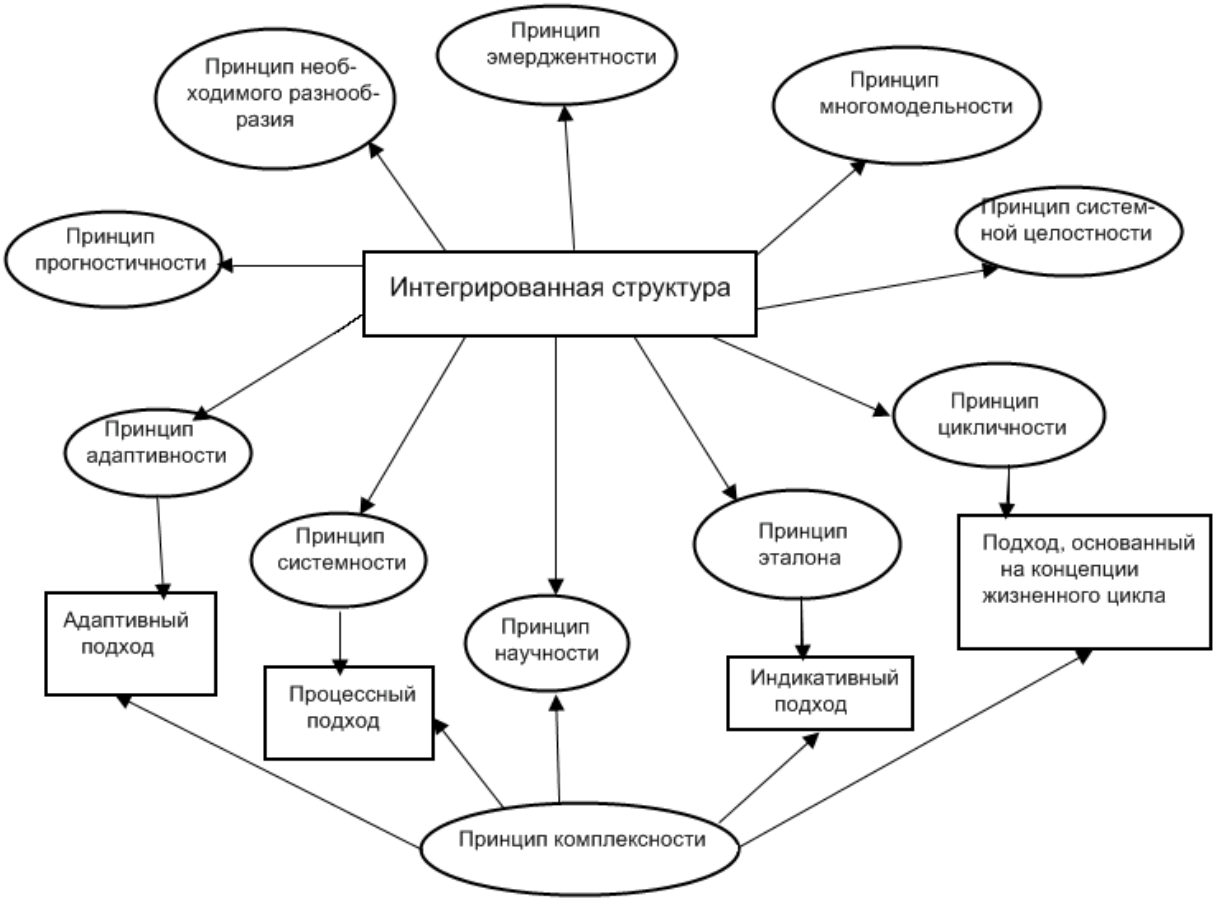


Рис. 1. Система принципов и подходов к управлению интегрированной структурой

ЛИТЕРАТУРА

1. Веретенников, Н. П. Корпорации: организационные формы, принципы и функции управления / Н. П. Веретенников, Р. Г. Леонтьев. – М.: Винити РАН, 2003.
2. Бандилет, А. Трансакционный анализ вертикально-интегрированных связей в нефтяной отрасли / Анжелика Бандилет // ЭКОВЕСТ. – 2004. – № 4. – С. 152-178.
3. Бандурин, А. В. Деятельность корпораций / А. В. Бандурин. – М.: Буквица, 1999.

Учёные записки
Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета
№ III-2 (7)
2011

Несмачных О. В.
O. V. Nesmachnykh

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИННОВАЦИОНЫХ СТРУКТУРАХ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО ПАРТНЕРСТВА КЛАСТЕРНОГО ТИПА

FINANCIAL RELATIONS WITHIN INNOVATIVE CLUSTER-TYPE PUBLIC-COMMERCIAL PARTNERSHIPS

Несмачных Ольга Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных отношений Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (Россия, Санкт-Петербург); 8(911)742-13-82. E-mail: olga-nesmachnykh@yandex.ru.
Ms. Olga V. Nesmachnykh – PhD, Senior Lecturer, Department of International Relations, St.-Petersburg State Polytechnic, St.-Petersburg, tel.: 8 (911) 742-13-82. E-mail olga-nesmachnykh@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены причины и предпосылки государственно-промышленных партнерств кластерного типа, проанализированы основные проблемы общего финансового управления кластером.

Summary. The paper discusses the reasons for and preconditions of public-commercial cluster partnerships; basic problems of finance administration in clusters are analyzed.

Ключевые слова: кластер, государственно-промышленное партнерство, финансовое регулирование, эффективность функционирования, конкуренция.

Key words: cluster, public-commercial partnership, financial leverage, operation efficiency, competition.

УДК 331

Формирование промышленных кластеров часто рассматривается в качестве необходимого условия глобальной конкурентоспособности стран и регионов, также как экономическая специализация рассматривается в качестве важного пути преодоления проблем глобализации, связанных с воздействием внешней конкуренции. Кластерный подход превратился в последние годы в ключевой инструмент региональной промышленной политики ведущих индустриальных стран. Однако его практическое использование для формирования эффективной локальной предпринимательской среды, создания социальной и производственной инфраструктуры, повышения конкурентоспособности территорий еще недостаточно изучены и освоены отечественной практикой.

Понятие «кластер» подразумевает объединение отдельных элементов в единое целое с целью выполнения (реализации) определенной функции. В сумме эти элементы «представляют собой больше», чем по отдельности. Подобное значение имеет понятие «экономический кластер» – это группы успешно конкурирующих фирм, которые в результате своего объединения обеспечивают конкурентные позиции на рынках – отраслевом, региональном, национальном и мировом.

Современная теория кластеров предприятий пока не рассматривает их как системные объекты, которые, с одной стороны, имеют единообразные качественные параметры, позволяющие выделять их из ряда сходных экономико-организационных феноменов, а с другой – характеризуются многообразием форм, которых нужно типологизировать. При этом в типологии кластеров предприятий должны найти отражение их сущностные черты и качественные индикаторы.

Материал поступил 17. 06. 2011

Несмачных О. В.

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИННОВАЦИОНЫХ СТРУКТУРАХ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО ПАРТНЕРСТВА КЛАСТЕРНОГО ТИПА

Объединяя в себе одновременно и конкуренцию, и сотрудничество, кластеры получают значительные преимущества в конкурентной борьбе. Современная конкуренция зависит прежде всего от производительности и гибкости предпринимательских процессов, а не только от географического расположения области, доступа к ресурсам или масштаба организации. Кроме того, ведущим фактором производства является инновационный фактор, который стимулирует конкурентные отношения в отрасли и ускоряет технологический процесс.

В результате на определенной территории возникают стихийные партнерства между промышленными предприятиями, между предприятием и научно-исследовательскими центрами, университетами и производством.

По нашему мнению, механизм интеграции должен исходить из того, что в системе кооперирующихся предприятий оказываются взаимосвязанными и взаимообусловленными практически все элементы производства: материально вещественные, трудовые, интеллектуальные и финансовые. Локальные технологии обслуживающих производств соединяются в системную технологию, связанную единым ритмом конечного звена кооперации. Устанавливаются системные пропорции и нормы затрат труда, распределения ресурсов, мощностей, капиталов, информации. При этом только рациональная кооперация будет способствовать наилучшему использованию ресурсов, появлению «дополнительной производительной силы». Она возникает как результат усиления целостности интегрированной структуры, которая приобретает качественно новые свойства и потенциал, превышающий сумму потенциалов ее звеньев.

Общая эффективность взаимодействия членов партнерства определяется целями и причинами их объединения. Зачастую у каждого участника кластера своя собственная цель. И это первая проблема финансового управления кластером – отсутствие четкой общей финансовой стратегии кластера. У каждого предприятия есть свои финансовые цели и цели, общие с отдельными предприятиями – участниками кластера, как правило, не все члены кластера являются партнерами между собой. Отсутствие общих целей и критериев эффективности взаимодействия для всех участников кластера затрудняет формирование общих рекомендаций и разработки общей финансовой стратегии, которая бы контролировала работу абсолютно всех участников интегрированной структуры.

Кроме того, между предприятиями сохраняются конкурентные отношения, следовательно, все они являются соперниками на общем территориальном рынке. Это означает, что отсутствует прозрачность финансовой и другой информации между участниками кластера, что делает невозможным общее планирование и прогнозирование деятельности кластера.

Все кластеры, так или иначе, являются инновационными, следовательно, присутствуют отношения между университетами и производством. Продукты интеллектуального труда, а также инновации очень сложно оценить, из-за чего возникает множество споров финансового характера между предприятиями.

Однако все эти проблемы финансового взаимодействия между участниками экономического кластера решаемы, если появляется субъект управления в виде государства. Государственные программы финансируют очень многие инновационные проекты, решая проблемы недостатка внутреннего финансирования на предприятиях. Государственный заказ способен создать ряд общих целей для всех участников кластера и стремиться к общей совокупной эффективности работы кластера. Юридический аспект государственного регулирования позволяет определить четкое деление финансовых и других ресурсов, а также распределение прибыли на основе договорных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бандилет, А. Трансакционный анализ вертикально-интегрированных связей в нефтяной отрасли / Анжелика Бандилет // ЭКОВЕСТ. – 2004. – № 4. – С. 152-178.
2. Бандурин, А. В. Деятельность корпораций / А. В. Бандурин. – М.: Буквица, 1999.

Учёные записки
Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета
№ III-2 (7)
2011

Прокопенко Н. В.
N. V. Prokopenko

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ ПРИ СЛИЯНИЯХ И ПОГЛОЩЕНИЯХ

FINANCIAL STRATEGY DURING MERGES AND TAKEOVERS

Прокопенко Наталья Викторовна – ассистент кафедры «Экономика и финансы» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27; 89141550851. E-mail mishutiks@mail.ru.
Ms. Natalya V. Prokopenko - Assistant Lecturer, Department of Economics and Finance, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 681013, Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk Region, tel.: 89141550851. E-mail mishutiks@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены понятия «слияния и поглощения предприятий», «финансовая стратегия», сформулировано определение категории «финансовая стратегия при слияниях и поглощениях», определены механизмы финансирования сделок по слиянию и поглощению, сформулированы особенности формирования финансовой стратегии при слияниях и поглощениях.

Summary. The paper considers such concepts as «merges and takeovers» and «financial strategy»; suggested is a definition for the term «financial strategy during merges and takeovers»; a mechanisms for financing merger/takeover transactions is described; several characteristics of a financial strategy for merges and takeovers are specified.

Ключевые слова: слияния и поглощения, финансовая стратегия, критерии эффективности, финансирование.

Key words: merges and takeovers, financial strategy, efficiency criteria, financing**.**

УДК 331

Процессы слияния и поглощения представляют собой важнейшую черту мировых экономических и финансовых процессов, неотъемлемый признак глобализации мировой экономики и важнейший метод формирования приращения капитала и роста конкурентных преимуществ компаний. Разработка финансовой стратегии при слияниях и поглощениях необходима для того, чтобы сделка и дальнейшее функционирование интегрированной компании были эффективными.

Необходимо определить основные понятия, используемые для целей исследования. Поглощение – сделка, при которой в результате покупки контрольного пакета акций или активов предприятия происходит переход прав собственности на компанию другому владельцу. При этом юридического объединения компаний может не быть. Слияние – это сделка, при которой происходит объединение двух или более компаний в одну, сопровождающееся конвертацией акций сливающихся компаний и сохранением состава собственников. Поглощение является более общим понятием, используемым для описания перехода прав собственности на активы или акции компании, слияние – более узкое понятие, характеризующее переход прав собственности с последующим юридическим объединением.

Основными механизмами слияний и поглощений являются покупка контрольного пакета акций или покупка чистых активов. Существуют два основных подхода к финансированию слияний и поглощений: долевые и долговые схемы финансирования. Долевые схемы

Материал поступил 17. 06. 2011

основаны на выпуске обыкновенных акций, частном и публичном размещении акций, а также на выпуске привилегированных акций. Долговые схемы финансирования включают кредитование, выпуск векселей и выпуск облигаций. То есть фактически существует три подхода к финансированию сделок по слиянию и поглощению – это финансирование деньгами, финансирование акциями и смешанное финансирование.

В связи с этим возникает потребность в разработке наиболее эффективной стратегии финансирования сделок слияния и поглощения с учетом различных факторов. Таким образом, *финансовую стратегию при слияниях и поглощениях определим как систему целей, определенных специфическими критериями эффективности сделки и позволяющих минимизировать издержки и/или максимизировать стоимость интегрированной компании, которая образуется в результате сделки.*

Определим основные факторы, оказывающие влияние на выбор метода финансирования и общую эффективность сделки по слиянию и поглощению. Среди них важнейшими бесспорно являются факторы внешней и внутренней среды предприятий, готовящихся к объединению. К внешним факторам можно отнести всякое воздействие извне. Но так как таких воздействий очень много, то объединим факторы влияния в группы:

1) факторы макроэкономического уровня;
2) факторы отраслевого уровня;
3) факторы регионального уровня.

К первой группе относятся: политические, экономические, правовые, социально-демографические факторы. Каждый из них способен повлиять на деятельность предприятия в будущих периодах. Изменения в экономической политике государства влекут за собой изменения в налогообложении, сокращение или увеличение спроса/предложения на отдельные виды товаров, возможны изменения в приоритетах государственной поддержки для отраслей. Политический фактор может повлиять на изменения в законодательстве, лоббировать интересы отдельных промышленных предприятий, может повлечь любые изменения вплоть до революции. Социально-демографический фактор является ведущим во многих странах. Социально-демографическая политика влияет на повышение/снижение рождаемости и смертности, половозрастную структуру населения, уровень жизни населения и т.п. Результатом неправильной политики может стать нехватка кадров технической или экономической сферы, недостаток/избыток представителей «мужских» или «женских» профессий, резкое повышение спроса на детские товары, среднее и высшее образование (бэби бум) и т.д.

Ко второй группе относятся такие факторы, как фондовооруженность отраслевого производства, физический износ оборудования и возможность его обновления. Сезонный характер работы отдельных отраслей способен повлиять на структуру прибыли, доходность предприятия (сельское хозяйство, энергетика).

Нехватка квалифицированных рабочих оказывает серьезное влияние на развитие многих отраслей в современной России. Так, например, нехватка опытных управленцев со знанием специфических особенностей отрасли тормозит реформирование энергетики. На сегодняшний момент есть очень много специалистов экономического и юридического профиля, но не хватает технических специалистов.

Конкуренция в отрасли имеет большое влияние на барьеры входа/выхода на рынок, уровень доходности производства, спрос на производимую продукцию и т.д. Например, автомобильная промышленность – сложившийся олигополистический рынок. Большое значение для таких рынков играет маркетинговая политика (брэнд, реклама, ценообразование).

Цены на ресурсы и энергоносители влияют на себестоимость продукции, уровень прибыли предприятий и т.д.

К факторам регионального уровня относятся налоговая нагрузка на предприятие, климатические условия в регионе, которые способны повлиять на уровень издержек, на физический износ оборудования, на увеличение или уменьшение затрат на энергоносители (в зависимости от длительности светового дня, продолжительности зимнего периода). Также к факторам этого уровня можно отнести конкуренцию в регионе, поскольку есть развитые и густонаселенные регионы, а есть отдаленные и малонаселенные регионы.

На следующем этапе необходимо определить цели интеграции и сформулировать критерии эффективности интеграции. Основными целями слияний и поглощений являются снижение общих издержек производства, достижение синергии, диверсификация, объединение финансовых, рыночных и других ресурсов, получение налоговых льгот, расширение деятельности. В соответствии с поставленными целями следует выбирать критерии эффективности и метод финансирования сделки. Так, например, если основной целью поглощающей компании является снижение издержек, то следует выбирать схему финансирования, основываясь на минимизации финансовых потерь. И наоборот, если целью является расширение производства и увеличение дохода компании, то следует выбирать схему финансирования, требующую крупных единовременных вложений, но в дальнейшем обеспечивающую устойчивое функционирование объединенного предприятия.

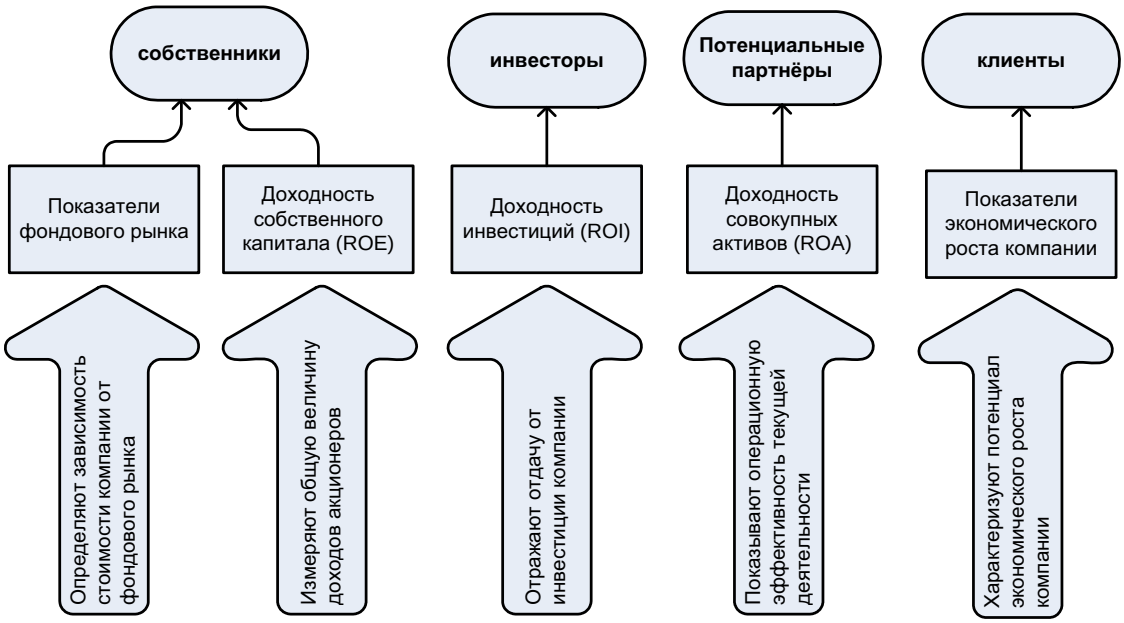


Рис. 1. Характеристика финансовых показателей предприятия по интересам различных групп влияния

Следует помнить о том, что любая стратегия тем более эффективна, чем большую гибкость она проявляет. Следовательно, при разработке финансовой стратегии следует учитывать возможность рефинансирования при изменении факторов окружающей среды и появлении более дешевых или более выгодных вариантов финансирования.

Кроме того, не стоит забывать, что в крупных сделках участвует множество сторон, каждая из которых имеет свои специфические критерии эффективности финансовой стратегии слияний и поглощений. Так, например, цели покупателя и продавца в вопросах форми-

рования налогооблагаемой базы являются прямо противоположными. С точки зрения покупателя, основная цель налогового планирования состоит в том, чтобы свести к минимуму приведенную стоимость совокупных налоговых платежей, возникающих не только в результате приобретения компании и ее активов, но и ведения бизнеса. С точки зрения продавца, основная цель налогового планирования заключается в том, чтобы максимизировать приведенную стоимость чистой прибыли, полученной от продажи компании и ее активов.

В связи с этим оценка эффективности финансовой стратегии слияния или поглощения компаний зависит от критериев, выделяемых конкретной группой заинтересованных лиц. Для каждой группы важен определенный набор показателей, отражающий именно те стороны в развитии предприятия, которые непосредственно касаются этой группы. Например, для собственников предприятия важны показатели доходности акций, показатели фондового рынка, доходность собственного капитала, для инвесторов важны показатели доходности инвестиций и т.д. Более подробно интересы различных групп влияния показаны на рис. 1.

Для достижения баланса между этими группами следует представлять стратегию финансового развития компании в разрезе тех показателей, которые интересны для каждой группы.

Проведенное исследование позволяет выделить особенности формирования финансовой стратегии при слияниях и поглощениях. По нашему мнению, к ним относятся следующие:

- постановка целей финансовой стратегии зависит от причин слияния и поглощения предприятий;
- мониторинг факторов влияния включает гораздо большее количество факторов, нежели при формировании финансовой стратегии отдельного предприятия;
- предметом исследования при формировании финансовой стратегии при слияниях и поглощениях является механизм финансирования сделки, в то время как при формировании финансовой стратегии предприятия предметом является общая эффективность производственной деятельности, которая отражается на ее финансовых результатах;
- эффективность финансовой стратегии при слияниях и поглощениях может быть оценена с точки зрения различных групп заинтересованных лиц, так как критерии эффективности у них, как правило, отличны друг от друга;
- формирование финансовой стратегии при слияниях и поглощениях включает в себя специфические особенности, касающиеся налогового планирования сделки, инвестиционного анализа общей эффективности сделки, управления заемным и собственным капиталом интегрированной компании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стэнли, Ф. Р. Искусство слияний и поглощений / Фостер Рид Стэнли, Рид Лажу Александра. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
2. Ендовицкий, Д. А. Экономический анализ слияний и поглощений / Д. А. Ендовицкий, В. Е. Соболева. – М.: Кнорус, 2008.
3. Патрик, Г. Слияния, поглощения и реструктуризация бизнеса / Гохан Патрик. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.

Учёные записки
Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета
№ III-2 (7)
2011

Симоненко В. Н.
V. N. Simonenko

ПРОБЛЕМЫ НАУКИ О ТРУДЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

LABOUR STUDIES IN THE CONTEXT OF A CRISIS

Симоненко Виталий Николаевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 89141663905. E-mail: simonenko@knastu.ru.
Mr. Vitaly N. Simonenko – PhD in Economics, Senior Lecturer, Associate Professor, Department of Economics and Finance, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 681013, Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk Region, tel.: 89141663905, e-mail simonenko@knastu.ru

Аннотация. В процессе анализа выделяют следующие три важные взаимосвязанные проблемы в науке о труде в кризисных условиях: заработная плата; управление персоналом; пенсионное обеспечение. Краткий анализ составляющих этих проблем показывает на необходимость разработки и проведения согласованной реформы двух систем – заработной платы и пенсионной.

Summary. The paper suggests three important inter-related problems of labour studies in the context of a crisis: salaries and wages, HR management, retirement benefits. A brief analysis of the problems shows that two systems have to be concertedly and simultaneously developed – salaries/wages and pension schemes.

Ключевые слова: бестарифная система, дифференциация уровня, заработная плата, кризис, пенсионное обеспечение, проблемы, тарифная система, управление персоналом, уровень оплаты труда, экономика труда.

Key words: no-tariff system, level differentiation, salary, crisis, retirement benefits, problems, tariff system, HR management, payroll rate, labor economics

УДК 331

В процессе анализа значения термина «кризис» в научной литературе можно отметить, что в основном его связывают с изменением, с некоторым переломным пунктом или тяжелой поворотной точкой к чему-либо, зачастую сопровождающемуся негативным характером. Современное значение этого понятия часто отождествляется с негативными изменениями в экономике: это финансовый кризис, денежный кризис, кризис управления и т.п. Именно финансовый кризис становится основным фактором, влияющим не только на макроэкономический уровень (государства), но и на микроуровень (на уровне отдельных предприятий), где трудится и получает заработную плату работающий персонал и где создаются условия для его материальной поддержки после завершения трудового жизненного этапа – ухода на заслуженный отдых.

Поэтому можно выделить следующие *три важные взаимосвязанные проблемы в экономике труда* в кризисных условиях:

1) заработной платы;
2) управления персоналом;
3) пенсионного обеспечения.

1. Проблема *заработной платы* в нашей стране созрела давно. В условиях плановой экономики в теории предусматривались и действовали на практике принципы организации заработной платы, одними из которых провозглашалась равная оплата за тождественный

труд и формирование уровня оплаты труда в соответствии с его количеством и качеством. В то же время ученые-аналитики отмечали наличие уравнительных тенденций в оплате труда, сглаживать которые позволяло применение различных реформ в области организации, нормирования и оплаты труда. Рассмотрим отдельные аспекты этих проблем:

1.1. В первую очередь, резко выделяется относительно низкий средний *уровень заработной платы* в сравнении с другими развитыми странами, в которых давно ориентирами повышения качества трудовой жизни не является минимальный прожиточный уровень.

1.2. Далее, *справедливость оплаты* ранее обоснованно подвергалась критике, а в действующих условиях она просто *отсутствует.* К тому же многократно усилилась дифференциация доходов и уровня оплаты труда (коэффициент Джини повышается). Кроме того, появились категории работающих, которым в качестве стимулирования для отказа от взяточничества (?!) заработная плата законодательно увеличена более чем на порядок.

1.3. Тарифная система, применяемая длительное время, препятствовала развитию уравнительных тенденций в оплате труда. Однако диапазон тарифных ставок с возрастанием минимального уровня оплаты труда снижался постепенно с 10,07 до 7,54 и даже до 4,5. В результате проведения такой политики в области заработной платы тарифные коэффициенты стали все больше отставать от возрастающей сложности трудовых операций (квалификации работника).

1.4. Применение *бестарифной системы* не закрыло проблемы в области заработной платы для абсолютного большинства населения. Здесь можно отметить больше минусов, чем плюсов. Так, рабочие потеряли стимул повышать тарифный разряд, который стал обезличенным, а вошедшие в бригаду рабочие с высокой выработкой и соответственно высоким начальным коэффициентом трудового участия, постепенно стали «прятаться за спины» других рабочих, снижая производительность труда.

2. Управление трудом. В случае ухудшения финансового состояния предприятия в период кризиса обычно внимание уделяется финансовым и правовым вопросам в рамках антикризисного управления. Относительно персонала, как правило, проводится единственное мероприятие – его сокращение с целью уменьшения затрат. Зачастую в практической деятельности вопросам управления персоналом в системе антикризисных механизмов уделяется недостаточно внимания. Здесь наиболее актуальными являются следующие проблемы:

2.1. Снижение производительности труда за счет сокращенных работников. На наш взгляд, в кризисных условиях как раз необходимо уделять большое значение не сокращению персонала, а увеличению производительности труда за счет снижения трудоемкости, выдачи нормированных заданий, ориентиров персонал на рост производительности труда для основных производственных рабочих, рационализацию структуры кадров, сокращение потерь рабочего времени и пр.

2.2. Высокая текучесть кадров. Под текучестью понимается движение рабочей силы, обусловленное неудовлетворенностью работника рабочим местом или неудовлетворенностью организации. Поэтому, управляя текучестью персонала в организации, особое внимание необходимо уделить эффективности работ на следующих этапах:

1) определение уровня текучести кадров. Необходимо проведение сопоставлений уровня текучести кадров с его допустимой количественной нормой;

2) определение уровня экономических потерь, вызванных текучестью кадров;

3) определение причин текучести кадров;

4) разработка системы мероприятий, направленных на нормализацию процесса высвобождения рабочей силы, совершенствование процедуры увольнения, преодоление излишнего уровня текучести. Предлагаемые меры можно разделить на три основные группы:

- технико-экономические (улучшение условий труда, совершенствование системы материального стимулирования, организации и управления производством и др.);

- организационные (совершенствование процедур приема и увольнения работников, системы профессионального продвижения работников и др.);

- социально-психологические (совершенствование стилей и методов руководства, взаимоотношений в коллективе, системы поощрения и др.);

5) определение экономического эффекта от осуществления разработанных мероприятий.

2.3. Дефицит квалифицированного персонала. Хотя и за последние десять лет ситуация незначительно улучшилась, дефицит квалифицированных специалистов некоторых профессий все еще сохраняется, что характерно не только для периода кризиса.

2.4. Отсутствие мотивации, рационального распределения функций и инициативы персонала. Отчасти эту проблему также можно решить за счет совершенствования организации труда. Так, например, при коллективной организации труда группа (бригада) будет выполнять не только производственные, но и управленческие функции:

1) составлять бюджет и отчет группы (бригады);

2) учитывать рабочее время и распределение заданий между отдельными исполнителями;

3) распределять заработную плату и средства из премиального фонда в соответствии со вкладом в общее дело;

4) контролировать качества продукции;

5) оценивать выполнение производственной программы и т.д.

Антикризисный менеджмент описывает основные принципы управления персоналом в схожих положениях, дополняя инновационной деятельностью. Персонал, в частности управленческое звено, является одним из источников новшеств. Каждое инновационное мероприятие следует рассматривать в аспекте его соответствия качественному уровню подготовленности персонала.

3. Проблемы *пенсионного обеспечения* непосредственно вытекают из первых двух, рассмотренных выше. Здесь разговор ведется вокруг уровня пенсионного обеспечения и дифференциации этого уровня, при этом низкий размер пенсии вынуждает лиц пенсионного возраста продолжать трудиться длительное время после ухода на «заслуженный отдых».

3.1. Уровень пенсионного обеспечения, как и средняя заработная плата, крайне низок, он не обеспечивает достойного проживания неработающему пенсионеру. Значительно развиты и тенденции уравнительности размера пенсии. Так, в регионах с северной надбавкой и районным коэффициентом размер пенсии даже ниже, чем в центральных районах страны (Москва и др.). Установленный размер пенсионного обеспечения лиц, систематически получающих высокую заработную плату до ухода на пенсию, составляет ничтожный относительный уровень от размера фактического заработка в процессе трудовой деятельности.

3.2. Справедливость установленного уровня практически отсутствует. Как и в случае с оплатой труда (п. 1.2), этим лицам устанавливается и явно завышенный (на порядок) размер пенсии, которую трудно потратить, в то время как основной массе пенсионеров едва удается сводить концы с концами.

В результате можно сделать *вывод*, что в нашей стране необходима разработка и проведение согласованной реформы двух систем – заработной платы и пенсионной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базаров, Т. Ю. Управление персоналом / Т. Ю. Базаров, Б. Л. Еремин. – М.: Юнити, 2002.
2. Панфилова, Н. Как управлять производительностью труда в условиях кризиса / Н. Панфилова, Ю. Маркова // Управление производством. – 2009. – № 1.

Батракова Е. Б.
E. B. Batrakova

БЕЛЕЦКАЯ И. Е., ЧИБИСОВА О. В. INVERSION COURSE: ЭЛЕКТРОННЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ГОУВПО «КнАГТУ», 2011.

I.E. BELETSKAYA, O.V. CHIBISOVA. INVERSION COURSE: E-LEARNING SYSTEM. KOMSOMOLSK-ON-AMUR, KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE TECHNICAL UNIVERSITY, 2011.

В настоящее время все более актуальным становится понимание того, что в области гуманитарных технологий профессиональные навыки и умения должны формироваться не только в условиях традиционного аудиторного обучения, но и в рамках обучения диста-нционного. В связи с интенсивным развитием новых информационных технологий (НИТ) и Интернет, а также возрастающей тенденцией к компьютеризации различных сфер жизни, дистанционная форма обучения представляется перспективной для организации подготовки студентов-лингвистов. Она позволяет обеспечить охват широкого контингента учащихся, проживающих на значительном расстоянии от выбранного вуза, при обеспечении возмо-жности опосредованного взаимодействия всех участников учебного процесса.

Автор рецензируемого электронного образовательного ресурса ставит своей целью организовать учебный процесс в системе подготовки студентов-лингвистов в дистанционной форме, сформировать у учащихся грамматические навыки, умения говорения, аудирования, чтения и письма.

Электронный образовательный ресурс (ЭОР) «Inversion Course» представляет из себя вебстраницу, выполненную на языке HTML с использованием элементов XML, JawaScript, Silverlite и Flash. Использованные технологии позволяют применять ЭОР на компьютере с любой операционной системой.

Ресурс «Inversion Course» («Курс по инверсии») изготовлен при помощи программы «Microsoft Expression Web 4», которая является составной частью лицензированного пакета «Microsoft Office». Флэш-версия файла Помощи в формате SWF изготовлена при помощи лицензированной версии программы FlippingBook PDF Publisher. В пособии также использованы видеоматериалы, имеющиеся в свободном доступе на http://www.youtube.com/.

Для удобства в структуре «Inversion Course» имеется набор программ, которые необходимы не только для работы с данным пособием, но и в целом для комфортной работы с медиафайлами, документами или в сети Интернет. Все программы являются бесплатными и гарантированно не повредят компьютер.

Данный электронный образовательный ресурс отвечает поставленным целям обучения, воспитания, развития личности студента. ЭОР включает грамматические и условно-речевые упражнения, которые были составлены согласно методике обучения грамматике иностранного языка. В него вошли как языковые, так и речевые упражнения. Из языковых упражнений в данном ЭОР представлены подстановочные, трансформационные, упражнения на множественной выбор и упражнения на перевод. Условно-речевые упражнения ситуативны, обладают определёнными речевыми задачами. В качестве опоры нами были использованы такие вербальные средства, как картинки, таблицы, видео.

Ресурс состоит из пяти разделов: вводной части, основной части, контроля, справочника и помощи. В основной части представлены сведения об авторе, требования к программному обеспечению, форма распространения и формат издания.

В основную часть входит грамматический материал по теме «Инверсия», подробно рассматриваются случаи употребления и приводятся примеры. Далее учащимся предлагается выполнить задания на закрепление изученного материала.

Раздел под названием «Контроль» условно можно разделить на две части – текущий тест и промежуточный тест. В данных разделах проверяются полученные знания по теме «Инверсия». Данные тесты так же представляют как языковые, так и условно-речевые упражнения.

Для того чтобы снять предполагаемые трудности, с которыми могут столкнуться учащиеся при изучении грамматического материала, в данный электронный образовательный ресурс входит

Материал поступил 18.05.2011

словарь с объяснением терминов.

В представленном ЭОР также имеются таблицы употребления инверсии в английском языке с примерами. Справочный раздел содержит ответы ко всем упражнениям. В электронном виде они имеют пароль, так что учащиеся не могут списывать, в связи с чем должны самостоятельно работать с заданиями.

В последнем разделе описываются правила пользования ЭОР, имеется список ссылок англоязычных сайтов, рекомендуемых в качестве дополнительного материала для самостоятельного изучения.

Интерфейс устроен таким образом, что при открытии страницы слева находится раздел «Меню» – девять голубых кнопок, каждая из которых ведет к соответствующему разделу ЭОР.

Кнопка «Home» («Дом», домашняя страница) всегда открывает Домашнюю страницу – самое начало Курса. Эта кнопка доступна с любой открытой страницы.

Кнопка «Guide» («Гид») открывает краткое описание сути курса, расскажет об его авторах.

Кнопка «Units» («Уроки») соединена со страничкой, представляющей краткую теорию Инверсии в Английском языке; она же приводит к страничке с одиннадцатью примерами употребления инверсии.

Кнопка «Exercises» («Упражнения») соединена с одиннадцатью упражнениями, предназначенными для закрепления знаний. Каждое упражнение для удобства представлено в двух видах: в виде отдельного документа в формате «PDF» для работы «оффлайн» и в «онлайн» форме.

Выбирая формат документа «PDF», необходимо кликнуть на кнопке «Open in PDF» и скачать открывшийся документ.

Выбрав опцию «Open in Web» («Открыть в Веб»), можно работать непосредственно в интерфейсе настоящего Курса. 12 кнопок ведут к соответствующему упражнению. После каждого упражнения, ниже на странице, имеется специальная веб-форма для отправки сообщения. Собственный вариант ответа необходимо напечатать в форму, указав свое имя и фамилию, а также электронный адрес, после чего кликнуть кнопку «Submit Form» («Отправить форму на рассмотрение») – в эту секунду ответ будет послан на электронный адрес проверяющего.

Кнопка «Tests» («Тесты») открывает два вида тестов – «Current Check» («Текущая проверка знаний») и «Intermediate Check» («Промежуточная проверка знаний»). Эти тесты разные по сложности, но принцип работы с ними один: необходимо выбрать форму работы («онлайн» или «оффлайн») и внимательно выполнить задания.

Кнопка «Answers» («Ответы») показывает ответы ко всем упражнениям. Однако страница эта закрыта паролем – следует связаться с администрацией учебного заведения для его получения.

Кнопка «References» («Ссылки») открывает доступ к дополнительным ресурсам Сайта. Здесь доступен раздел «Словарь» («Vocabulary»).

Кроме того, ресурс располагает таблицами с многочисленными примерами употребления инверсии («Tables») и страничкой со множеством дополнительных полезных интернет-ссылок («Useful Links» – «Полезные ссылки»).

Кнопка «Schedule» («Расписание») откроет Календарь, в котором, помимо Российских и Американских праздничных дат, отмечены все основные события учебы на курсе «Inversion Course» – расписание сессий и экзаменов, финальные даты сдачи зачетов, и т.п.

После просмотра Календаря можно легко вернуться на главную страницу ЭОР, кликнув кнопку «Home».

Кнопка «Help» («Помощь») приводит на страницу Помощи.

Данный электронный образовательный ресурс отвечает предъявляемым к его созданию требованиям.

Предположительным результатом комплекса упражнений является решение следующих задач: изучение и отработка грамматического материала, его ситуативное использование в устной и письменной речи, активизация логического и творческого мышления студентов, а также овладение учащимися умениями и навыками грамматики.

Несомненным достоинством данного электронного образовательного ресурса является то, что системность упражнений, выполняемых в такой последовательности и в таком количестве, учитывает закономерности формирования умений и навыков в различных видах деятельности, в их взаимодействии. Всё это обеспечивает максимально высокий уровень овладения иностранным языком в условиях дистанционного обучения.

Егурнова А. А.
A. A. Egurnova

ОСИПОВ Д. А. СТРОЕНИЕ АВТОМОБИЛЯ: УЧЕБ.-МЕТОД. ПОСОБИЕ. – LAP LAMBERT ACADEMIC PUBLISHING GMBH & CO. KG, SAARBRÜCKEN. – 67 С.

D. A. OSIPOV. MOTOR CAR STRUCTURE. – LAP LAMBERT ACADEMIC PUBLISHING GMBH & CO. KG, SAARBRÜCKEN. – 67 P.

Рецензируемое учебно-методическое пособие посвящено автомобилестроению и предназначено для обучения студентов языковых вузов письменному переводу. Данная книга призвана решить ряд задач при подготовке студента к переводческой деятельности, а именно: обучить специальной лексике, снять грамматические и лексические трудности перевода и научить письменному переводу.

Авторы, придерживаясь мнения В. Н. Комиссарова о многокомпонентном составе переводческой компетенции, избрали фундаментом для своего труда следующие основные составляющие профессионально-ориентированной переводческой компетенции:

1) лингвистическую компетенцию в рецептивном и продуктивном планах в родном и иностранном языках;

2) текстообразующую компетенцию, то есть знание соотношения правил порождения текстов на родном и иностранных языках, умение строить адекватные оригиналу тексты разного функционального стиля, жанра и типа;

3) коммуникативную компетенцию, предполагающую умение максимально полно передавать смысл текста ИЯ на ПЯ;

4) технологическую компетенцию, т.е. специфические знания, владение основными переводческими стратегиями и приемами;

5) специальную компетенцию (знание предмета; владение понятийно-терминологическим аппаратом данной предметной области);

6) компенсаторные умения, то есть умения пользоваться словарями, справочниками, базами данных и другими источниками дополнительной информации.

Непосредственно само учебно-методическое пособие состоит из трех разделов, каждый из которых содержит три текста, три теста и ключи к ним. Все тексты сопровождаются лексическими, грамматическими и стилистическими упражнениями. Данные упражнения помогают студенту снять трудности перевода, овладеть новой лексикой, усвоить новые незнакомые понятия и направлены на формирование коммуникативной компетенции обучаемых.

Систематическое выполнение упражнений на снятие лексических трудностей ведет к становлению автоматизма распознавания иноязычных терминов, установлению их связей с русскими терминами, формированию навыков перевода вариантных соответствий и безэквивалентной лексики.

В соответствии с особенностями осуществления письменного перевода научных текстов авторы пособия выделяют два этапа освоения переводческой деятельности – предпереводческий и переводческий, на каждом из которых выполняются комплексы

Материал поступил 10.06.2011

упражнений для достижения определенных целей, а также этап контроля уровня сформированности переводческих навыков и умений.

Специфика предпереводческих заданий заключается в том, что они развивают определенные компетенции, необходимые для перевода текста, но перевод цельного текста как таковой при этом не осуществляется. Подобные упражнения помогают высветить и отработать важные умения переводческого анализа.

Собственно переводческие задания представляют собой набор завершенных отрезков текста, содержащих определенные трудности для перевода и требующих применения соответствующих навыков и умений. Данный этап позволяет аккумулировать все сформированные и необходимые для перевода переводческие компетенции и их составляющие. Его задачей становится совершенствование всех компетенций в их комплексе на более высоком уровне. Задания этого этапа показывают единство понимания и порождения текста в процессе перевода. Основой для их выполнения должны стать компетенции, сформированные в процессе выполнения упражнений на предпереводческом этапе.

Все представленные в книге задания развивают готовность студентов анализировать ситуацию, принимать самостоятельные решения в проблемных ситуациях, а также умение интерпретировать трудности и адекватно реагировать на переводческие неудачи.

В целом, можно отметить, что рецензируемое учебно-методическое пособие является универсальным средством по обучению письменному переводу студентов языкового вуза. Акцент сделан на упражнения, которые помогают формировать переводческие навыки и умения. Присутствуют иллюстрации для помощи в понимании текстов. Разработанный комплекс упражнений помогает студентам освоить письменный перевод, снять лексико-грамматические трудности, а также изучить новую лексику.

Чибисова О. В.
O. V. Chibisova

ЕГУРНОВА А. А., ШАРЛАИМОВА Г. Т. ОБУЧЕНИЕ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ГОУВПО «КнАГТУ», 2009. – 115 С.

A.A.EGURNOVA, G.T.SHARLAIMOVA. TEACHING WRITTEN ENGLISH. – KOMSOMOLSK-ON-AMUR, KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE TECHNICAL UNIVERSITY, 2009. – 115 P.

Чибисова Ольга Владимировна – доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Юбилейная, д. 15, кв. 73; 8(4217)27-62-00. E-mail: olgachibisova@yandex.ru.
Mr. Olga V. Chibisova – Senior Lecturer, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681035 Komsomolsk-on-Amur, 15 Yubileynaya St., flat 73, 8-4217-27-62-00, e-mail: olgachibisova@yandex.ru

В последние десятилетия российское образование представляет собой область постоянного реформирования, вследствие чего учебные планы и рабочие программы подготовки специалистов в вузах РФ претерпевают значительные изменения. Это связано, в первую очередь, с расширением международных отношений государств, информатизацией общества и вступлением России в Болонский процесс. Новые федеральные образовательные стандарты высшего профессионального образования нацелены на подготовку квалифицированного работника, компетентного в своей сфере деятельности и ориентированного в смежных областях, ответственного, а также готового к профессиональному самосовершенствованию, социальной и профессиональной мобильности на уровне мировых стандартов. В этой связи все большее внимание уделяется дисциплинам, обеспечивающим успешное становление студентов как конкурентоспособных специалистов в иноязычном обществе.

Особое внимание направлено на формирование умений разработки методов анализа, обработки, моделирования, формализации и алгоритмизации текстовых массивов, а также разработки технологий для проведения экспертного лингвистического анализа устной и письменной речи, что невозможно достичь без свободного владения письменной речью. Таким образом, знание основ письменной речи, ее видов, правил этикета и ведения документации, согласно ее стилистической направленности, законов композиции, приемов убеждения, аргументации, навыки литературного редактирования, умение создавать собственные произведения играет очень важную роль в профессиональной подготовке студентов-лингвистов. Кроме того, усиливается потребность в письменном общении на иностранном языке при устройстве на работу в транснациональные организации, обучении за рубежом, сдаче международных экзаменов.

В то же время приходится констатировать, что пока формирование культуры письменного речевого общения на английском языке в учебном процессе высшей школы протекает довольно медленно. Одной из причин сложившейся ситуации является недостаточность адекватного теоретико-методологического обоснования и методического обеспечения процесса подготовки студентов-лингвистов к будущей профессиональной деятельности. С этой точки зрения появление такого учебного пособия, как «Обучение письменной речи на английском языке» авторов А.А. Егурновой и Г.Т. Шарлаимовой является своевременным, насущным и востребованным.

В 2009 г. рецензируемое пособие было рекомендовано Дальневосточным региональным учебно-методическим центром (ДВ РУМЦ) в качестве учебного пособия для студентов специальностей 031201 – Теория и методика преподавания иностранных языков и культур, 031202 – Перевод и переводоведение, 031203 – Теория и практика межкультурной коммуникации вузов региона. В 2010 г. авторы пособия приняли участие в IV Всероссийской выставке-презентации учебно-методических изданий (учебников, учебно-методических пособий,

Материал поступил 09.06.2011

монографий, электронных изданий, учебных фильмов и программ), проведенной Российской Академией Естествознания и Министерством образования и науки Российской Федерации с 16 по 18 февраля в г. Москве, получив диплом лауреата за лучшее учебно-методическое издание в отрасли из серии «Золотой фонд отечественной науки».

Пособие построено по авторской методике формирования культуры письменного речевого общения у студентов в процессе иноязычной подготовки, которая базируется на таких подходах к обучению письменной речи, как продуктивный, процессуальный и жанровый. Практическая ценность рецензируемого учебного пособия обусловлена также разумным соотношением теории и практики.

Оно состоит из трех логически связанных между собой разделов, каждый из которых представляет большой интерес для специалистов. Первый раздел «Виды письменных работ. Теоретический обзор», посвящен дописьменному этапу, описывает структурные, жанровые и стилевые особенности письменных сообщений. В нем также приведена классификация типичных ошибок, причем каждый аспект дается в сравнении и подробно анализируется с точки зрения правильности и уместности. Затем во втором и третьем разделах подробно рассматриваются письменные сообщения различного объема, анализируются их виды, частные особенности оформления каждого вида. Все разделы снабжены богатым иллюстративным материалом, в том числе образцами эссе (нарративного, дескриптивного, экспозитивного и аргументативного) и писем (деловых и личных), взятых из реальной языковой и учебной практики.

В конце каждого раздела находятся практические задания, направленные на закрепление изученного материала, способствующие развитию логического, аналитического и критического мышления, креативности, более глубокому проникновению в иную культуру – формированию вторичной языковой личности. Они составлены на основе разработанных авторами пособия критериев, показателей и методов диагностики уровня сформированности культуры письменного речевого общения. Тем самым они позволяют студентам самостоятельно оценить свое знание лексики, грамматики, регистров письменного общения, правил построения высказывания и объединения их в текст, умение использовать высказывание для выполнения различных коммуникативных функций (выражения собственного мнения, убеждения, аргументации, объяснения и др.).

Таким образом, учебное пособие не только предоставляет информацию об основах культуры письменного речевого общения, но и способствует профессиональному росту будущих специалистов, развивая их критическое и творческое мышление, самостоятельность суждений, способность анализировать, сравнивать и обобщать.

Преимущества использования данного пособия перед другими учебными пособиями по практике речи очевидны. Во-первых, внимание обучаемых сосредоточено на выполнении заданий и упражнений, ставящих акцент на одном конкретном виде речевой деятельности – письме. В данном случае целенаправленно реализуется принцип дифференцированного и интегрированного обучения, который предполагает углубленное изучение письменной речи при минимальном использовании других видов речевой деятельности. Во-вторых, использование специализированного пособия по обучению письменной речи позволяет преподавателю обеспечивать систематичность изучения данного вида речевой деятельности.

Кроме того, самостоятельный курс объединяет в себе более подробное и тщательное изучение различных аспектов грамматики, фразеологии, лексики, стилистики и т.д., что обеспечивает его взаимосвязь и взаимную обусловленность с другими дисциплинами реализуемой программы в целом и его роль в формировании ЗУНов обучающихся и компетенций выпускников программы, которые необходимы для успешного усвоения следующих далее дисциплин и будущей практической деятельности выпускника. Следовательно, внедрение настоящего пособия в практику преподавания способствует реализации одного из принципов Болонской декларации, предусматривающей создание Европейского пространства высшего образования, – принципа академической мобильности студентов, их свободного доступа ко всем образовательным услугам Европы.

Оно может быть рекомендовано преподавателям и студентам в качестве материала к курсам «Практикум по культуре речевого общения», «Практика устной и письменной речи», «Деловой английский язык», при подготовке курсовых и дипломных работ по культуре англоязычной письменной речи, а также при подготовке к сдаче государственных и международных экзаменов (раздел «Письмо»).

Васильченко А. С.
A. S. Vasilchenko

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ (КнАГТУ, СЕКЦИИ: «ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР», «ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ»)

41st SCIENTIFIC AND TECHNICAL CONFERENCE OF UNDERGRADUATE AND POSTGRADUATE STUDENTS (KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE TECHNICAL UNIVERSITY, PANELS: "THEORY AND METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES AND CULTURES, "PROBLEMS OF COMMUNICATION")

Васильченко Анна Сергеевна – преподаватель кафедры общего и профессионального английского языка Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Гамарника, д. 35, кв. 133; 8(4217)279-132. E-mail: sanity713@mail.ru.
Ms. Anna S. Vasilchenko – Assistant Lecturer, Department of General and Professional English Language, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 601021, Komsomolsk-on-Amur, 35 Gamarnik Street, apt. 113, tel.: 8 (4217) 279132. E-mail: sanity713@mail.ru

В период с 4 по 20 апреля 2011 года в Комсомольском-на-Амуре государственном техническом университете состоялась 41-я научно-техническая конференция студентов и аспирантов. На конференции были заслушаны доклады, затрагивающие наиболее актуальные вопросы в области технических и гуманитарных наук.

Заседание секции «Проблемы коммуникации» под руководством профессора А.А. Шунейко состоялось 4 апреля. На заседании присутствовало 40 человек, 11 человек выступили с докладами. Большой интерес у аудитории вызвало выступление А.Е. Сахарных на тему «Взаимодействие средств различных языков в жаргоне готов». В своем выступлении Сахарных рассказала о своеобразном способе общения представителей готической субкультуры, привела примеры уникальных слов и выражений, используемых готами в повседневной жизни. Как отмечает автор, общение представителей данной субкультуры представляет собой сочетание вежливости, эстетики и пафоса. Данное выступление вызвало большое количество вопросов и обсуждение.

Следует отметить выступление Н. Габулян. В докладе на тему «Речевой акт «угроза» как эффективное средство воздействия» она осветила наиболее успешные средства использования «угрозы» для коммуникативного убеждения. В ходе исследования автором была выявлена классификация речевого акта угроза, в которую вошли: угроза-обещание, угроза-директив, угроза-предупреждение, угроза-интеррогатив, угроза-констатив. Анализ практического материала показал, что наиболее частотным типом речевого акта угрозы является угроза-обещание, которая является одной из наиболее эффективных, а такие типы угроз, как угроза-предупреждение, угроза-интеррогатив являются малоэффективными средствами воздействия. Практическая ценность работы заключается в возможности использования результатов исследования в курсе дисциплины «Интерпретация текста», а также для написания курсовых работ. Результаты работы могут быть полезными для всех, кого интересуют эффективные способы общения.

По результатам голосования места в данной секции были распределены следующим образом:

Материал поступил 21.05.2011

1-е место: Сахарных Анна «Взаимодействие средств различных языков в жаргоне готов», Захарина Полина «Смешение китайского и русского языков в речи китайских торговцев»;

2-е место: Лескова Юлия «Наиболее употребительная лексика студентов как проявление национальных языковых особенностей (на материале русского и английского языков)», Дмитриева Светлана «Семантика и стилистика гендерно-ориентированных заголовков (на примере английских глянцевых журналов начала XXI в.)»;

3-е место: Чащин Вячеслав «Роль изобразительных средств в англоязычных текстах военно-исторической тематики второй половины XX в.», Товбаз Артем «Приветствие как форма коммуникативного контакта».

На заседании секции «Теория и методика преподавания языков и культур», проходившем 12 апреля, были представлены шесть сообщений, посвященных вопросам эффективного преподавания иностранных языков и использования современных методик и технологий. Следует отметить, что все участвующие докладчики продемонстрировали высокий уровень знаний в данном направлении и смогли представить результаты своих научных исследований в интересной и наглядной форме.

Т.С. Зайцева в докладе «Обучение переводу как виду межкультурной дятельности» подчеркивает важность культурологического подхода к переводу. Автор доклада полагает, что учет особенностей культуры при переводе дает право рассматривать перевод с точки зрения межкультурной речевой деятельности. Перевод предполагает преодоление культурной дистанции, поскольку при переводе имеет место не только контакт двух языков, но и соприкосновение двух культур, и поэтому очень важно учитывать при обучении переводу межкультурную компоненту. Практическим результатом данного исследования стал разработанный Т.С. Зайцевой электронный образовательный ресурс, содержащий задания, направленные на усвоение и закрепление теоретического материала по переводу и межкультурной коммуникации, задания для работы с текстами, справочные материалы и контрольные тесты.

Проведя анализ литературы по вопросу дистанционного обучения (ДО) студентов-лингвистов, автор доклада «Методика дистанционного обучения студентов-лингвистов» И.Е. Белецкая смогла выделить основные организационно-процессуальные требования к дистанционному образованию. Так, например, И.Е Белецкая утверждает, что, исходя из современного понимания учебного процесса, программы ДО должны отвечать требованию блочно-модульной организации. Такая организация позволяет обеспечить усвоение знаний на субъектно-субъектной основе, индивидуализировать работу с отдельными студентами. Соблюдение требований интеграции современных методов, способов и приемов в ДО является необходимым, поскольку позволяет говорить о широком внедрении информационных и дистанционных технологий в образовательный процесс. Это, в свою очередь, дает возможность по-новому организовать самостоятельную работу студентов, увеличить интенсивность учебного процесса, укрепить мотивацию студентов к познавательной деятельности, осуществлять самоконтроль уровня усвоения материала по каждой теме.

В ходе работы данной секции также было уделено внимание психологическому аспекту в обучении языку. О.И. Лопатина в докладе на тему «Психосберегающие технологии обучения в языковом вузе» затрагивает вопрос использования данных технологий не только как средства сохранения психического здоровья обучающихся, но и как способа воздействия на скрытые возможности студентов, активизации их мыслительной деятельности и интенсификации процесса усвоения учебного материала. Автором было установлено, что использо-

вание психосберегающих технологий при обучении иностранному языку может: активизировать мыслительную деятельность обучающихся; сделать сам процесс обучения интересным и приятным для всех студентов; значительно обогатить учебный материал звуковой и зрительной наглядностью, сделав его более понятным для всех категорий обучающихся; помочь студентам сформировать ассоциативные связи языковых знаков с означенной ими действительностью; индивидуализировать процесс обучения без дополнительных затрат аудиторного времени.

Заметный отклик аудитории вызвало выступление Е.Б. Батраковой с докладом «Стереотипы в отношения преподавателя и студента». Интересным, на наш взгляд, является мысль, что «студент более дисциплинированный чаще всего воспринимается преподавателем как более способный». Проведя анализ литературы по вопросу стереотипов и психологических барьеров, которые они вызывают, Е.Б. Батракова делает вывод, что, во-первых, педагогические отношения являются частным случаем обычных человеческих отношений. Во-вторых, отношения в системе «учитель – ученик» могут быть охарактеризованы при помощи разнообразных параметров в зависимости от выбираемой в качестве точки отсчета модели педагогических отношений. В-третьих, разворачиваясь в специфической атмосфере взаимодействия, рассматриваемые отношения имеют особенные черты в виде стереотипности.

Одним из наиболее актуальных докладов, рассмотренных в данной секции, является исследование Е.С. Фроловой «Использование интерактивной технологии SMART BOARD» в обучении научной письменной речи». Актуальность выбранной темы обуславливает тот факт, что на сегодняшний день интерактивная доска Smart Board является неотъемлемой частью современного образовательного процесса и широко используется в учебных учреждениях. Кроме того, как показало исследование, письменная речь является наименее любимым видом деятельности среди студентов. Применение данной интерактивной технологии может заметно увеличить мотивацию студентов и повысить эффективность обучения научной письменной речи на английском языке.

Победителями в данной секции стали:

1-е место: Т.С. Зайцева, Е.Б. Батракова;

2-е место: И.Е. Белецкая; О.И. Лопатина;

3-е место: Д.А. Осипов, Е.С. Фролова.

Таким образом, можно отметить, что выступления были познавательными и в большинстве случаев носили прикладной характер. Ознакомиться с краткими тезисами можно в сборнике публикаций «Научно-техническое творчество студентов и аспирантов. Материалы докладов 41-й научно-творческой конференции студентов и аспирантов (Комсомольск-на-Амуре, 2011 г.)».

Учёные записки
Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета
№ III-2 (7)
2011

Егурнова А. А.
A. A. Egurnova

ЗАЩИТА ВЫПУСКНЫХ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ РАБОТ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР» (КнАГТУ)

DEFENDING STUDENTS' QUALIFYING PAPERS IN THE DISCIPLINE "THEORY/METHODOLOGY OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES AND CULTURES" (KNASTU)

10 июня 2010 г. состоялась последняя защита выпускных квалификационных работ студентов специальности 031201 – Теория и методика преподавания иностранных языков и культур, набор на которую перестал осуществляться в 2007 г. Выступления были яркими и интересными, а практические разработки, отражающие актуальные в современном обществе явления, были направлены на совершенствование образовательного процесса высшего учебного заведения.

И. Е. Белецкая разработала электронный образовательный ресурс (ЭОР) для дистанционного курса английского языка «Distance English: The Inversion Course», который рассчитан на студентов 2–3-го курсов лингвистических факультетов, но может также быть использован как электронное пособие для самообучения на уровнях Intermediate / Upper-Intermediate English. Созданный ЭОР позволяет учащимся работать в режиме «онлайн», а также располагает ресурсами в форматах PDF и Flash для работы в режиме «офлайн». Главная задача ЭОР – тренировка и совершенствование грамматических умений и навыков по теме «Инверсия».

Электронный образовательный ресурс состоит из пяти разделов: вводной части, основной части, контроля, справочника и помощи. В вводной части представлены сведения об авторе, требования к программному обеспечению, форма распространения и формат издания. В основную часть входит грамматический материал по теме «Инверсия», подробно рассматриваются случаи её употребления и приводятся примеры. В разделе «Контроль» обучающимся предлагается выполнить задания на закрепление изученного материала.

В качестве вспомогательного материала используется видеоматериал, упражнения к которому направлены не только на закрепление навыков грамматики, но и на отработку устной речи, так как включают в себя темы для обсуждений. Теоретический материал озвучен носителем языка.

Справочный раздел содержит ответы ко всем упражнениям. В электронном виде они поставлены под пароль, так что учащиеся не имеют возможности списывать, в связи с чем вынуждены самостоятельно работать с заданиями. Ответы также представлены в формате Flash.

Т. С. Зайцева создала ЭОР по обучению лексическим приемам перевода «One man's meat is another man's poison». Он призван через сопоставительное знакомство с культурой различных стран, через поиск сходств и различий культур, выраженных в языке, способствовать целостному развитию личности студентов, повышению их культурного уровня.

ЭОР по обучению лексическим приемам перевода «One man's meat is another man's poison» состоит из шести частей: двух разделов, контрольного теста, ответов к тесту, ссылок на интернет-сайты, а также методических указаний к ЭОР. В свою очередь, каждый раздел состоит из теоретической и практической частей, словаря лексики, справочного материала.

Материал поступил 10.06.2011

Теоретическая часть включает теорию, задания на самопроверку и ответы к данным заданиям. Практическая часть состоит из предпереводческих заданий, текста и заданий на перевод, а также заданий для работы с текстом после его перевода.

Для удобства работы с ЭОР в конце каждого раздела был создан словарь лексики, содержащий наиболее трудные понятия и реалии с пояснениями на английском языке.

После изучения ЭОР студентам предлагается пройти контрольный тест на проверку полученных знаний о лексических приемах перевода. Тест содержит задания на выбор правильного определения переводческого термина, на выбор верного способа перевода словосочетания или слова. Данный тест студенты могут проходить самостоятельно, так как после теста предоставляются ключи к нему.

В конце ЭОР предоставляются методические рекомендации использования его по обучению лексическим приемам перевода «One man's meat is another man's poison». Методические рекомендации позволяют более грамотно использовать данный ЭОР и получить от него максимум знаний.

О. И. Лопатина разработала лекционно-практический комплекс с применением психосберегающих технологий по дисциплине «Основы теории межкультурной коммуникации». Его целями являются ознакомление с основными теоретическими положениями, знакомство с культурой различных стран, способствование развитию межкультурной компетенции, личности студентов и их культурного уровня.

Данный ЭОР состоит из пяти частей: лекционного материала, упражнений, ответов к упражнениям, видеоматериалов, ссылок на Интернет-сайты. Лекционный материал включает в себя семь лекций следующих тематик: «Виды коммуникации», «Уровни коммуникации», «Модели коммуникационных процессов», «Процессы восприятия и понимания текстовой деятельности в когнитологии», «Прецедентные феномены в межкультурной коммуникации», «Теория лакунарности», «Теория дискурса». Они были переведены в формат презентаций, что позволило адаптировать учебный материал для студентов с различными индивидуальными характеристиками.

Результатом применения данного комплекса упражнений является решение следующих задач: автоматизации лекционного материала, его ситуативного и самостоятельного использования, активизации логического и творческого мышления студентов.

Д. А. Осипов создал учебно-методическое пособие «Строение автомобиля. Motor Car Structure», состоящее из трех взаимосвязанных разделов, каждый из которых содержит разнообразные предпереводческие задания, текст и задания на перевод, а также упражнения для работы с текстом после его перевода.

Е. С. Фролова разработала мультимедийный курс «Английский язык научного общения» с использованием интерактивной технологии Smart Board. Он состоит из четырех разделов, каждый из которых содержит серию обучающих, контролирующих и творческих упражнений, направленных на формирование и последующее развитие у студентов навыков эффективной письменной речи в профессиональных целях. Упражнения, включенные в данный курс, разработаны на основе аутентичного материала, а именно научных и научно-популярных статей из английских и американских журналов «American Scientist», «BBC Knowledge», «National Geographic», «Scientific American Mind», «Science» и др.

Материалы проведенных студентами исследований прошли апробацию и были представлены на конференциях разного уровня. Все созданные ЭОР имеют выраженную практическую направленность и представляют собой ценный дидактический материал, способствующий эффективному формированию компетентного лингвиста.